

ВОРОТЫНСКИЕ ЧТЕНИЯ

СРЕДНЕВЕКОВАЯ РОССИЯ:

ВОЕННЫЙ И ДУХОВНЫЙ ПОДВИГ ПРЕДКОВ

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

(Вологда – Кириллов, 5 - 7 сентября 2019 г.)

Департамент культуры Вологодской области
Вологодская областная универсальная научная библиотека им. И. В. Бабушкина
Вологодский государственный университет
Кирилло-Белозерский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
Русское географическое общество
Вологодское региональное отделение Российского исторического общества

**ВОРОТЫНСКИЕ ЧТЕНИЯ.
СРЕДНЕВЕКОВАЯ РОССИЯ:
ВОЕННЫЙ И ДУХОВНЫЙ ПОДВИГ ПРЕДКОВ**

Материалы Всероссийской научно-практической конференции

(Вологда – Кириллов, 5-7 сентября 2019 г.)

Выпуск 1

Вологда
ВОУНБ
2020

УДК 94(47).03/07
ББК 63.3(2)4/52
В75

Редколлегия:

Саблин В. А. (ответственный редактор), Буханцева Т. Н., Колесова И. Е., Минаева Т. С.,
Пугач И. В., Судаков Г. В., Теребова Л. В., протоиерей Алексей Сорокин

Рецензент: Кузьминых А. Л.,
д-р ист. наук, доцент

В75 Воротынские чтения. Средневековая Россия: военный и духовный подвиг предков: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Вологда – Кириллов, 5-7 сентября 2019 г.) Вып. 1 / Департамент культуры Вологодской области, Вологодская областная универсальная научная библиотека им. И. В. Бабушкина, Вологодский государственный университет и др. ; [редколлегия : Саблин В. А. (ответственный редактор) и др.]. – Вологда : ВОУНБ, 2020. – 143 с.: ил., табл. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-904318-69-7

Сборник содержит материалы Всероссийской научно-практической конференции «Воротынские чтения. Средневековая Россия: военный и духовный подвиг предков», которая прошла в Вологодской области 5-7 сентября 2019 года. Конференция, в которой приняли участие ученые-историки, научные сотрудники и преподаватели вузов, сотрудники музеев, краеведы и церковные деятели, была направлена на аккумуляцию научных исследований, посвященных истории средневековой Руси, а также восстановление исторической справедливости и увековечение памяти о князе Михаиле Ивановиче Воротынском, выдающемся русском полководце и государственном деятеле.

Книга адресована историкам, сотрудникам музеев, студентам вузов, а также всем интересующимся данной тематикой.

УДК 94(47).03/07
ББК 63.3(2)4/52

ISBN 978-5-904318-69-7

© ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», 2020
© Оформление. БУК ВО «Вологодская областная универсальная научная библиотека им. И. В. Бабушкина», 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Пленарное заседание	
Саблин В. А. Инициативный совет по увековечиванию памяти князя М. И. Воротынского в Вологде: итоги работы.....	5
Черкасова М. С. Духовные грамоты князей М. И. и И. М. Воротынских.....	8
Рунова Т. Г. Воротынские и Стрешневы на химкинской земле.....	14
Федоров М. Л. В поисках героя: Средневековая Русь в «Богатырях» А. Бородина и Демьяна Бедного.....	20
Сорокин А., протоиерей. Возрождение и использование памятников средневековой архитектуры в Вологодской митрополии.....	25
Секция 1 «Историко-культурные проблемы развития средневековой России»	
Самоделова Е. А. Образ Макария Желтоводского и Унженского в житийной и светской литературе XX в. и костромском фольклоре.....	35
Едовин А. Г. «Двинские войны» 1323-1417 гг.....	40
Терентьев В. О. Формирование Красногородского рубежа Псковской республики во второй половине XV в.....	44
Подвальнов Е. Д. Библейские аллюзии в летописных известиях о Коростынской битве 1471 г.....	48
Жаворонков Ю. М., Жаворонкова Д. Ю. Предварительные дендрохронологические исследования образцов древесины с деревянного судна, обнаруженного на берегу Онежского озера осенью 2018 г.....	52
Абрамов В. К. Никон – патриарх-объединитель.....	55
Абуков С. Н. К проблеме наследования Коломенско-Можайского удела в духовной грамоте Семена Гордого.....	59
Богатырев А. В. Литературные предпочтения русского дипломата Василия Тяпкина.....	62
Михайлов А. А. Исторические очерки в составе военно-географических и военно-статистических обзоров территорий Русского Севера XIX в.....	67
Орнацкая Т. А. Формирование территории и становление границ Древнерусского государства.....	72
Сукина Л. Б. «В чернецах боярин боярства не сострижет»? (Благочестие элиты в Русском государстве XVI в.).....	75
Трапезников Д. А. «Гуляй-город».....	79
Секция 2 «Проблемы сохранения исторической памяти»	
Путилова Н. В. Героизм предков в контексте прочтения великоустюгской сундучной и коробейной росписи XVII в.....	83
Минаева Т. С. Музейная экспозиция как средство духовно-нравственного воспитания.....	87
Гладких С. А. Вожди Амурского похода.....	91
Васильев Г. Н. Воспитательные возможности краеведческого курса по литературе древнего Пскова в духовно-нравственном воспитании школьников на примере изучения биографии князя Довмонта.....	95
Викторова В. В. Воспитание подрастающего поколения в духе героизма как нравственной основы поступка.....	99
Зимарев А. В. Краеведческий музей как социальный партнер школы в реализации историко-культурного стандарта школьного образования (из опыта работы).....	102

Назарова М. Г. Проблема духовно-нравственного и патриотического воспитания сотрудников уголовно-исполнительной системы.....	106
Шильникова Т. В. Духовно-нравственное воспитание в школе: история, современность, перспективы.....	109
Секция 3 «Роль музеев в сохранении историко-культурного наследия»	
Теребова Л. В. Князья Воротынские и Кирилло-Белозерский монастырь.....	112
Красиков А., иподиакон. Псалтырь в церковно-монастырской книжной культуре Русского Севера позднего средневековья.....	118
Щурина Е. Г. Один из вкладов бояр Воротынских в Кирилло-Белозерский монастырь.....	121
Токарева Т. Ю. Железо и мужество: выставочный проект 2018 г. Сергиево-Посадского музея-заповедника к 400-летнему юбилею Деулинского перемирия. Проблемы и решения.....	126
Шокарев С. Ю. Палатки на кладбищах XVI—XVII вв. Об одном малоизвестном виде надгробных сооружений.....	133
Виденеева А. Е. Некрополь Ростовского Спасо-Яковлевского Димитриева монастыря: структура, состав, место расположения.....	138
Памяти В. П. Кузнеченкова.....	143

ПРЕДИСЛОВИЕ

История российского средневековья до сегодняшнего дня еще полностью не изучена. Причин тому множество, и не последнее место в их ряду занимает скудость источниковой базы. В то же время имеющиеся исторические свидетельства той поры нуждаются в дополнительном изучении и сопоставлении, применении новых методов для их анализа. В любом случае исследователей ожидают открытия на стыке наук, обоснование научных фактов с помощью инновационных методик и приемов анализа. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Воротынские чтения. Средневековая Россия: военный и духовный подвиг предков», посвященной выдающемуся полководцу и политическому деятелю России XVI века князю М. И. Воротынскому, являются наглядным подтверждением использования этих методик.

Чтения прошли на базе Вологодской областной универсальной научной библиотеки и Кирилло-Белозерского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника при поддержке Департамента культуры и туризма Вологодской области, Вологодского государственного университета, Русского географического общества и недавно учрежденного Вологодского регионального отделения Российского исторического общества.

Время формирования и укрепления российской государственности совпадает с жестокими кровопролитными войнами XVI в.: кампаниями против Ливонии, Астраханского, Казанского и Крымского ханств, Оттоманской Порты. Это время нуждалось в героях, от мастерства и грамотной тактики которых зависело многое, в первую очередь, будущее России. По объективным причинам, до нас дошли не многие имена героев, прославившихся ратными подвигами. Тем дороже память о тех, кого мы знаем.

Одним из таких имен является имя князя Михаила Ивановича Воротынского (1513 (?)-1573). Князь М. И. Воротынский – самый известный представитель рода, принадлежащего к Черниговскому Великокняжескому дому, родоначальником которого считается Св. Михаил Всеволодович Черниговский. Основываясь на тексте завещания М. И. Воротынского, историк В. Д. Назаров предложил версию даты его рождения в 1513 или 1514 г. в день памяти Мч. Андрея Стратилата (19 августа / 1 сентября по н. ст.), а даты его крещения в день памяти его святого предка Муч. и испп. Михаила Черниговского (20 сентября / 3 октября по н. ст.).

Князь Михаил Иванович Воротынский в царствование Ивана IV являлся «службой государевым» и воеводой. В качестве воеводы Большого полка участвовал покорении Казани в 1552 г. Будучи самым опытным «воеводой от поля», руководителем всей обороны «Крымской украины», по распоряжению царя составил первый русский устав пограничной службы – «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе». Среди ста девяти исторических персонажей памятника «Тысячелетие России», открытого 8 (20) сентября 1862 г. в Великом Новгороде, есть и изображение Михаила Ивановича Воротынского (в группе «Военные люди и герои»).

Одержанная им в 1572 г. победа над Крымским ханством в битве при Молодях спасла национальную государственность России и христианскую цивилизацию от порабощения Крымом и Портой. По мнению историков, значение победы при Молодях в 1572 г. в русской и советской историографии оценено не до конца, хотя по значимости и масштабам это сражение не уступает битве на Бородинском поле. Кровопролитный бой шел несколько дней при трехкратном превосходстве в численности крымских и ногайских татар, а также турецких янычар с артиллерией над войском Воротынского и закончился 3 августа 1572 г. блистательной победой русского оружия. По некоторым данным из 100-тысячной армии крымского хана Девлет-Гирея домой сумели вернуться лишь 10 тысяч. Был взят в плен Верховный главнокомандующий крымской армии Дивей-мурза, убиты сын и внук хана, множество знатных лиц и простых воинов попали в плен. Разгромив в открытом поле татарскую орду, Русь нанесла сокрушительный удар по военному могуществу Крыма. В самый тяжкий, заключительный период Ливонской войны Россия была застрахована от военных действий на два фронта.

В 1573 г. на Воротынского была наложена опала. Замученного до полусмерти М. И. Воротынского в 1573 г. отсылают в ссылку в Белоозеро. По дороге он скончался (12 июня). Видимо по указу царя, прах Воротынского запретили хоронить в родовой усыпальнице Воротынских в Кириллово-Белозерском монастыре. Он был похоронен в Кашине. И, лишь спустя годы, в 1606 г., его останки перенесли в Кирилловскую обитель во Владимирский придел Успенского собора. Сегодня там упокоились фактически все представители угасшего по мужской линии рода Воротынских.

Воротынские чтения, проводимые в Вологде по предложению Инициативного совета по увековечению памяти князя М.И.Воротынского, призваны восстановить историческую справедливость. Михаил Иванович Воротынский является примером чести, доблести, патриотизма и храбрости, поэтому закономерным и естественным представляется сохранение памяти о нем и его деятельности во благо России.

Сегодня, когда вопрос о патриотическом воспитании подрастающего поколения встает особенно остро, не лишним будет напомнить о славном прошлом нашего государства, о людях, которые во главу угла ставили честь, независимость и доблесть своей Родины.

Учитывая то, что проведенные Чтения получили высокую оценку специалистов, а также необходимость соединить усилия по изучению и прославлению подвига предков, реконструкции военной истории и развитию историко-географических знаний, оргкомитет принял решение проводить конференцию по обозначенной проблематике и в последующем с периодичностью не реже одного раза в три года.

Главный редактор В. А. Саблин

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Саблин В. А.
д-р ист. наук
Вологодский государственный
университет (г. Вологда)

ИНИЦИАТИВНЫЙ СОВЕТ ПО УВЕКОВЕЧИВАНИЮ ПАМЯТИ КНЯЗЯ М. И. ВОРОТЫНСКОГО В ВОЛОГДЕ: ИТОГИ РАБОТЫ

В докладе подведены итоги работы по увековечиванию имени князя М. И. Воротынского. Раскрыто место князя в военной истории России, отмечены задачи, которые решает Совет, указаны мероприятия, которые проводит Совет для популяризации деятельности князя: циклы лекций, книжные выставки, возобновление молитвенного поминания князя, работа по изготовлению бюста князя и присвоению имени князя новой улице в г. Кириллове, сотрудничество с поселком Воротыnsk в Калужской области.

Ключевые слова: Рюриковичи, взятие Казани, Молодинская битва, презентация, гранты, Кирилловский музей, инициативный совет, конференция.

INITIATIVE COUNCIL ON PERPETUATION OF MEMORY OF PRINCE M. I. VOROTYNSKY IN VOLOGDA: RESULTS OF WORK

The report summarized the work of perpetuating the name of Prince M.I. Vorotynsky. The prince's place in the military history of Russia is disclosed, the tasks that the Council solves are noted, the activities carried out by the prince's popularization council are indicated: lecture cycles, book expositions, the renewal of the prince's prayer commemoration, work on making the prince's bust, assigning a new prince's name street in the city of Kirillov, cooperation in the village of Vorotynsk in the Kaluga region.

Keywords: Rurikovich, capture of Kazan, battle of Molodinsky, presentation, grants, Kirillov Museum, initiative Council, conference.

Совет по увековечиванию памяти князя М. И. Воротынского возник в 2012 г., во многом благодаря удачному стечению обстоятельств. Инициатива по его созданию принадлежит В. П. Кузнеченкову и В. А. Саблину. Эту инициативу поддержали в Департаменте культуры и охраны объектов культурного наследия Вологодской области, Департаменте образования Вологодской области, Вологодском государственном педагогическом университете, Кирилло-Белозерском музее-заповеднике.

Первое заседание общественного инициативного совета по увековечению памяти князя Михаила Ивановича Воротынского состоялось 6 декабря 2012 г. в Кирилло-Белозерском монастыре.

В первый же год создания совета число его участников достигло 15 человек, в последующем его состав менялся. В Совет входили представители власти, профсоюзов, общественных организаций, студентов и др. На сегодня среди активных членов Инициативного совета помимо указанных фамилий следует назвать И. С. Велиеву, заместителя начальника управления развития туризма и музейной деятельности Департамента культуры и туризма Вологодской области, Т. Н. Буханцеву, директора Вологодской областной универсальной научной библиотеки им. И. В. Бабушкина, И. Н. Кузнецова, заместителя директора по научной работе ГАВО, И. Е. Колесову, ученого секретаря Вологодской областной универсальной научной библиотеки им. И. В. Бабушкина, Л. В. Теробову, заведующую научным отделом Кирилловского ГИКиХМЗ, Протоиерея Алексея Сорокина, руководителя Отдела по взаимоотношениям Церкви и общества Вологодской епархии. Среди учащейся молодежи – студента института истории и филологии ВоГУ Владислава Трудова.

Отдельно следует подчеркнуть роль Вологодского областного отделения Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» в деятельности Инициативного совета и личное участие председателя отделения Н. К. Максutowой в популяризации имени князя М. И. Воротынского.

Нас всех объединила выдающаяся личность – князь М. И. Воротынский. Создание Совета по увековечиванию его памяти в Вологде имеет основания в том, что история рода Воротынских и прежде всего М. И. Воротынского неразрывно связана с нашим краем.

Отмечу, что представители рода князей Воротынских принадлежат к Черниговскому

Великокняжескому дому, родоначальником которого является Св. Михаил Всеволодович Черниговский.

В конце XV в. «приехали в Москву от короля Казимира служить великому князю Ивану Васильевичу князь Иван Михайлович Перемышльский (Воротынский) из своей отчины и князь Иван Белевский со своими братьями князем Андреем и князем Василием из своих отчин».

Отец Михаила Ивановича, Иван Михайлович – известный военачальник при князе Василии III. Не раз подвергался опале, и во время последней как участник борьбы против князя Овчины-Телепнева (фаворита вдовы Василия Елены Глинской) был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь. Вместе с ним отбывали ссылку и его дети, в том числе М. И. Воротынский. Сам он впоследствии также попадал в опалу и его ссылали также на Белоозеро в Кирилловский монастырь. В конечном итоге прах его братьев, его самого и его потомков по мужской линии покоятся в Кирилловской обители.

Задачи, которые были поставлены перед Советом в начале его создания актуальны для его работы и сегодня.

1. Исследование истории рода князей Воротынских в XV–XVII вв.
2. Изучение истории России XVI в. и вклада М. И. Воротынского в развитие военного искусства.
3. Изучение культурной и духовной истории России эпохи Средневековья.
4. Популяризация Средневековой истории страны и места князя М. И. Воротынского в военной, культурной и духовной жизни общества той эпохи.

5. Приложение усилий по увековечиванию имени князя М. И. Воротынского как выдающегося полководца, спасшего Российскую цивилизацию в 1572 г. от поглощения исламским государством.

Есть смысл остановиться на серии мероприятий Совета по популяризации места князя М. И. Воротынского в военной жизни общества той эпохи и усилиях по увековечиванию его имени.

Прежде всего, это ежегодный цикл лекций по военной истории Средневековой России, читаемый членами инициативного Совета и студентами исторического факультета, а с недавнего времени института истории и филологии ВоГУ. Цикл под общим названием «Князь Михаил Воротынский: честнее всех бояр». Следует пояснить, что князь носил звание царского слуги – «то имя честнее всех бояр, а дается то имя от государя за многие службы».

Слушателями выступали школьники вологодских и череповецких школ, читатели областной юношеской имени Тендрякова и областной научной универсальной библиотеки им. И. В. Бабушкина, клиенты центров «Забота», студенты ВоГУ, ВИПЭ, Череповецкого высшего военного инженерного училища радиоэлектроники и др.

Главная мысль, которая доводилась до сознания аудитории, что герой повествования, пользуясь определением князя Курбского, был «мужем крепким и мужественным, в полкоустроениях зело искусным».

Важной частью работы по привлечению внимания общественности к истории Средневековой России стали книжные выставки, организуемые областной универсальной научной библиотекой. Первая состоялась 11 марта 2013 г. и называлась «Великие русские полководцы. Михаил Иванович Воротынский». Вторая с аналогичным названием открылась в стенах библиотеки 3 апреля 2018 г. Директор Вологодской областной универсальной научной библиотеки Татьяна Николаевна Буханцева, открывая выставки, знакомила слушателей с научными изданиями, посвященными деятельности М. Воротынского, истории России XVI в., деятельности Ивана Грозного, опричнине, военной истории средневековой России, биографическими справочниками о выдающихся полководцах. Выставки собрали заинтересованную аудиторию из обучающихся вологодских школ и Вологодской областной кадетской школы-интерната Сокола, представителей Военного комиссариата Вологды и Вологодского района и др.

Участников выставок при входе встречали стрельцы – служилые люди XVI – начала XVIII вв., в роли которых выступили члены Вологодской областной общественной организации содействия возрождению и развитию культурно-исторических традиций русского народа «Исток», руководителя которого Георгия Владимировича Ажисантова я благодарю за долгое и плодотворное сотрудничество.

Важное значение для популяризации военной истории XVI в. имел молодежный грант, выделенный в 2017 г. Вологодским областным отделением Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество». Проект был направлен на воспитание

патриотизма в молодежной среде, расширение у молодых людей знаний по истории России и популяризацию русской истории и культуры. Руководителям проекта Сергею Коренькову и Владиславу Трудову удалось решить поставленные задачи. Среди материальных результатов проекта особое место занимает созданный ими плакат «Князь Воротынский».

В 2017 г. на Молодинском поле не состоялся традиционный Международный военно-исторический фестиваль «Битва при Молодях», поскольку на этой территории началась застройка. Как и многие другие неравнодушные люди, участники проекта приняли участие в защите поля и написали письмо губернатору Московской области с просьбой не дать уничтожить объект исторического наследия. Был получен положительный ответ и на данный момент в Чеховском районе идет работа по передаче Молодинского поля под охрану государства.

В 2018 г. студентам удалось принять участие в IX Международном военно-историческом фестивале «Битва при Молодях» в Чеховском районе Московской области. Приветствие от имени Вологодского инициативного Совета и присланные Советом материалы из послужного списка князя Воротынского сейчас помещены на сайте фестиваля.

Важным направлением работы Инициативного Совета стала работа по сохранению памяти о князе М. И. Воротынском. Памятуя о том, что вдова князя Владимира Ивановича, старшего брата князя Михаила, созидавая родовую усыпальницу Воротынских в Кирилловском монастыре, выражала надежду «... в той церкви обедня служити вседневные, и князя Володимера Ивановича поминати, доколе и монастырь стоит», Совет обратился к правящему архиерею Вологодской епархии архиепископу Максимилиану с просьбой о сугубом поминовении князя в епархии.

16 апреля 2013 г. на заседании расширенного епархиального Совета было принято решение об особом поминовении князя в Кириллово-Белозерском монастыре, в других же храмах поминовение совершать на вселенских панихидах. По сути, с этого момента возобновилось молитвенное поминание князя и его сродников, упокоенных в Кириллове. Кроме того, члены Совета ежегодно выезжают в Кириллов и участвуют в литии по Воротынским.

Одновременно проводилась работа по присвоению имени М. И. Воротынского улице в Кириллове, Администрацией города принято положительное решение.

При поддержке губернатора Вологодской области Советом были направлены обращения Директору Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Генералу армии А. В. Бортникову, министру обороны С. К. Шойгу о присвоении боевым кораблям имени князя. В полученных ответах выражается заинтересованность в нашем предложении.

В 2019 г. реализована еще одна идея Совета: об установке в Кириллове бюста Воротынскому. Макет памятника был изготовлен скульптором, заслуженным художником РФ, почетным членом Российской академии художеств Александром Михайловичем Шебуниным.

Понимая, что история рода Воротынских неразрывно связана с Калужской и Нижегородской землей, Совет предпринял попытку наладить взаимодействие с этими регионами. Член Совета Л. В. Терехова приняла участие в конференции «Три Воротынска», проводимой раз в пять лет в поселке Воротынск Калужской области, и конкурсе-фестивале «Угра – Пояс Пресвятой Богородицы». Фестиваль проходит в следующих номинациях: изобразительное искусство, музыкально-исполнительское и вокальное искусство, хореография, театральное искусство, литературный конкурс.

В нашей конференции приняли участие гости из Воротынска, в частности, Ольга Игоревна Литвинова, глава городского поселения «Поселок Воротынск», которая представила доклад об увековечивании памяти М. И. Воротынского на Калужской земле.

Наконец, последнее, полагаю, что важнейшим итогом нашей деятельности по научному осмыслению средневековой России, военного и духовного подвига предков станет наша конференция. Остается еще раз пожелать ей успехов.

ДУХОВНЫЕ ГРАМОТЫ КНЯЗЕЙ М. И. И И. М. ВОРОТЫНСКИХ¹

В статье анализируются духовные завещания М. И. и И. М. Воротынских, которые хронологически охватывают вторую половину XVI – первую четверть XVII в. Это ценные источники по истории семьи Воротынских. Ряд новых фактов сопоставлен с другими источниками – разрядными книгами, вкладными и кормовыми книгами монастырей, литературными памятниками.

Ключевые слова: Московия, Литва и Крым, служебные князья, духовные завещания.

SPIRITUAL GRAMOTY M.I. AND I.M. VOROTYNSKY

The article analyzes the spiritual wills of M.I. and I.M. Vorotynsky. Their chronological coverage is the second half of the 16th century - the first quarter of the 17th century. A number of new facts are compared with other sources - bit books, contribution books of monasteries, literary monuments.

Keywords: Moscow, Lithuania and Crimea, service princes, spiritual wills.

Военно-политическая и административная деятельность князей Воротынских, принадлежавших к высшему кругу придворной аристократии России, их особый статус как служилых князей – всё это подробно освещено в ученых трудах [15, с. 729–730; 16, с. 730; 17, с. 730–731; 19, с. 211–218; 18, с. 184]. Вместе с тем возможно расширение и уточнение биографических и хронологических сведений по истории семей у разных поколений этого рода. Основу для этого создают новые публикации источников – духовные грамоты князей Михаила Ивановича (?– 1573) и Ивана Михайловича (?– 1627) Воротынских, описные, вкладные и кормовые книги монастырей, надгробные надписи, некоторые челобитные и судебные дела.

Списки духовных были составлены в Поместном приказе в 1680 г. в связи со смертью бездетным последнего представителя рода Воротынских князя Ивана Алексеевича в 1679 г., отпиской выморочных владений в казну и возникшими исками со стороны его сородичей князей Одоевских [23, с. 338–344]. Оригинал духовной князя Михаила и несколько последующих приписок к нему были написаны его слугой Яковом Котелкиным на столбцах, скреплённых по составам самим князем [2, с.72–77, № 86]. Завещание его сына князя Ивана 1626/27 г. (не позднее 8 января 1627 г.) меньше по объёму и, в отличие от отцовского, имеет скреплённую печать утвердительную запись патриарха Филарета 29 августа 1627 г. [5, с. 110–121]. Основная часть духовной князя М. И. Воротынского была написана в июне 1566 г., когда после опалы 1562 г. и трехлетнего заключения на Белоозере ему было возвращено Новосильско-Одоевское княжество. К моменту составления завещания князя Михаилом его братья Владимир и Александр уже умерли бездетными, а даты их смерти указаны на надгробных плитах в родовой усыпальнице в Кириллове монастыре, они же воспроизведены в кормовой книге и описи 1773 г. [13, л. 12; 10, № 2992, л.388-389]. У их отца, князя Ивана Михайловича, было две жены: под 1518 г. отмечен вклад в Троице-Сергиев монастырь «его княгини» (так обычно говорилось именно о жене) Анны в 30 руб. [9, с. 48]. В 1540 г. князь Владимир Иванович Воротынский с братьями дал по своей матери Настасье Захарьиной 50 руб. Известен по ней вклад 100 руб. в Кириллов монастырь и их отца князя Ивана Михайловича. Выходит, что Настасья была его второй женой, сам же он умер в заключении на Белоозере в 1535 г., а похоронен в Сергиевом монастыре [24, с. 8]. Ещё задолго до кончины 21 марта 1518 г. князем Иваном был сделан вклад в Троицу 50 руб. [9, с. 48]. В кормовой книге Троицкого монастыря 1674 г. указаны имена Ивана Михайловича, его первой жены Анны и второй жены Анастасии Ивановны Захарьиной [12, с. 220].

Два брака было и у его старшего сына, князя Владимира, причём оба связаны с родом Оболенских. Первой его женой была представительница ветви Лопатиных Мария, дочь князя Василия Федоровича Лопаты-Оболенского, от которого Троицкая корпорация получила село

Тереботунь в Бежецком Верхе. В дальнейшем оно было ею утрачено. Мария Васильевна умерла раньше князя Владимира Ивановича, и по ней он дал вклад в Троицу 50 руб. 20 сентября 1547 г. В

¹ Автор благодарит научного сотрудника Кирилло-Белозерского музея-заповедника Л. В. Теребову и доцента ВоГУ И. В. Пугача за ценные советы и рекомендации при доработке статьи.

1549 г. князь Владимир дал ещё один вклад – 100 руб. – в Кириллов монастырь. 9 ноября 1552 г. его сын Иван Владимирович дал в Троицу 50 руб. по душе князя Василия Федоровича Лопатина, который, скорее всего, приходился ему дядей (брат матери) [9, с. 48, 116]. Это единственное известное нам упоминание о сыне князя Владимира, умершем между 9 ноября 1552 и 27 сентября 1553 г., когда, как считается, бездетным умер сам князь Владимир. Суммарный денежный эквивалент, возможно, означал для Троицы выкуп села за 100 руб. Здесь следует говорить о половине данного вотчинного комплекса, тогда как вторая его половина принадлежала князю Д. И. Немого-Оболенскому, но была обременена долгом в 210 руб.

Второй женой князя Владимира была тоже княжна Мария и тоже Оболенская, но из другой ветви – Немых (видимо, родная сестра князя Дмитрия Ивановича Немого-Оболенского). Она-то, унаследовав от умерших мужа и сына половину Тереботунской вотчины, дала его (с доклада царю, как того требовало уложение 1551 г.) по душе, князя Владимира Ивановича в Кириллов монастырь в 1554 г. Одновременно монастырь получал от княгини Марии кабалу на сумму в 210 руб. на князя Дмитрия Ивановича Немого-Оболенского, владельца второй половины села, т.е. корпорации переходило право взимания долга. С учетом смерти князя Дмитрия Ивановича Оболенского невыплаченный долг за половину села означал переход её во владение Кириллова монастыря. В данной памяти княгини Марии одним из послухов указан князь Михаил Иванович Воротынский, что делало для него в дальнейшем невозможным выкуп села у корпорации.

Вклад вдовой княгини был обусловлен обязанностью монастыря возвести каменную церковь во имя великого князя Владимира Киевского на могиле её мужа и положил начало поминанию рода Воротынских на доходы, получаемые с села. В сумму расходов по каменному строительству можно включить и крупный денежный вклад князя Михаила Ивановича по Владимире – 300 руб. «да шубу соболью», а 1558 г. ещё 100 руб. [3, № 71, с. 186-187; 20, с. 217]. Правда, в публикации кирилловской описи 1601 г. данная княгини Марии (из-за опечатки?) датирована не 7062, а 7072 годом [21, с.210, 343]. Вместе с тем село регулярно отмечается в кирилловских вытных и переписных вотчинных книгах 1559-1601 гг. [11, с. 214, 231, 310].

В связи с этим вкладом становится известно, что у князя Владимира от Марии Ивановны Немого-Оболенской была дочь Анастасия, и после смерти мать с дочерью также должны быть похоронены во Владимирской церкви, а монастырь обязан «когда Бог пошлет по их душу, память их править с князем Володимером вместе» [3, № 71, с. 186-187]. Практику возведения церковей над могилами вкладчиков можно вслед за Л. Штайндорфом оценивать как «эстетическую сторону поминальной культуры» [27, с. 116]. Во вкладной книге 1560-х годов и описи Кириллова монастыря 1601 г. перечислено много вкладов княгини Марьи иконами, тканями и утварью [4, с. 214, 231, 310; 21, с. 41, 42–43].

Несколько браков было в жизни и у князя Михаила Ивановича. Судя по духовной, у князя Михаила оставались жена Стефанида и дочь Аграфена. В Троицкой вкладной книге под 1557 г. записан его вклад 100 руб. по «княгине своей Ксенье и дочери Стефаниде» [9, с. 48]. Получается, что Стефанидой звали не только вторую жену, но и умершую дочь князя Михаила от первого брака. О второй же супруге и дочери (Аграфене/Агрипене) князь Михаил поручает заботиться сыну Ивану: вернуть 400 руб. за её приданое («что я истерял») плюс такую же сумму в качестве «ноделка» (по сути это тоже приданое на случай её нового брака). В духовной он пишет о возможном рождении у него от сына или дочери («...останется моя жена беременна»). Тогда старший брат Иван должен был бы поделить отцовское наследство с другим (родившимся) его братом поровну, а в случае рождения сестры – содержать её до замужества и потом дать 600 руб. приданого [2, с.72–77, № 86].

Кормовая книга Троицкого монастыря позволяет предположить, что, помимо Агриппины у князя Михаила могли быть и другие рано умершие дети: «княжна Парасковья младенец, князь Алексей младенец» [12, с. 220, 337]. Масштабные денежные вклады Воротынских в Кириллов монастырь (не менее 700 руб.) и в Троицу (около 500 руб.) демонстрируют их финансовую состоятельность. Весомую долю в этих суммах занимали как раз прижизненные вклады князя Михаила в Троицу в 1545 и 1557 г. на 200 руб., а в Кириллов монастырь в 1554 и 1558 гг. – не менее 400 руб. [4, с. 38, 41, 42–43].

На сына Ивана князь Михаил возлагает в завещании обязанность раздать сорокоуста на каждую из 40 церквей (конкретно, правда, не названных) по 40 алтын (что в сумме давало 48 руб.). Кроме того, предусматривалось кормление нищих «сколко будет мочно» и вложение 100 руб. в Кирилло-Белозерский монастырь. Не забыл князь Михаил свои земельные и денежные вклады в монастыри и церкви Одоева, Черни и Новосила – они тоже имели поминальное

значение и ничто из предоставленного им не должно быть отобрано его детьми, дабы не учинить отца беспамятным. Земельные дарения князей Воротынских Рождественскому Настасову монастырю в Одоевском уезде подтверждаются сотной с писцовых книг 1565 г. [5, с. 100–110].

Согласно второй приписке к духовной, к апрелю 1569 г. у князя Михаила со Стефанидой родился сын Дмитрий, а к 15 мая 1569 г., как следует из третьей приписки, она уже умерла, что потребовало внесения в текст завещания необходимых корректив. Исполненная драматизма семейная история князя Михаила протекала на фоне кризисных военных и социальных событий внутри России. В январе-феврале 1571 г. он руководил работой войскового совета по организации обороны южной границы России. В гибельный для Москвы пожар 24 мая 1571 г. в набег Девлет-Гирея только передовой полк Михаила Воротынского на юге Москвы (в районе Таганки) дал отпор крымским отрядам [14, с. 181–193; 17, с. 731]. Вскоре последовал его очередной брак, в четвертой приписке в ноябре (число не указано) того же 1571 г. говорится, что он женился на княжне Алене Федоровне Татевой.

Однако в шестой приписке, от 15 мая 1573 г., сообщается, что и Алена скончалась (о детях ничего не говорится, возможно, они умерли во младенчестве, выше приводилось два имени). Кончина её подтверждается записью о вкладе по ней в Троице-Сергиев монастырь матерью, княгиней Марией Татевой, 24 мая 1573 г. 50 руб. [9, с. 48; 12, с. 220, 337]. После этого лишь две с половиной недели оставалось до трагической кончины самого князя Михаила, последовавшей 12 июня 1573 г. Эта дата указана на надгробной плите князя, в кормовой книге, а ещё воспроизводится в описи 1773 г.

Выяснение начального этапа административно-военной службы его сыновей – старшего Ивана и младшего Дмитрия – осложнено рядом хронологических противоречий, обусловленных состоянием источников. В литературе считается, что после смерти князя Михаила его сын был освобожден от заключения, но наиболее ранние сведения об его службе относятся лишь к 1582 г. В 1585–1586 гг. оба брата отмечены на воеводстве в Нижнем Новгороде, затем в боярском списке 1588–1589 гг. в рубрике «служебные князи» с пометой «оба в деревне» [25, с. 212]. В энциклопедической статье В. Д. Назарова годы жизни Дмитрия указаны 1569–1591 [17, с. 730]. Однако на надгробных плитах Воротынских в Кириллове монастыре и его описи 1773 г. отмечена кончина князя Логина Михайловича 27 июля 1584 г. и перенос его останков из Кашина в Кириллов 21 января 1606 г. вместе с останками отца. В кормовой книге уточняется, что Дмитрий и Логин – это два имени (второе, возможно, молитвенное) одного человека, значит, умер он молодым (ок. 15–16 лет) [10, л. 388–389; 13, л. 12]. Думаем, что суммарные сведения о нём вместе с братом Иваном, относящиеся к 1585/86–1588/89 гг. нуждаются в дополнительном изучении. После 1584 г. его, скорее всего, уже не было в живых.

Значительно старше был его брат Иван, поскольку в Троицкой вкладной в 1586 г. отмечен его вклад 50 руб. по умершей жене Феодоре, похороненной в Троице [9, с. 48]. Между 1586 г. и 1608 г., когда известно о другой его женитьбе, интервал весьма велик (22 года), что дает основание для предположения о каком-то ещё его браке после 1586 г. Возможно, дальнейшие воеводские назначения и опалы 1590-х гг. сказались и на его лично-семейной жизни, фактором которой в 1580–1590-е годы становилась неровная служебная карьера (несмотря на высокий боярский чин; в годы смуты польский гетман Ст. Жолкевский в своих «Записках» назовет его «почетнейшим боярином»). Невольно напрашивается аналогия с вынужденным 15-летним вдовством князя Василия Ивановича Шуйского, которому Б. Ф. Годуновым было запрещено жениться. В кирилловской описи 1773 г. арабскими цифрами приведена явно ошибочная дата смерти князя Алексея Воротынского в 7108 г. (1600 г.), тогда как речь должна идти о 7150 г. Вероятно, в более ранних описных документах, использованных в 1773 г., воспроизводивших даты на надгробных плитах, цифра десятков – Н (50) была принята за цифру единиц – И (8) [10, № 2992, л. 388 об.].

С учетом ранней смерти младшего брата, князя Дмитрия-Логина жизнь старшего брата выглядит и длиннее, и успешнее, со своими взлётами и падениями на фоне той бурной эпохи. Карьеру свою князь Иван начал воеводой в Туле в 1582 г., в середине 1580-х гг. участвовал в дворцовой борьбе Годуновых и Шуйских, в 1588 г. стоял в береговом разряде в полку с М. И. Вельяминовым, в 1591/92 г. был воеводой в Казани вместе с князем Афанасием Ивановичем Вяземским, в 1605 г. был в группе бояр на приёме в Туле у первого Самозванца. Боролся с антиправительственным движением князя А. Телятевского и И. Болотникова на его начальном этапе летом 1606 г., но потерпел поражение под Ельцом [16, с. 730; 26, с. 42, 98, 248, 256, 258, 260, 412].

В том же 1606 г. князь Иван Михайлович возглавил боярскую комиссию в Угличе по переносу

останков царевича Дмитрия в Москву, возможно, тогда же именно он перенес останки отца и младшего брата из Кашина в Кириллов монастырь. В сентябре 1608 г. у Петровских ворот Белого города оборонял столицу от войск второго Самозванца. В январе 1608 г. он присутствовал на свадьбе царя В. И. Шуйского и в «росписи радостной» (Чине бракосочетания) 7115 г. отмечен как сидевший «на государеве аргамак» [6, Приложение, с. 269]. Той же зимой он сам женился – на княжне Марии Петровне Буйносовой-Ростовской (её сестра была женой царя В. И. Шуйского).

В начале апреля 1610 г. в доме князя Ивана Михайловича на пиру по случаю крестин его сына Алексея был отравлен выдающийся военачальник князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский [1, с.166–167, 172]. Он был крестным отцом новорождённого, а крестной матерью – княгиня Екатерина Шуйская, она-то и подала князю чашу с отравленным вином. Летом 1610 г. князь Иван Воротынский передал В. И. Шуйскому призыв патриарха Гермогена добровольно оставить трон. В годы бесцарствия (1610–1612) стал одним из членов Семибоярщины. В мае 1613 г. князь Иван одним из первых подписал утверждённую грамоту земского собора по избранию Михаила Фёдоровича Романова на царство, а затем был среди встречавших его в подмосковном селе Тайнинском при проезде в столицу для венчания [6, с. 6, 13, 16, 19, 30, 49-51, 56, 64]. Не говоря уже о том, что, по некоторым сведениям, кандидатура князя Ивана Михайловича вообще рассматривалась как одна из возможных на избирательном земском соборе 1613 г.

В первые годы правления первого Романова Иван Михайлович занимал первенствующее положение в Боярской думе, в 1617 г. имел максимальный денежный оклад в 700 руб., получал высокие воеводские назначения, являлся судьей некоторых приказов, участвовал в дипломатических переговорах, присутствовал на многих званых обедах при царском дворе. Сын его Алексей женился на дочери Ивана Никитича Романова Марфе, принесшей в качестве приданого крупную вотчину в Лебедянском уезде. После смерти князя Ивана Михайловича Воротынского, помимо сына Алексея, осталась дочь Екатерина – дети от его второго брака.

В его духовной (не позднее 8 января 1627 г.) видим знакомые по духовного отца нормы поминания: сорокоуста на 40 церквей по 40 алт., духовнику, протопопу Благовещенского собора московского Кремля Кондратию 10 руб., вкладных денег в Кириллов монастырь «к старому вкладу двюсот рублей» добавить 50 руб. и быть похороненным в нём «в ногах отца моего за церковь» [5, с. 119]. В подписи патриарха Филарета на духовной говорится, что князь Иван Михайлович Воротынский постригся и посхимился, приняв имя Иона, что подтверждается и надписью на его надгробной плите в родовой усыпальнице, и описью 1773 г.

Как были обеспечены земельные права женщин в семье Воротынских? Стефаниде по духовной грамоте князя Воротынского предназначалась часть вотчинных владений, но только «до живота», т.е. в пожизненное держание. Это соответствует уложению 1562 г. о княжеских вотчинах, которое ограничивало оборот земельной собственности внутри родов. Родовые вотчины в духовной князя Ивана Михайловича 1626/27 г. отсутствуют. В ней говорится только о государевых пожалованиях отцу – селах в Нижегородском (включая село «Воротынеск») и Муромском уездах, завещанных сыну Алексею. Отмечены князем Иваном и новые приобретения, сделанные покупками и закладами села в Рузском уезде – они предназначались дочери, княжне Екатерине. В XVII в. Воротынские оставались одними из крупнейших светских дворо- и землевладельцев страны.

Кто были душеприказчики в завещаниях Воротынских? Это был, во-первых, князь Иван Федорович Мстиславский (глава земской Боярской думы и владелец пограничных городов Венева и Епифани, входивших в систему защиты южного пограничья России от набегов крымских татар). Второй – боярин Никита Романович Юрьев (сестра которого Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева была царской женой, уже умершей к 1569 г.). Вместе с Н. Р. Юрьевым князь Михаил служил воеводой Большого полка в береговом разряде в 1571/72 г. [10, с. 250]. Согласно третьей приписке к завещанию, 15 мая 1571 г., И. Ф. Мстиславский и Н. Ю. Юрьев (из-за нарастающего обострения между земской и опричной властями) отказались быть душеприказчиками князя Михаила.

В духовной князя Ивана Михайловича Воротынского 1626/27 г. фигурируют два душеприказчика, также с высоким социальным статусом – это были видные бояре Иван Борисович Черкасский (дворецкий и казначей) и Иван Никитич Юрьев (родной дядя молодого царя Михаила Фёдоровича, один из немногих представителей старшего поколения Романовых, уцелевших после гоуновских репрессий. Вторым из здравствующих тогда Романовых был патриарх Филарет (в миру Федор Никитич), родной брат Ивана Никитича и отец царя Михаила [22, с. 6, 276]. Данных о послухах в завещании князя Ивана Михайловича нет, что может

объясняться неполнотой или неисправностью списка. Зато приводится подробная процедура его освидетельствования перед патриархом Филаретом, опрос обоих душеприказчиков. Патриархом утверждались два списка – один был оставлен в патриаршей казне, другой отдан сыну – князю Алексею Ивановичу (умер в 1642 г. и похоронен в Кириллове в родовой усыпальнице).

В духовных завещаниях служилых людей как профессиональных военных почти всегда отмечалось их оружие, доспехи (саадаки, сабли, панцири, копья, щиты, шлемы, рогатины) и боевые кони. Иным образом представлен данный компонент в завещании князя Михаила Воротынского. В четвертой приписке к ней (30 сентября 1571 г.) указан золотой крест с частицами мощей св. Андрея (по-греч. «мужественный») Стратилата (по-греч. «военачальник»). Это был римский полководец, успешно отразивший нашествие персов, а затем погибший за веру Христову при императоре Максимиане в начале IV в. В завещании князя Ивана Воротынского 1626/27 г. отмечен, скорее всего, именно этот крест, хотя о частицах мощей в нем не говорится. Упоминание Андрея Стратилата навело В. Д. Назарова на предположение о рождении князя Михаила Ивановича Воротынского 19 августа 1513 или 1514 года, а крещение его 20 сентября на день памяти князя Михаила Всеволодовича Черниговского [14, с. 182, 193].

Но здесь возможны и другие соображения. В Москве, пережившей в XVI в. несколько нападений крымских татар (в 1521, 1571, 1591 гг.), утвердилось восприятие св. Андрея Стратилата как защитника города, что косвенно отражает и героическую роль князя Михаила Ивановича Воротынского в борьбе с ними, организацию обороны южного пограничья России (города Калуга – Серпухов – Коломна – Кашира – Тула) и победы над крымскими татарами в битве при Молодях в конце июля – начале августа 1572 г. В Повести о победе над татарами в 1572 г. на первый план выведена именно роль М. И. Воротынского как выдающегося воеводы [7, с. 166–183; 8, с. 259–275].

Источники и литература

1. Абрамович, Г. В. Князья Шуйские и российский трон / Г. В. Абрамович. – Ленинград : ЛГУ, 1991. – 189 с.
2. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Сборник документов. Том 3 / сост. А. В. Антонов. – Москва : Археографический центр, 2004. – 678 с.
3. Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. В 2 томах. Том 1. 1432–1630 / собрал и издал А. А. Федотов-Чеховский. – Киев, 1860. – 407 с.
4. Алексеев, А. И. Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е годы) / А. И. Алексеев // Вестник церковной истории. – 2010. – № 3-4. – С. 17–117.
5. Беликов, В. Ю. Документы о землевладении князей Воротынских во второй половине XVI – начале XVII в. / В. Ю. Беликов, Е. И. Колычева // Архив русской истории. – Москва, 1992. – Вып. 2. – С. 93–121.
6. Белокуров, С. А. Разрядные записи за смутное время (7113-7121 гг.) / С. А. Белокуров. – Москва : Имп. О-во истории и древностей рос. при Московском университете, 1907. – 311 с.
7. Буганов, В. И. Документы о сражении при Молодях / В. И. Буганов // Исторический архив. – 1959. – № 4. – С. 177–178.
8. Буганов, В. И. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 г. / В. И. Буганов // Археографический ежегодник за 1961 год. – Москва, 1962. – С. 259–275.
9. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / отв. ред. Б. А. Рыбаков. – Москва : Наука, 1987. – 440 с.
10. Государственный архив Вологодской области. Ф. 496 (Консистерия). Оп.1. № 2992.
11. Дмитриева, З. В. Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв. / З. В. Дмитриева. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. – 343 с.
12. Кириченко, Л. А. Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. : исследование и публикация / Л. А. Кириченко, С. В. Николаева. – Москва : Индрик, 2008. – 519 с.
13. Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI-XVII вв. / подгот. текстов и исслед. Т. И. Шабловой. – Санкт-Петербург : Реноме, 2012. – 402 с.
14. Назаров, В. Д. «Победоносец и оборонитель всея Русские земли» (кн. М. И. Воротынский) / В. Д. Назаров // Подвижники России : исторические очерки / А. Н. Сахаров, В. Д. Назаров, А. Н. Боханов. – 2-е изд. – Москва, 2002. – С. 181–193.
15. Назаров, В. Д. Воротынские / В. Д. Назаров // Большая Российская энциклопедия. – Москва, 2006. – Т. 5. – С. 728–729.
16. Назаров, В. Д. Воротынский Иван Михайлович (I) ; Воротынский Иван Михайлович (II) /

- В. Д. Назаров // Большая Российская энциклопедия. – Москва, 2006. – Т. 5. – С. 729–730.
17. Назаров, В. Д. Воротынский Михаил Иванович / В. Д. Назаров // Большая Российская энциклопедия. – Москва, 2006. – Т. 5. – С. 730–731.
18. Назаров, В. Д. Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV в. / В. Д. Назаров // Русский дипломатарий. – Москва, 1999. – Вып. 5. – С. 193–194.
19. Назаров, В. Д. Тайна челобитной Ивана Воротынского / В. Д. Назаров // Вопросы истории. – 1969. – № 1. – С. 201–218.
20. Описание Грамот Коллегии Экономии. Том 1. А-И / подг. А. В. Антонов. – Москва : Древнехранилище, 2016. – 1192 с.
21. Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г. : комментированное издание / сост. З. В. Дмитриева, М. Н. Шаромазов. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 1998. – 380 с.
22. Седов, П. В. Закат Московского царства : царский двор конца XVII в. / П. В. Седов. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2008. – 603 с.
23. Седов, П. В. Челобитная князей Одоевских о своих родовых землях накануне отмены местничества / П. В. Седов // Исследования по истории средневековой Руси : к 80-летию Ю. Г. Алексеева. – Москва, 2006. – С. 468–480.
24. Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре от основания оной до 1880 г. – Москва : Тип. Т. Рис, 1880. – 102 с.
25. Станиславский, А. Л. Труды по истории Государева двора XVI-XVII вв. / А. Л. Станиславский. – Москва : ИЦ РГГУ, 2004. – 505 с.
26. Тушинский вор : личность, окружение, время : документы и материалы / составление, вступительная статья и комментарии В. И. Кузнецова и И. П. Кулаковой. – Москва : Издательство Московского университета, 2001. – 463 с.
27. Штайндорф, Л. Вклады и поминания в Московском государстве – явление Средневековья или Раннего нового времени? // Зубовские чтения. – Александров, 2010. – Вып. 5. – С. 113–136.

ВОРОТЫНСКИЕ И СТРЕШНЕВЫ НА ХИМКИНСКОЙ ЗЕМЛЕ

В период возрождения Руси после Смутного времени на химкинской земле пересеклись судьбы князей Воротынских и дворян Стрешневых, которые, в свою очередь, сблизилась с первыми царями дома Романовых. О вкладе этих родов в становление единого Русского государства и тех зримых следах их пребывания в Подмоскowie, которые сохранились до наших времен, говорится в этой статье. Рассматривается история церкви, построенной Воротынскими более 350 лет назад. Демонстрируется уникальный документ – «Чертеж вотчины князей Воротынских 1695 г.», наглядно отражающий историко-географические черты обстановки, в которой происходило сближение и взаимодействие домов царей Романовых, князей Воротынских, бояр Стрешневых.

Ключевые слова: Смутное время, исторические роды, единое государство, походы, воссоединение, храм, вотчина, чертёж.

VOROTYNSKIYS AND STRESHNEVS AT THE KHMINKI EARTH

During the period of the revival of Russia after the Time of Troubles, the fate of the Vorotyn princes and the noblemen of the Streshnevs, who, in turn, became close to the first kings of the Romanovs, intersected on our Khimki land. About the contribution of these genera in the formation of a single Russian state and those visible traces of their stay in the suburbs that have survived to our times, said in this message. The history of the Church built by Vorotynsk more than 350 years ago is considered. A unique document is demonstrated - «Drawing of the patrimony of the princes of Vorotynsky in 1695», which vividly reflects the historical and geographical features of the situation in which the convergence and interaction of the houses of the Romanov kings, princes Vorotynsky, and the Streshnev boyars took place.

Keywords: time of troubles, historical clans, united state, hikes, reunion, temple, patrimony, drawing.

В середине XVII в., в период восстановления Русской земли от потрясений Смутного времени, на химкинской земле Подмоскowie сошлись судьбы двух старинных родов – Воротынских и Стрешневых, приближенных к первым царям Романовым – Михаилу и Алексею. Князя Воротынские, как известно, прославились воинскими и воеводскими заслугами и ярче всего подвигами Михаила Ивановича Воротынского при покорении Казанского ханства и в битве с ханом Довлет-Гиреем при Молодях. Его сын Иван Воротынский, известный деятель Смутного времени, член Семибоярщины и участник призыва Михаила на царский трон, не менее значим в истории, а в русской литературе известен и как герой драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов». Именно словами Ивана Воротынского и начинается эта поэма: «Наряжены мы вместе город ведать... К монастырю пошёл и весь народ».

Гениальное перо Пушкина точно определило место князей Воротынских в истории – стоять на страже, охранять царство в сложные времена. Можно сказать, что судьбой последних князей их рода – Алексея Ивановича и Ивана Алексеевича, т.е. сына и внука Ивана Михайловича, на которых и пресёкся их род, – стала охрана царей Михаила и Алексея (Рис. 1 и 2) в качестве их приближённых лиц.

Рис.1. Царь Михаил Романов

Рис.2. Царь Алексей Романов

Князь Алексей Иванович Воротынский (1610–1642) (Рис. 3) с 15 лет был в ближнем круге царя Михаила: служил стольником, «смотрел в большой стол» и «нарезал вина» на дворцовых и

посольских приёмах, сопровождал царя в поездках. Он имел второй среди стольников оклад (1100 четвертей земли и 180 руб.), регулярно выигрывал местнические споры [11, с. 25-37], породнился с царём Михаилом, женившись на Марии Стрешневой – сестре царицы Евдокии [8, с. 45]. Алексей участвовал в дипломатических переговорах и других делах, был направлен воеводой в Тулу, где скоропостижно скончался в 32 года. Царь Михаил пережил его всего на три года.

Его сын **князь Иван Алексеевич Воротынский** (1630–1679) (Рис. 4), ровесник и двоюродный брат царя Алексея, с детства был в числе его приближённых, назначался «первым рындой» – главным телохранителем, сидевшим справа от царя, сопровождал его во всех делах и походах, в отсутствие царя назначался «ведать Москву», в Боярской думе получил звание ближнего боярина и оставался при царе до его ухода, пережив на 3 года. В браке с Натальей Фёдоровной Куракиной у него родился сын и три дочери [8, с. 45].

Рис. 3 Князь Алексей Воротынский

Рис. 4 Князь Иван Воротынский

Его сын **князь Михаил Иванович** завершил род Воротынских, он стал стольником, женился, но потомства не имел и умер раньше отца – в 1677 г. Две его сестры Стефанида и Прасковья умерли девицами, младшая Наталья, получив свою долю наследства, вышла замуж за Петра Алексеевича Голицына, и в их роду растворились Воротынские. По одним сведениям [8, с. 45], женой Михаила Ивановича была Настасья Львовна Измайлова. По другим источникам [3, с. 729; 16, с. 19] Настасья Львовна была второй женой его отца Ивана Алексеевича Воротынского. Во всяком случае она осталась единственной наследницей князей Воротынских после смерти Ивана Алексеевича в 1679 г.

Князья Воротынские входили в число богатейших людей России. В Большой российской энциклопедии [3, с. 729] сказано, что Алексей Иванович владел поместьями и вотчинами с 5,5 тыс. дворов в 5 или 6 уездах, а Иван Алексеевич имел до 20 вотчин с 4,6 тыс. дворов в 8 уездах. В другом источнике [13, с. 448] пишут, что за Алексеем Ивановичем в 1638 г. числилось более 12 тыс. четвертей земли (это одно из богатейших светских землевладений), а в 1660–70 гг. он входил в число 2–4 бояр, не получавших в силу своего богатства думского оклада, хотя и состоял в Боярской думе с 1646 г.

И вот в дополнение к этому богатству Алексей Иванович Воротынский в 1639 г. приобрёл (не получил от царя, а купил) на химкинских землях в 20 км от Москвы имение Куркино («Курицыно тож»), а его сын Иван Алексеевич отстроил там усадьбу-резиденцию и возвёл каменную церковь Иконы Владимирской Божьей матери [16, с. 18–25].

Село Куркино, стоявшее на крутом берегу широкой долины Сходни и окруженное лесами, очевидно, привлекало Воротынских возможностью устройства там любимых царских и княжеских развлечений – охот, как соколиных – на птиц, во множестве гнездящихся в долине реки, так и звериных – в окружающих лесах. Поэтому князья достаточно быстро преобразовали крестьянское село для этих целей. Если при покупке в нём числилось 23 крестьянских двора, то с превращением в охотничью резиденцию к 1678 г. таких дворов осталось 14, зато прибавилось 22 двора конюхов, псарей, сокольников и истопников. А после смерти последнего хозяина село быстро опустело и перепись 1686 г. учла в нём всего 15 крестьянских дворов [15, с. 18–25].

Мы полагаем, хотя это и не подтверждено документально, что в Куркино могли приезжать на охоту и сами цари, а на отдых – и их супруги. Ведь царь Михаил и князь Алексей Воротынский

были свояками, женатыми на сёстрах Стрешневых, а их сыновья – царь Алексей Михайлович и князь Иван Алексеевич – двоюродными братьями. Известно, что близкие к селу Куркино места – Соколово (против Куркина на р. Сходне), Ховрино, Покровское и другие назывались русскими историками в числе любимых царями охотничьих угодий [7, с. 415; 15, с. 54].

К этому мнению нас подталкивает изучение уникального «*Чертёжа земель по р. Сходне у с. Куркино*» [14, с. 263]. Этот чертёж был введён в научный оборот в работах картографов А. Постникова и В. Кусова [9, с. 130; 12, с. 115], а также историка Б. Морозова [10, с. 185–192]. Широкой публике он стал известен после публикации в альбоме-каталоге «Три века русской усадьбы» под названием «Усадьба княгини Н. Л. Воротынской в селе Куркино на р. Сходне в Подмосковье. Рисунок-план 1695 г. Василий Юдин, подьячий Разрядного приказа» (Рис. 5).

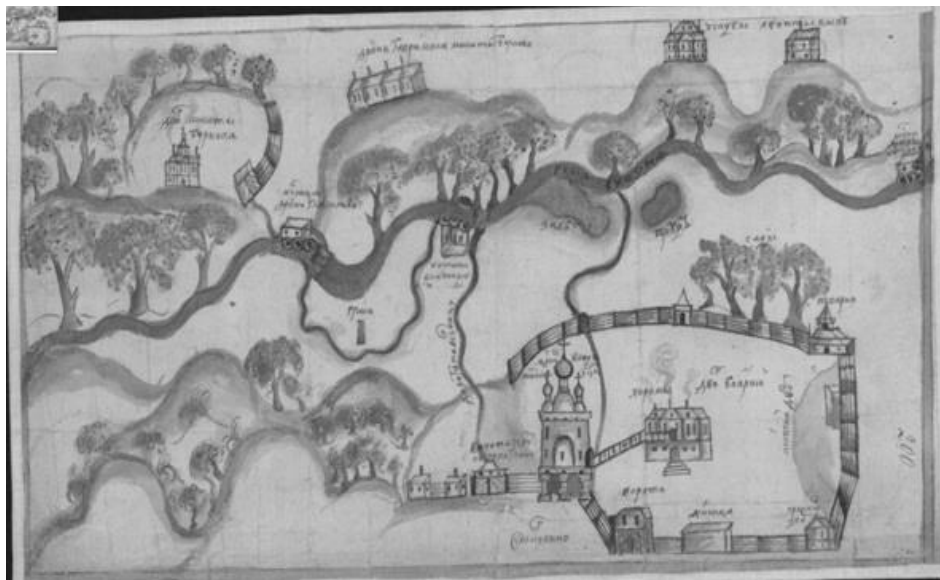

Рис. 5. Чертеж вотчины боярыни Н. Л. Воротынской села Куркино 1695г.

Во всех упомянутых работах этот чертёж характеризуется как один из первых по времени, лучший по исполнению и наиболее богатый по содержанию образец изображения боярской усадьбы XVII века. Для нас он важен как документальное свидетельство, аналогичных которому практически не сохранилось, о жизни и быте князей Воротынских, об окружающей их обстановке, устройстве и освоённости местности, что позволяет связать историческое исследование с краеведческим.

И вот перед нами широкая долина р. Сходни. Мы видим прекрасно освоённую местность, на каждом из соседних холмов стоят или барские усадьбы, или деревни, но отдельно друг от друга, как было принято в те времена. Селения соединены дорогами, пересекающими реку по мельничным плотинам, стоящим недалеко друг от друга. Мы видим группы лиственных деревьев, растущих лишь по понижениям и склонам холмов, за оградаи поместий обозначены сады. Все владения и основные строения снабжены на чертеже подписями.

За долиной Сходни (слева на рисунке) видна большая усадьба с домом с высоким теремом, которая принадлежит Миките Боркову, степенному ключнику, уважаемому чину царского двора. На соседнем холме располагается его деревня Гаврилково, существующая и сегодня (в виде коттеджного посёлка). Справа – усадьбы дьяков Леонтьевых, известных своим участием в разработке «Соборного уложения» 1649 г. Получив за это богатые царские дары, они вошли в состав царского окружения. Леонтьевы были тогда владельцами названного выше имения Соколова, в лесах которого охотились цари [16, с. 11–15], ныне это известная дачная местность Подмосковья.

На ближнем к нам берегу стоит обширная усадьба Воротынских с церковью Иконы Владимирской Божьей Матери в центре её. Это большая заслуга князя Ивана Воротынского, построившего в 1670 г. первую в крае каменную церковь. Подьячий Юдин очень чётко показал все её основные архитектурные элементы – двухсветный четверик, трехглавие, крепкие столбовые опоры. Этот храм, простояв более 350 лет, сохранился до наших дней. С более поздней достройкой трапезной и колокольни, он является сейчас главной исторической памятью нашей

земли. Скромная по архитектуре старая церковь хорошо видна по всей округе и удивляет своей замечательной постановкой на крутом изгибе высокого берега р. Сходни (Рис. 6). Очевидно, она является сегодня единственным сооружением, несущем на себе зримую память о последних князьях Воротынских.

Рис. 6. Церковь Иконы Владимирской Божьей Матери в с. Куркино на Сходне. Современный вид

Слева от церкви находится территория «общего пользования», называемая «поповское гумно» с домами для церковного притча, есть и свободный проход от села к церкви и далее к дороге в речную долину.

Справа от церкви располагаются трехэтажные боярские хоромы на каменной подклети, с высоким крыльцом, гульбищем, крытым переходом в церковь и теремами наверху. Дом зримо разделён по вертикали, очевидно, для жильцов разного ранга. Хоромы хорошо отапливаются – показаны три трубы с дымами – для каждого сектора дома есть отдельное отопление. Вдоль ограды расположены службы – погреб-хранилище, дом приказчика, скотный двор, поварня с сушильной наверху, ворота в сад и на дорогу в долину.

Чертёж отражает типичное наполнение боярской усадьбы тех времён, описанное историками [4, с. 52–53; 5, с. 158–161]. При этом Ю. Готье пишет, что вотчины использовались в те времена для обеспечения жизни боярской семьи, а отнюдь не для её времяпровождения. Находясь на царской службе, бояре и дворяне должны были просить царя отпустить их на несколько дней для посещения вотчинных усадеб. Только особо приближённые и доверенные лица могли содержать их для отдыха и развлечений. Очевидно, к такому слою и принадлежал Иван Алексеевич Воротынский, который мог позволить себе иметь особую охотничью резиденцию. Три этажа дома, гульбище, каменная домовая церковь и крытый переход в неё, два десятка дворов охотничьей и домашней obsługi говорят об основательности этого хозяйства.

Вот такую память нам сохранила картография, позволившая зримо представить не только ландшафт этой местности в XVII в., устройство княжеской усадьбы, но и сделать некоторые выводы об обстоятельствах жизни их обитателей.

Но встаёт вопрос, с чем связано появление этого чертежа в 1695 г., т.е. через 16 лет после смерти последнего князя Воротынского. Очевидно, дело в том, что с уходом его из жизни хозяйство было объявлено выморочным и княжеские вотчины перешли в дворцовую собственность [6, с. 88–90]. По данным исследователей [2, с. 99] всего на царя было отписано около 11 тыс. четей земли и 3,5 тыс. дворов, которыми владели Воротынские.

Село Куркино как княжеская собственность осталась, очевидно, за вдовой последнего князя – Настасьей Львовной Воротынской. И ей приходилось прилагать немало усилий для его сохранения. И, как выяснил Б. Морозов [10, с. 187–188], эти усилия были не напрасны. Так, её сосед по имению, упомянутый Микита Борков поставил для своей мельницы такую высокую плотину на р. Сходне, что запруженная вода стала заливать долинны сенокосы Настасьи Львовны и мешать работе её мельницы. На это бесчинство она написала жалобу в Разрядный приказ, откуда был послан подьячий Василий Юдин, который и составил чертёж, подтвердивший факт заливания лугов. При этом Морозов считает, что Юдин явно превысил свою задачу и дал избыточное изображение не только залитого луга, но и всей округи, включая устройство церкви, домов и имений участников этого спора и их соседей.

На наш взгляд, причину стараний Василия Юдина надо искать в родстве Воротынских со Стрешневыми и через них с царским домом. Ведь последний из Воротынских приходился троюродным братом Петру I, ставшему к тому времени русским царём, и если сами Воротынские

уже ушли с исторической сцены, то Стрешневы прочно стояли около царской семьи.

Так, Тихон Стрешнев – любимый с детства дядька Петра I (который был внуком Евдокии Стрешневой) стал так ему близок, что в числе трёх бояр получил право не брить бороду. Он помогал молодому Петру собирать его потешные полки, строил с ним флот в Воронеже и укрепления в Петербурге, стал первым губернатором Москвы и одним из первых сенаторов. И этот же Тихон Стрешнев сохранял пост главы Разрядного приказа, ведавшего делами Воротынских, куда и была подана жалоба Настасьи Львовны [1, с. 8–23].

Поэтому понятно, почему чертёж был выполнен так старательно и почему дополнительно провели словесное дознание, давшее новые сведения. Так, в числе прочих были получены такие ответы: крестьянин из Гаврилкова Мишка Иванов сказал, что раньше княжеские мельники давали им по три ведра вина, чтоб они покосов не затапливали. А куркинские это категорически отрицали. А приказчик Боркова и староста деревни Гаврилково считают, что луга затопили сильные дожди этого лета, а не перестройка плотины. Тяжба длилась два года и склонялась в пользу княгини – убавить высоту плотины Боркова, а княгиня требовала убрать и лишние мельничные колёса [10, с. 188]. Чем всё кончилось, не известно, но есть большая вероятность, что жалоба Настасьи Воротынской на Микиту Боркова была удовлетворена.

В заключение несколько слов о судьбе села Куркино и Владимирской церкви. Своё имение Настасья Львовна, бывшая в распре с родственником Голицыным, вскоре подарила патриарху Адриану, за что получила от него в дар «Образ Пречистые Богородицы Владимирския, оклад и венец» [16, с. 19]. А в 1700 г., с устранением патриаршества село перешло в Коллегию экономии, крестьяне постепенно слились с государственными, а усадьба пришла в упадок. Душеприказчиком же остального своего имущества (земель, московской усадьбы и её наполнения), которое оказалось немалым [6, с. 89–95], она сделала упомянутого Тихона Стрешнева. Таким образом, Стрешневы стояли у завершения следов земного бытия Воротынских. Сегодня село Куркино стало микрорайоном Москвы и теряет свой деревенский облик (Рис. 7).

Сама же церковь действовала (с перерывом в 1938–1946 г.) все три с половиной столетия. Она достраивалась и реконструировалась и сегодня служит центром духовной жизни округа. Там работает православная школа, военно-патриотический клуб, налажено сестринское служение и ведутся другие благие дела, в праздники она собирает много людей (Рис. 8).

От этой церкви и сегодня открывается прекрасный вид на долину Сходни, которым около 400 лет назад любовались цари Романовы Михаил и Алексей, их верные князья Воротынские и породнившие их сёстры Евдокия и Мария Стрешневы и который сохранился на старом чертеже.

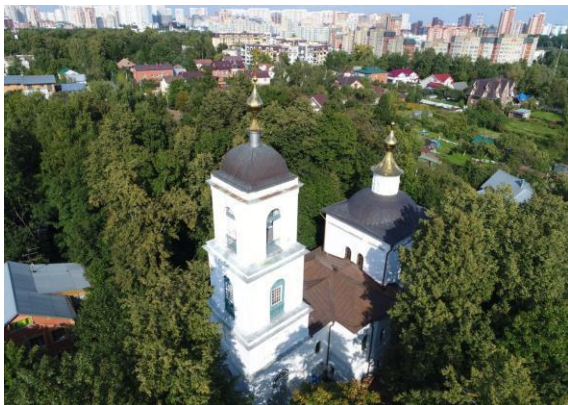

Рис. 7. Владимирская церковь

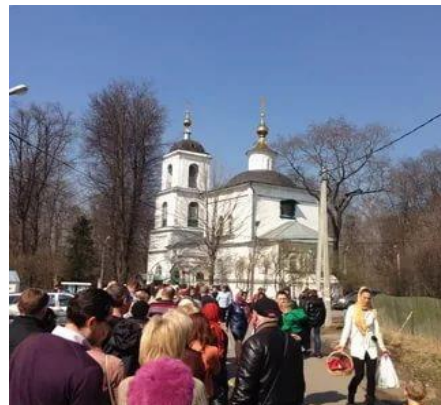

Рис.8. Около Владимирской церкви на Пасху

Источники и литература

1. Балязин, Б. Н. На службе Подмосковья / Б. Н. Балязин. – Жуковский : Кучково поле, 2004. – 478 с.
2. Беликов, В. Ю. Документы о владении князей Воротынских во второй половине XVI – начале XVII века / В. Ю. Беликов, Е. И. Колычева // Архив русской истории. – Москва, 1992. – Вып. 2. – С. 93–121.
3. Большая Российская энциклопедия. В 30 томах. Том 5. Великий князь – Восходящий узел орбиты. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 2006. – 782 с.
4. Готьё, Ю. В. Окрестности допетровской Москвы / Ю. В. Готьё // Москва и её окрестности : архитектура, история. – Москва, 2007.

5. Забелин, И. Е. Кунцево и древний Сетунский стан : исторические воспоминания / И. Е. Забелин. – Москва : К. Т. Солдатенков, 1873. – 258 с.
6. Заозерский, А. И. Боярский двор / А. И. Заозерский // Русский исторический журнал. – 1922. – Кн. 8. – С. 88–114.
7. Иловайский, Д. И. Отец Петра Великого / Д. И. Иловайский. – Москва : Мир книг : Литература, 2008. – 525 с.
8. История родов русского дворянства. В 2 книгах. Книга 1. Князья Воротынские / сост. П. Н. Петров. – Москва : Лексика : Современник, 1991. – 430 с.
9. Кусов, В. С. Московское государство XVI – начала XVIII века : сводный каталог русских географических карт и чертежей / В. С. Кусов. – Москва : Русский мир, 2007. – 699 с.
10. Морозов, Б. Н. Чертеж конца XVII века подмосковной вотчины князей Воротынских / Б. Н. Морозов // Архив русской истории. – Москва, 1992. – Вып. 2. – С. 192.
11. Повседневных дворцовых времени государей царей и великих князей Михаила Фёдоровича и Алексея Михайловича записок : монография : в 2 частях. – Москва : При Императорском Московском Университете, 1769. – 2 ч.
12. Постников, А. В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт / А. В. Постников. – Москва : Наука, 1985. – 214 с.
13. Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII вв. : (очерки истории) : [монография] / отв. ред. А. П. Павлов. – Санкт-Петербург : Береста, 2006. – 547 с.
14. Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Приказной стол. Стлб. 1834. Л. 200 18х33. 1692. № 404. С. 263.
15. Соловьев, С. М. Сочинения. В 18 книгах. Книга 7. История России с древнейших времён. Т. 13-14. / С. М. Соловьев. – Москва : Мысль, 1991. – 701 с.
16. Холмогоров, В. И. Исторические материалы для составления церковных летописей Московской епархии. Выпуск 3. Загородская десятина (Московского уезда) / собр. В. Холмогоровым и диаконом Г. Холмогоровым. – Москва : Типография Л. Ф. Снегирева, 1886. – 387 с.

В ПОИСКАХ ГЕРОЯ: СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ В «БОГАТЫРЯХ» А. БОРОДИНА И ДЕМЬЯНА БЕДНОГО ¹

Средневековые источники (фольклорные и летописные) легли в основу оперы А. П. Бородин «Богатыри» и спектакля, созданного на его основе в 1936 г. в Камерном театре. В статье, с опорой на неизвестные архивные материалы, воссоздана история создания этих произведений, сравниваются либретто В. А. Крылова, написанное к опере, и текст Демьяна Бедного к спектаклю Камерного театра. В поисках современного героя поэт в духе исторической школы Покровского подверг осмеянию средневековую культуру Руси. В 1930-е гг. такая точка зрения оказалась неприемлемой: спектакль был закрыт, а Демьян Бедный подвергся опале.

Ключевые слова: А. П. Бородин, Демьян Бедный, «Богатыри», историческая школа М. Покровского, средневековая Русь, фольклор.

IN SEARCH OF A HERO: MEDIEVAL RUSSIA IN «BOGATYRS» BY A. BORODIN AND DAMIAN POOR

Medieval sources (folklore and chronicle) formed the basis of the opera A.P. Borodin «Bogatyri» and the play created on its basis in 1936 in the Kamerny Theater. The article tells about the history of the creation of these works, compares the libretto by V.A. Krylov, written to the opera, and the text of Demyan Bedny for the performance of the Kamerny Theater. In search of the modern hero, the poet in the spirit of the historical school of Pokrovsky ridiculed the medieval culture of Russia. In the 1930s, this point of view was unacceptable: the performance was closed, and the poet was subjected to disgrace.

Key words: A.P. Borodin, Demyan Bedny, «Bogatyri», the historical school of M. Pokrovsky, medieval Russia, folklore.

В 1936 г. в Москве на сцене легендарного Камерного театра режиссером А. Я. Таировым был поставлен спектакль «Богатыри» по пьесе Демьяна Бедного. Этому спектаклю суждено было стать кульминацией кампании по борьбе с формализмом, которая в те годы была развернута в стране. Спектакль был запрещен, а его создатели подверглись опале. Но история этой постановки своими корнями уходит в XIX в., когда оперу с таким же названием написал А. П. Бородин. В начале XX в. опера была окончательно забыта, поскольку и при жизни композитора она лишь раз исполнялась в Большом театре в 1867 г. Вспомнили о ней лишь в начале 1920-х гг., когда музыканты обратились к национальной музыкальной культуре и стали активно изучать классическое наследие: автографы «Бориса Годунова» М. П. Мусоргского, неизвестные и неизданные рукописи П. И. Чайковского, дневники С. И. Танеева. И, наконец, накануне 100-летия со дня рождения А. П. Бородина в 1933 году вспомнили и о «Богатырях»: с просьбой переделать либретто к опере XIX в. обратился к Демьяну Бедному режиссер и основатель Камерного театра А. Я. Таиров.

Бородин, задумав создать былинную эпическую оперу, набросал ее программу, основанную на двух русских былинах — «Данило Ловчанин с женою» и «Ставр Годинович». Опера должна была состоять из 7 картин, в ней было 7 действующих лиц: богатырша Василиса Микулишна (жена Данилы Ловчанина), Апраксея (жена князя Владимира), киевский князь Владимир, богатырь Илья Муромец, княжий охотник Данило Ловчанин, богатырь Алеша Попович, лютый змей Тугарин. Известно, что Бородин изучал «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», 4 тома которых вышли в Москве в 1861-1867 гг., а также «Песни, собранные П. А. Киреевским» — 10 выпусков публиковались с 1860 по 1874 гг. В обоих изданиях были приведены около десятка вариантов былины о Соловье Будимировиче и его сватовстве к Забаве Путятишне, которые составили один из сюжетных мотивов «Богатырей». Либретто к опере написал довольно известный в то время драматург В. А. Крылов. Вся работа была завершена композитором 13 октября 1867 г., о чем он сообщал в письме к Н. П. Савицкому:

«С. Петербург. 1867, 13 X.

Извините меня, добрейший Николай Петрович, за мою медленность относительно доставки

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 18-012-00445 «Демьян Бедный и советский театр 1920-30-х гг.»

трех последних номеров Богатырей. При всем моем желании никак не мог выбрать свободной минуты, и только сегодня окончил последний номер» [3, с. 97].

В центре оперы – мелодраматический сюжет: не лишенная трогательности любовь Соловья к княжне Забаве, дочери удельного князя Густомысла. Параллельно с ней развивается сюжетная линия богатырей: Аники, Алеши Поповича, Кита Китыча, Авось и Небось. Им, по замыслу Крылова, необходимо в поединке победить дочь Змея Горыныча Амелфю Змеевну. И заканчивается все, как в сказке или в оперетте, свадьбой Соловья с Забавой, а одного из богатырей – с богатыршей Амелфой. Таким образом, текст оказывается построенным на фольклорных (былинных и сказочных) мотивах. Из летописных реалий можно выделить лишь языческого бога Перуна. Очевидно, что фольклорный мир пьесы носит условный характер, подчеркнутый к тому же и композиционно. Текст Крылова щедро наполнен репризами, но практически все они, имеющие общественно-социальное звучание, были вырезаны царской цензурой, например, реплика Милитрисы, жены удельного князя, богатырю Анике: «Рабство – великое зло. А кто губит рабов, тот уничтожает рабство. Нам приятно видеть ваши гуманные цели» [4, с. 12].

Или:

Фома: «Эк, удивил нас кисельными берегами. У нас на Руси не только берега, а все дороги кисельные» [4, с. 15].

Цензура даже вычеркнула в устах удельного князя летописную фразу: «Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет» [4, с. 28].

На титульном листе рукописного автографа «Богатырей», который сегодня хранится в Москве, в Российской государственной библиотеке по искусству, написано: «Богатыри, или Прекрасная Елена на русские нравы — музыкально-историческая драма из времен доисторических в пяти бытовых картинах[ах]». Именно этот экземпляр либретто и лег в основу единственной постановки

«Богатырей» на сцене Большого театра. Афиша представления говорила: «Музыка частью оригинальная, частью пародирована из разных опер г-на ХХ». Кроме народных мелодий Бородин включил в свою оперу отрывки из произведений А. Серова, Ж. Оффенбаха, Д. Россини и др. В каком-то смысле «Богатыри» — предтеча знаменитой «Вампуки». Предметом пародии и насмешки для молодого Бородина стала опера «Рогнеда» Серова, в тот момент официально признанная образцом национальной оперы. В советской прессе накануне премьеры в Камерном театре об этом вспомнили: ««Богатыри» Бородина были в 60-х гг. прошлого века театральной пародией на оперу Серова «Рогнеда». И «Рогнеда» и «Богатыри» возникли в обстановки схватки

«почвенников» и западников, итальянцев и «кучкистов», в спорах вокруг вагнеровского «мифотворчества», связанного с приездом в Россию самого Вагнера. Серов в своей «Рогнеде» отдавал непродуманную, поверхностно-формалистическую дань «народности», искажая в своей стилизации подлинный народно-песенный фольклор и драматическую выразительность народного эпоса. По существу, «русская стихия» Серова была просто эклектической похлебкой, мешаниной, где под хор калик переходящих можно было свободно подставить музыку из мейерберовского «Пророка», «византийское» заменить оффенбаховским и т.д. Эта псевдо-народность имела тогда и определенный политически-славянофильский привкус. Вот что вышутил и высмеял Бородин в своей шутке-пародии. Была она тогда понятна и остра» [2, с. 2].

Поскольку опера «Богатыри» 6 ноября 1867 г. «провалилась», композитор, скрывший свое авторство на афише за двумя звездочками, даже близким друзьям не рассказывал об этом произведении. После провала о «Богатырях» на долгие годы забыли. Впервые о них написал В.В. Стасов вскоре после смерти композитора: «Бородин любил иногда позабавиться музыкальным фарсом. <...> В 1866 или 1867 г. <...> была дана (всего один раз, впрочем) пьеса Виктора Крылова

«Богатыри», состоявшая из литературных пародий, к которым Бородин приделал несколько музыкальных пародий на разные арии и хоры из «Аскольдовой могилы», «Рогнеды» и так далее. Московский капельмейстер Мертен положил эту пародию на оркестр и дирижировал представление» [8, с. 48-49].

Несколько позднее, почти через 30 лет после создания оперы Н. А. Римский-Корсаков заинтересовался «Богатырями». В дневниках В. В. Ястребцева сохранилась запись: «3 ноября [1894 г.] <...> Беседуя о вчерашнем визите В. А. Крылова, Римский-Корсаков сообщил мне, что у Бородина, как оказалось, кроме «Князя Игоря», существовала еще одна, составленная им для Крылова, на его текст, местами довольно остроумная оперетка (!) «Богатыри», о которой Николай Андреевич узнал только вчера, так как Бородин за все время их знакомства ни разу не обмолвился о ней» [11, с. 220].

Вспомнить о забытой опере XIX в., помимо желания отметить юбилей композитора, Камерный театр принудила еще и необходимость решить две остро стоящие перед коллективом проблемы. С одной стороны, принципиальным для Таирова при создании театра было утвердить в его репертуаре линию комическую, стоящую на грани буффонады, арлекинады, оперетты, фарса.

«Богатыри» идеально подходили к этому направлению. С другой стороны, на театр сыпались не лишние оснований упреки в том, что основа его репертуара – западные пьесы, совсем нет русской классики, нет пьес современных драматургов.

И предыдущие постановки отечественной классики на этой сцене имели сомнительный успех.

Например, на спектакль «Гроза» по А. Н. Островскому, Н. Р. Эрдман написал едкую эпиграмму:

Есть театры и такие, Что таких на свете нет,
— Сам находится в России, А на самом деле нет...
Что в нем русского помину, На французский все манер,
И играет Катерину – Адриенна Лекуврер [6, с. 7].

В случае с «Богатырями» для театра это был опыт обращения и к отечественной теме, и к современной драматургии одновременно.

В качестве художника предстоящего спектакля был приглашен палешанин Павел Дмитриевич Баженов. Потомственный иконописец, он в 1915–1917 гг. учился в учебных мастерских Комитета попечительства о русской иконописи в мастерской И. М. Баканова и Е. И. Стягова. Баженов много занимался монументальной, театрально-декорационной живописью, занимался иллюстрацией книг, росписью по фарфору, рисовал карикатуры и дружеские шаржи. В 1936–1937 гг. он участвовал в создании знаменитого мультфильма «Сказка о рыбаке и рыбке».

А. Я. Таиров, работая над «Богатырями», писал: «При разработке режиссерской композиции спектакля я почувствовал органическую потребность привлечь к этой работе художника, творчество которого максимально опиралось бы на основные традиции нашего народного искусства. Мысль моя обратилась к Палеху, наш выбор остановился на П. Д. Баженове. Несмотря на то, что П. Баженов не только никогда не работал в театре, но и вообще очень мало знал театр, я увидел в его произведениях ряд элементов, которые внушали мне уверенность, что он – именно тот художник, который нужен был для осуществления режиссерского замысла. П. Баженову удалось, отнюдь не поступаясь своей самобытностью, успешно включиться в творческий метод Камерного театра» [10, с. 2].

По совету П. М. Керженцева, всесильного на тот момент председателя Комитета по делам искусств, А. Я. Таиров решает отдать текст либретто В. Крылова на переделку Демьяну Бедному: «Музыка Бородин сразу же обнаружила замечательные сценические возможности. Иное оказалось с либретто. Оно было написано ходовым по тому времени драматургом Крыловым. Но текст его был мало интересен и сильно устарел. Свое либретто Крылов построил главным образом на высмеивании оперных штампов. Между тем, партитура наводила на мысль о создании спектакля, опирающегося на народное творчество и, одновременно, высмеивающего «лженародность» в искусстве, ту самую «смесь французского с нижегородским», над которой так зло насмеялся Грибоедов и которую высмеял и Бородин в своих «Богатырях». Мы обратились за творческим содействием к Демьяну Бедному. В результате поэт создал совершенно новое произведение, базирующееся не только на народном эпосе, но и на материалах русских летописей» [10, с. 2].

Демьян Бедный в «Правде» подробно объяснил, что он сделал с текстом Крылова: «Старый текст пришлось выбросить начисто, пять актов свести к трем, сюжет дать совершенно новый.

Сюжет был развит по трем линиям: героической, лирической и комической. Героическую линию должны были вести:

разбойнички честные,
богатыри лесные.

Все действие оперы сосредоточено вокруг двух узловых положений.

Первое: разбойнику Угару во что бы то ни стало надо отбить у Соловья-богатыря своих, полоненных Соловьем сотоварищей.

Или живым нам не быть
Иль товарищей верных добыть.

Второе: князю Владимиру надо выпутаться из невылазного положения «Руси есть веселие питии». Князь по случаю крещения так развеселился, что крещение приняло вид «пьяного дела»: сам князь с богатырями кидался в воду, потопил в воде много народу, даже Перуна попытался утопить. Протрезвившись, испугался гнева Перуна и учиняет жертвоприношение с целью удостовериться: остался Перун богом или нет? А тут еще греки подсунули сомнительную греческую царевну с выводком сомнительных девиц.

В жертвоприношении участвует – вопреки историчности – жрец. Он оставлен мною. Устранив его, надо было устранить добрую треть бородинской музыки» [1, с. 4].

В центре «Богатырей» «кремлевского баснописца» оказалась летописная история крещения Руси, поэтому и удельный князь Гостомысл заменен на Владимира, а жена Гостомысла на Рогнеду. Помимо разбойников, появились и другие действующие лица, отсутствовавшие в пьесе В. А. Крылова: няня князя Владимира, сенная девушка Забавы Чернавка, она же возлюбленная Фомы и помощница разбойников, греческая псевдокняжна Анна и грек Анастас. Демьян Бедный оказывается верен самому себе: он создает текст, не пародирующий оперные штампы, а имеющий прежде всего антиклерикальную и антицерковную направленность.

Поэт даже к середине 1930-х гг., ко времени создания «Богатырей», не осознал, как изменилось время и что, как отмечает один из исследователей: «Проблема прочности СССР перед лицом будущей войны особенно заботило руководство страны уже в первой половине 1930-х гг. Эта прочность представлялась Сталину как сплочённость народов СССР вокруг русского народа» [5]. Не запомнил Демьян Бедный тех слов, что в 1934 г. говорил ему Сталин: «...революционные рабочие всех стран единодушно рукоплещут советскому рабочему классу и, прежде всего, русскому рабочему классу» [9, с. 90].

Посмеявшись над русской историей, он справедливо получил упрек в том, что мыслит поэт классово в духе чуждой Советскому государству исторической школы М. Н. Покровского, что делает это с сознательным желанием принизить роль русского народа в истории.

Заккрытие спектакля Камерного театра и кампания, начавшаяся против Демьяна Бедного, имели плоды. Поэт раскаялся, исправил ошибки, преодолел свои прежние взгляды. Стенограмма его покаянного разговора с генеральным секретарем СП СССР В. П. Ставским сохранила такие слова: «Ты знаешь, когда Молотов пришел и посмотрел пьесу и вскипел, только тут я понял: «Мать честная! А мы то прикрашивали разбойников... Где они богатыри? Разве такие были богатыри? Вырастим своих богатырей из народа...» [7, с. 30].

Кардинально изменилось понимание Демьяном Бедным истории: в героических деяниях давно прошедших лет он видит теперь залог побед советского народа. Так, в период Великой Отечественной войны в стихотворении «Помянем, братья, старину» он, вспоминая Куликовскую битву, воодушевляет солдат сражаться на Дону с фашистскими войсками; в стихотворении «Над Харьковом взвилось родное наше знамя» он говорит о Березине, об Отечественной войне 1812 г.; о преданиях Чудского озера он рассказывает освободителям Пскова. Отказавшись от исторических представлений М. Н. Покровского, поэт теперь воспекает героев былинного эпоса, восторгается их мудростью и непобедимостью, пишет об их любви к своей родине.

Источники и литература

1. Бедный, Д. «Богатыри» : к премьере в Камерном театре / Д. Бедный // Правда. – 1936. – 24 октября. – С. 4.
2. Бескин, Эм. История на сцене / Эм. Бескин // Театральная декада. – 1936. – № 33. – С. 2.
3. Бородин, А. П. Письма А. П. Бородин. Выпуск 1. 1857-1871 / А. П. Бородин. – Москва : Музгиз, 1928. – 420 с.
4. Бородин, А. П. Богатыри : опера-фарс / А. П. Бородин. – Москва : Дека-ВС, 2005. – 454 с.
5. Дубровский, А. М. От проблем исторического образования к новому облику исторической науки / А. М. Дубровский. – [Электронный ресурс] : электронное периодическое издание. – URL: <http://www.opentextnn.ru/history/historiografy/?id=2991>. – Дата публикации: 1 января 2000.
6. Левитин, М. З. Таиров / М. З. Левитин. – Москва : Молодая гвардия, 2009. – 356 с.
7. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 257.
8. Стасов, В. В. Александр Порфирьевич Бородин : его жизнь, переписка и музыкальные статьи / В. В. Стасов. – Санкт-Петербург : Суворин, 1889. – 332 с.
9. «Счастье литературы» : государство и писатели, 1925-1938 : документы / [сост. Д. Л. Бабиченко]. – Москва : Росспэн, 1997. – 318 с.
10. Таиров, А. Я. «Богатыри» в Камерном театре / А. Я. Таиров // Известия. – 1936. – 26 октября.

– С. 4.

11. Ястребцев, В. В. Николай Андреевич Римский-Корсаков. Том 1. 1886-1897. Воспоминания / В. В. Ястребцев. – Ленинград : Музгиз, 1959. – 525 с.

ВОЗРОЖДЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ В ВОЛОГОДСКОЙ МИТРОПОЛИИ

На Вологодской земле степень сохранности существующих памятников церковной архитектуры XV–XVI вв. высока. Большинство используется в богослужебных целях. Совместное использование памятников музеями и Церковью дает высокие результаты, в том числе и на уровне использования информационных технологий. Важным представляется восстановление разрушенных святынь и возрождение в них православных богослужений.

Ключевые слова: Вологодская митрополия, памятники архитектуры, церковная архитектура.

REVIVAL AND USE OF MONUMENTS OF MEDIEVAL ARCHITECTURE IN THE VOLOGDA ARCHDIOCESE

On Vologda land, the degree of preservation of existing monuments of church architecture of the 15th and 16th centuries is high. Most are used for liturgical purposes. The sharing of monuments by museums and the Church yields high results, including at the level of information technology. It is important to restore the destroyed shrines and restore Orthodox services in them.

Keywords: Vologda metropolitanate, architectural monuments, Church architecture.

Православный храм как образ Неба на земле на протяжении многих столетий был для русского человека святыней, которую с любовью созидали, в которой с усердием молились не только о спасении своей души, но и «о богохранимой стране нашей и о христоробивом воинстве ея», которую благоукрашали и благоговейно сохраняли для будущих поколений. Думается, что именно так же относился к храмам Земли Русской и князь Михаил Иванович Воротынский, которому посвящены нынешние первые чтения.

Как же сейчас, после богоборческого и печального для зданий культовой архитектуры периода истории нашего Отечества, обстоят дела в Вологодской области с храмами-памятниками – современниками эпохи Михаила Ивановича Воротынского (XV–XVI в.)? Согласно списку объектов культурного наследия Вологодской области федерального значения (а все эти храмы относятся именно к федеральным памятникам), размещенному на официальном сайте Комитета по охране объектов культурного наследия Вологодской области таковых насчитывается 20 [6]. Их состояние в отношении богослужебного использования приводится в Таблице 1. Все храмы находятся в федеральной собственности, из них:

- 8 (40 %) объектов (Рис. 1–4, 6, 13) полностью в пользовании Вологодской митрополии. В пяти объектах богослужения совершаются в полном объеме (правда, храмов все же 4, т.к. колокольня и трапезная Каменного монастыря, являясь разными архитектурными объектами, составляют единый храмовый комплекс), два храма для богослужения не оборудованы, а Спасский собор Спасо-Каменного монастыря находится в руинированном состоянии;

Рис. 1. Общий вид Спасо-Прилуцкого монастыря

Рис. 2. Вознесенский храм Спасо-Прилуцкого монастыря

Рис. 3. Введенский храм Спасо-Прилуцкого монастыря

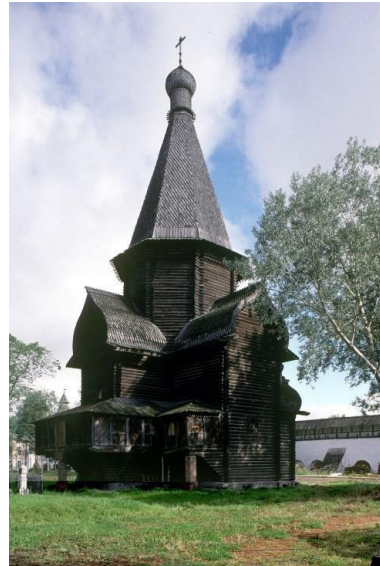

Рис. 4. Успенский храм Спасо-Прилуцкого монастыря

- 4 (20%) объекта (Рис. 5, 9, 10, 10-1) находятся в совместном с музеями использовании для богослужбных целей, причем половина из них (Софийский собор в Вологде и Успенский в Кирилло-Белозерском монастыре) являются частью музейной экспозиции с платным входом во внебогослужбное время;

Рис. 5. Софийский собор г. Вологда

Рис. 6. Общий вид Спас-Каменного монастыря

Рис. 7. Общий вид Кирилло-Белозерского монастыря

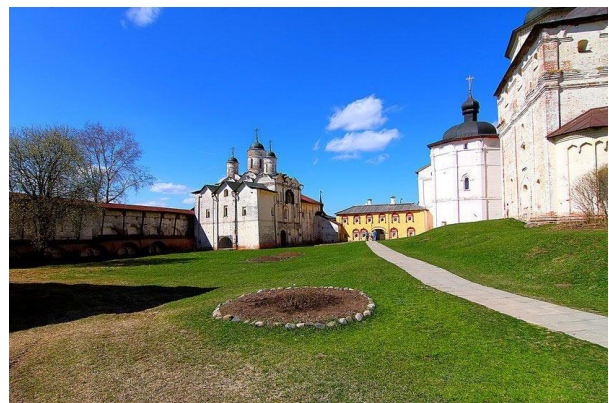

Рис. 8. Преображенский храм Кирилло-Белозерского монастыря

- 8 (40%) (Рис. 8, 10-2, 10-3, 10-4, 10-5, 11, 12) объектов полностью используются музеями, богослужения в них в силу разных причин не проводятся.

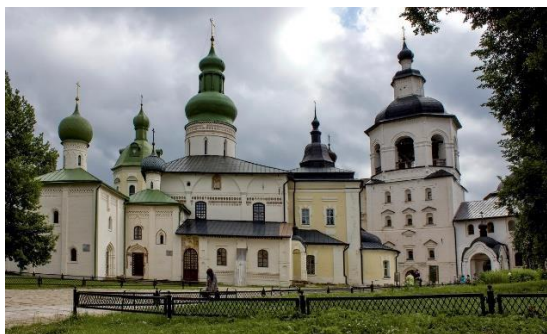

Рис. 9. Успенский собор Кирилло-Белозерского монастыря с комплексом придельных храмов

Рис. 10. Храм прп. Сергия Радонежского Кирилло-Белозерского монастыря

Рис. 10-1. Храм Иоанна Предтечи Кирилло-Белозерского монастыря

Рис. 10-2. Храм Иоанна Лествичника Кирилло-Белозерского монастыря

Таким образом, для молитвенных целей, важнейших и первостепенных в использовании православного храма, сейчас служат 9 памятников церковной архитектуры, что составляет менее половины от общего количества (45%).

Рис. 10-3. Храм Архангела Гавриила Кирилло-Белозерского монастыря

Рис. 10-4. Храм Рождества Богородицы Кирилло-Белозерского монастыря

Рис. 10-5. Храм Введения во храм Кирилло-Белозерского монастыря

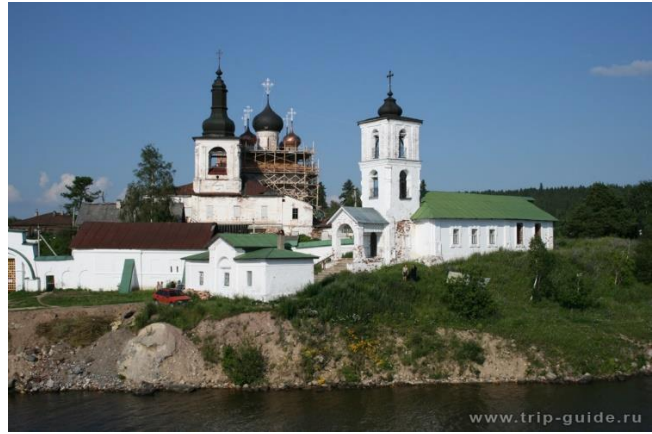

Рис. 11. Воскресенский собор Горичского монастыря

Что касается внешнего вида храмов-памятников, то за исключением ансамбля Спасо-Каменного монастыря, все они находятся в приличном состоянии. Некоторые были реставрированы в советский период нашей истории.

Рис. 12. Феропонтов монастырь

Рис. 13. Успенский собор г. Белозерск

Рис. 14. Временный иконостас Спасского собора Спасо-Прилуцкого монастыря

Рис. 15. Постоянный иконостас Спасского собора Спасо-Прилуцкого монастыря

Начиная с 1954 г., на памятниках Спасо-Прилуцкого монастыря планомерно проводились реставрационно-восстановительные работы силами специально созданного научно-реставрационного участка, преобразованного в 1957 г. в Вологодскую СНРПМ. Примерно за 15-летний период (по 1969 г.), в течение которого работы велись относительно интенсивно, реставрирована центральная, наиболее ценная группа памятников монастырского комплекса – Спасский собор и Введенская церковь с трапезной палатой. Большие работы проведены по северной и западной крепостным стенам, включая выпрямление и подводку новых фундаментов. Реставрированы Мельничная и Водяная башни с воссозданием тесовых шатров по образцу XVII в., а также здание каменных сушил у Святых ворот. В значительном объеме проведена срезка культурного слоя на территории монастыря. Кроме того, проводились частичные консервационные работы на других памятниках монастырского ансамбля. В результате проведенных реставрационных работ основные памятники Спасо-Прилуцкого монастыря, находившиеся в аварийном состоянии, укреплены и освобождены от позднейших наслоений и искажений, что позволяет им занять достойное место в истории русского зодчества и создает возможность музейного показа [1]. На некоторых объектах реставрация за счет государственных средств была завершена в начале XXI в. (2016 г. – Ферапонтов монастырь) [2] или активно проходит в настоящее время (Кирилло-Белозерский музей-заповедник) (Рис. 7). Реставрационные работы в Кирилло-Белозерском музее-заповеднике – явление систематическое и постоянное. Разные времена отличались только темпами деятельности. Как помним, началась реставрация крепости ещё в начале XX в., на период войны затихла и продолжилась лишь в 1953 г.

Рис. 16. Исторический Киликиевский крест

Рис. 17. Современная реконструкция Киликиевского креста

Рис. 18. Фрагмент современного Киликиевского креста

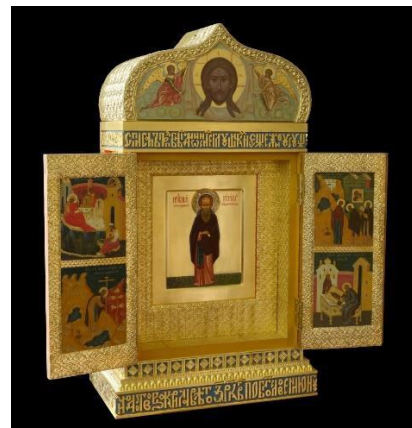

Рис. 19. Реконструкция киота прп. Кирилла Белозерского

В настоящее время мы наблюдаем самый высокий всплеск реставрационной деятельности в музее. Как замечает заместитель генерального директора по реставрации ФГБУК «Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» Ольга Валентиновна Вороничева, в 2017 г. произошло «беспрецедентное увеличение объемов финансирования, которое повлияло на значительное увеличение объемов работ по сохранению объекта культурного наследия» [5]. Но самым удивительным примером возрождения храмов, находившихся в ужасающем состоянии и не обласканных изначально вливанием госфинансов, является Спасо-Каменный монастырь (Рис. 23-30). С самого начала восстановительных работ, начатых еще А. Н. Плигиным, предполагалось, что древнейшая на Севере обитель будет возрождена в качестве действующего монастыря Русской Православной Церкви. Неслучайно первое, с чего начали дело реставрации, – строительство часовни во имя Всех Вологодских святых в 1998 г. На мой взгляд, именно это и предопределило успех этого дела, начатого энтузиастами в начале 1990-х гг., а сейчас активно продолжающегося с 2007 г. за счет финансирования федеральными целевыми программами. Отреставрированная и освященная в 2010 г. колокольня-храм (Рис. 25) подхватила и укрепила молитву чрез совершение литургии, а возрожденная к 2016 г. трапезная (Рис. 26) расширила молитвенное пространство. Год спустя Архиерейское подворье решением Синода было преобразовано в монастырь, и таким образом соединилась «дней связующая нить». В 2018 г. на остров вернулись мощи прп. Иоасафа Спасокаменского и именно с этого момента началось быстрое возрождение еще одного разрушенного объекта – братского корпуса (Рис. 27), и стал активно обсуждаться вопрос о восстановлении самого древнего каменного храма на Русском Севере – Преображенского собора (Рис. 29-30).

Рис. 20. Исторический киот для иконы прп. Кирилла Белозерского

Кроме внешнего облика храма очень важным является и его внутреннее пространство. Именно внутри совершается то, ради чего строится храмовое здание, – богослужение, а значит храм без внутреннего убранства, служащего в богослужебных целях, пуст и мертв. Ситуация с интерьерами в настоящий момент такова. Среди храмов, где совершается богослужение, исторические интерьеры, в той или иной степени наполнения (иконостас, киоты, престол и жертвенник в алтаре) сохранились в пяти храмах (Успенский в Белозерске, Иоанна Предтечи и Сергия Радонежского в Кирилловом монастыре, Софийский собор Вологды и Успенский собор Кириллова). В двух храмах Кириллова монастыря имеются частично экспонирующиеся иконостасы, но не проходят службы (надвратные храмы Преображения и Иоанна Лествичника). В тех храмах, которые полностью находятся в пользовании Вологодской епархии, и где убранство было полностью уничтожено, интерьеры по мере сил и возможностей восстанавливаются. Самым ярким и удивительным примером возрождения иконостаса на основании исторического описания является иконостас верхнего храма Спасского собора в Прилуках (Рис. 14–15). Его восстанавливают, используя монастырские описи XVII в., применяя в отделке те же материалы и технологии, что и в древности. Без всякого сомнения, этот иконостас – самое лучшее подтверждение творческого созидательного потенциала Вологодской епархии. Надеюсь, рано или поздно богослужение в возрожденных интерьерах будет совершаться и во всех музейных и епархиальных храмах. Если в последних – это вопрос времени и средств, то в первых – это вопрос принципиального осознания, что экспозиция «мертвого» храма ущербна и неполноценна.

Хотелось бы отметить и такой аспект возрождения интерьеров упоминаемых храмов, как реконструкция храмовых святынь, являвшихся отличительной особенностью того или иного монастыря. Начало было положено Спасо-Прилуцким монастырем в 1996 г., когда по

благословиению Святейшего патриарха Алексия Второго был сделан точный список с чудотворной житийной иконы прп. Димитрия 1503 г., изъятый при закрытии монастыря и ныне хранящейся в экспозиции Вологодского музея-заповедника (Рис. 16). Дело продолжилось воссозданием Киликиевского креста XVI в., также являвшегося одной из главных святынь Спасо-Прилуцкой обители и также сейчас находящегося в музее. Освящение уникальной копии креста, на изготовление которой ушло несколько лет, состоялось в феврале 2014 г. (Рис. 17-18). Теперь воссозданные святыни вновь хранятся в Спасском соборе монастыря. Таким же путем идет и Кирилло-Белозерский монастырь, в котором в 2012 г. иконописцами Зачатьевского монастыря Москвы был написан список с прижизненной иконы прп. Кирилла начала XV в., хранящейся в Государственной Третьяковской галерее, и силами вологодских мастеров воссоздан киот, изготовленный для монастырской святыни в 1614 г. (Рис. 19) (оригинал сейчас хранится в Кирилловском музее-заповеднике) (Рис. 20).

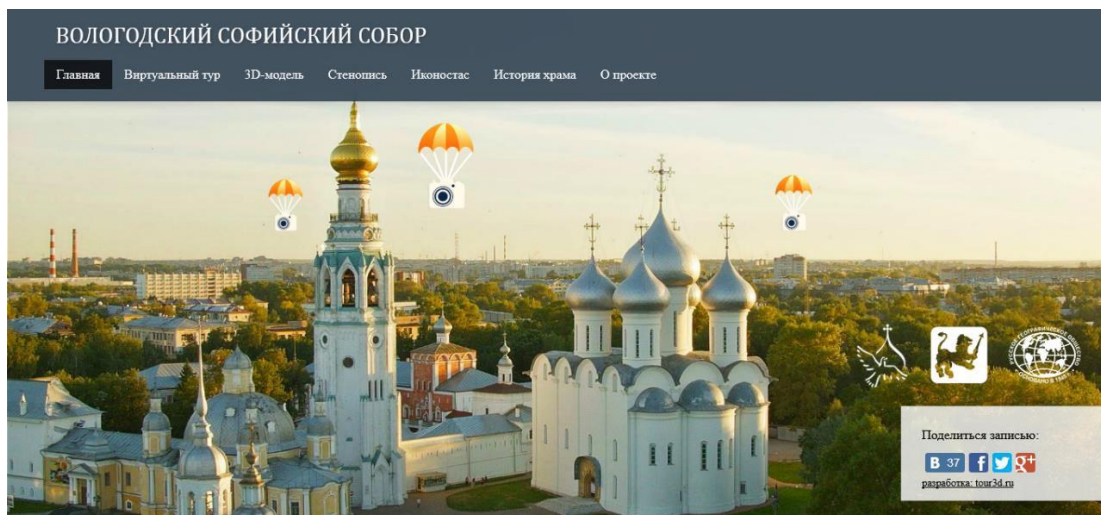

Рис. 21. Вологодский Софийский собор виртуальная экспозиция

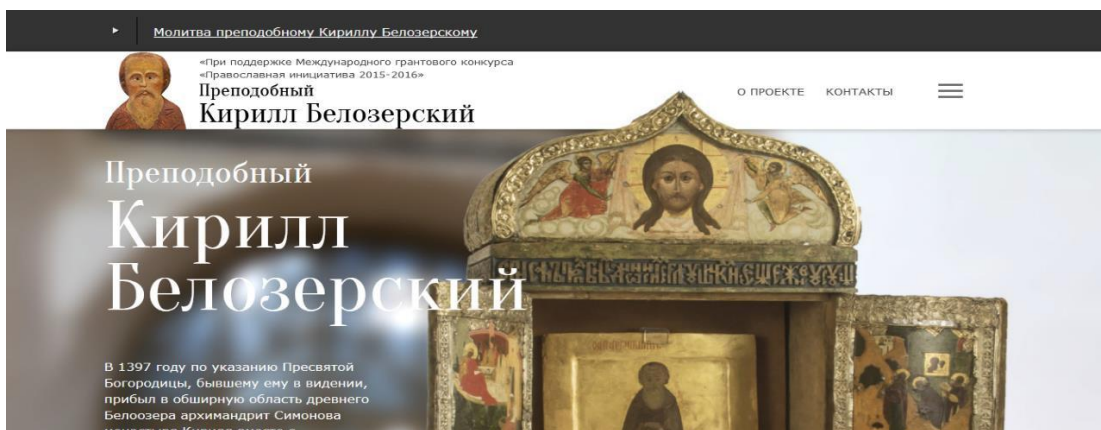

Рис. 22. Интернет-энциклопедия Прп. Кирилл Белозерский

И в завершение хочется упомянуть о новом направлении использования храмов-памятников, связанном с применением новых информационных технологий. В результате сотрудничества Вологодской епархии и музейных учреждений области на средства грантов Международного открытого грантового конкурса «Православная инициатива» были осуществлены два интереснейших проекта, направленных на популяризацию памятников культурного наследия Вологодчины.

Речь идет об Интернет-ресурсе «Вологодский Софийский собор» созданном в 2014–2015 гг. творческим коллективом на базе Вологодского государственного музея-заповедника [3] (Рис. 21). А творческим коллективом Кирилло-Белозерского музея-заповедника на средства того же конкурса в 2016 году была создана Интернет-энциклопедия «Преподобный Кирилл Белозерский» [4] (Рис. 22).

Рис. 23. Спасо-Каменный монастырь. Начало пути

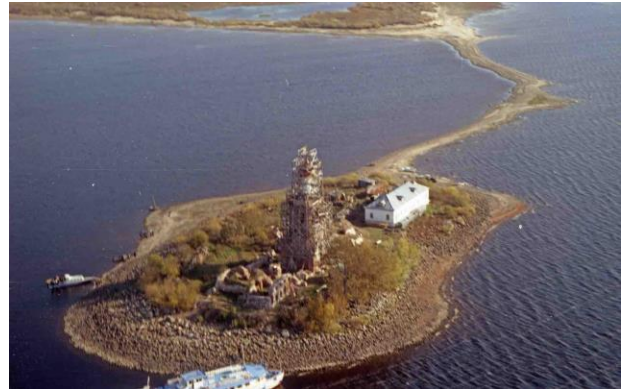

Рис. 24. Спасо-Каменный монастырь. Начало восстановления колокольни

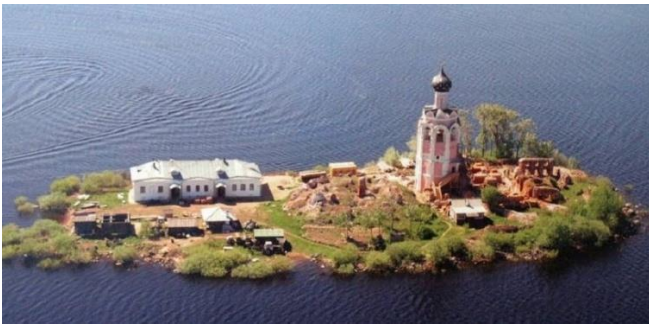

Рис. 25. Спасо-Каменный монастырь. Восстановленная колокольня

Рис. 26. Спасо-Каменный монастырь. Восстановленная трапезная палата

Рис. 27. Спасо-Каменный монастырь. Восстановление братского корпуса

Подводя итог вышесказанного, можно сделать следующие выводы. На Вологодской земле степень сохранности существующих памятников церковной архитектуры XV–XVI вв. очень высока (за исключением руинированного Спасо-Преображенского собора на Каменном острове). Большинство из них используется в богослужебных целях, однако, есть еще храмы, в которых в силу разных причин богослужение не совершается, что с точки зрения идеи храмостроительства, воплощаемой в жизнь нашими предками, является упущением. Абсурдной, с точки зрения наших предков, выглядит ситуация, когда за возможность посетить храм взимается плата. В случае совместного использования памятников музеями и Церковью видны хорошие плоды сотрудничества, в том числе и на уровне использования информационных технологий. Несомненным плюсом в ситуации с возрождением разрушенных святынь явилась их полная передача в пользование епархии (Спасо-Каменный монастырь лучшее тому подтверждение). Также передача храмов-памятников в пользование епархии служит более полному раскрытию идеи храма как синтеза всех церковных искусств, а значит и более аутентичному его восприятию.

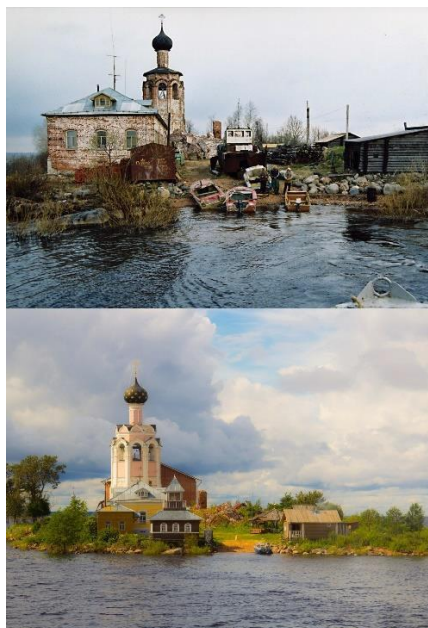

Рис. 28. Спасо-Каменный монастырь. Было и стало

Рис. 29. Спасо-Каменный монастырь. Так может стать

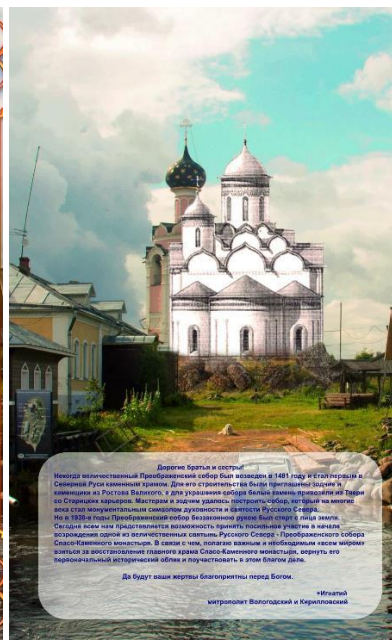

Рис. 30. Спасо-Каменный монастырь. Или так

Таблица 1

№	Памятник	Дата постройки
	Вологодская епархия	
	Вологда	
1.	Софийский собор Колокольня Софийского собора	1570 г.
2.	Спасский собор Спасо-Прилуцкого монастыря	1542 г.
3.	Вознесенская надвратная церковь	1590 г.
4.	Введенская трапезная церковь	1540-е г.
5.	Успенская церковь	1540 г.
	Спас-камень	
6.	Спасо-Преображенский собор Спасо-Каменного монастыря	1481 г.
7.	Колокольня Спасо – Каменного Монастыря	1543–45 гг.
8.	Трапезная палата Спасо-Каменного Монастыря	Воссоздана 2018 г.
	Кириллов	
9.	Деревянная церковь Ризоположения из села Бородавы	1485 г.
10.	Водяные врата с надвратной церковью Преображения Господня	1595 г.
11.	Святые врата с надвратной церковью Иоанна Лествичника	1523 г. и 1572 г. соответственно
12.	Успенский собор с церквями-приделами равноапостольного великого князя Владимира, епископа Елифания Кипрского, игумена Кирилла Белозерского	1497, 1554, 1645, 1785 (1585) гг. соответственно
13.	Церковь Архангела Гавриила	1531-1534 гг.
14.	Церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы с трапезной палатой	1519 г.
15.	Церковь Иоанна Предтечи	1531–34 гг.
16.	Церковь преподобного Сергия Радонежского, с трапезной палатой	1560 и 1594 гг. соответственно

	Горицы	
17	Воскресенский собор	1544 г.
	Ферапонтово	
18	Собор Рождества Пресвятой Богородицы	1490 г.
19	Церковь Благовещения с трапезной палатой	1530–1531 и 1530–1534 гг.
	Череповецкая епархия	
20	Успенский собор Белозерск	1563 г.

Итого:

8 – полностью в пользовании Церкви – 40% (в 2 не ведется богослужение, один объект в руинированном состоянии)

4 – в совместном использовании в богослужебных целях – 20%

8 – полностью в пользовании музеями, богослужения не проводятся – 40 %

Источники и литература

1. Белов, Г. П. Вопросы реставрации Спасо-Прилуцкого монастыря / Г. П. Белов // Охрана, реставрация и изучение памятников архитектуры и живописи Вологодской области : тезисы докладов и сообщений, Вологда, 8–9 июля 1976 г. – Вологда, 1976. – С. 28–29.

2. «Благодаря реставрационным работам у Ферапонтова монастыря и фресок Дионисия появилась подсветка» - Текст: электронный // Портал Cultinfo. Культура в Вологодской области. URL: <http://cultinfo.ru/news/2016/12/thanks-to-restoration-work-at-ferapontov-monastery>

3. Интернет-ресурс «Вологодский Софийский собор» – URL: <https://sophia-vologda.ru/>

4. Интернет-энциклопедия «Преподобный Кирилл Белозерский» – URL: <https://kirillbelozersky.ru/>

5. «На реставрацию Кирилло-Белозерского музея-заповедника потратят полмиллиарда?» - Текст: электронный // Сайт Кирилло-Белозерского историк-архитектурного и художественного музея-заповедника. – URL: <https://kirmuseum.org/ru/news/na-restavraciu-kirillo-belozerskogo-muzea-zapovednika-potratat-polmilliarda>

6. Список объектов культурного наследия федерального значения. – Текст: электронный // Официальный портал Правительства Вологодской области. – URL: https://vologda-oblast.ru/vlast/ispolnitelnaya_vlast/komitet_po_okhrane_obektov_kulturnogo_naslediya_vologodskoy_oblasti/reestry/index.php?ELEMENT_ID=1290050.

СЕКЦИЯ 1
«ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РОССИИ»

Самоделова Е. А.

д-р филол. наук

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук (г. Москва)

**ОБРАЗ МАКАРИЯ ЖЕЛТОВОДСКОГО И УНЖЕНСКОГО В ЖИТИЙНОЙ И СВЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ XX В. И КОСТРОМСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ**

Статья обобщает данные фольклорно-этнографической экспедиции в Макарьевский район Костромской области, которые доказывают, что образ Макария Преподобного, основателя трех монастырей, запечатлен в фольклоре, вовлечен в духовную жизнь местных жителей (крестные ходы), отмечен памятными знаками (монастырем, часовнями, поклонными крестами, родниками), запечатлен в творчестве Сергея Есенина и Ефима Честныкова.

Ключевые слова: Макарий Желтоводский и Унженский, духовный фольклор, Сергей Есенин, Ефим Честныков, Костромская область.

**PATTERN OF SAINT MAKARY GHELTVOVDSKY AND UNGHENSKY IN THE HAGIOGRAPHY AND
SECULAR LITERATURE OF 20TH AGE AND KOSTROMA FOLKLORE**

The facts of folkloric and ethnographical expedition in Makariev district of Kostroma Region indicated the pattern of Saint Makary who was founder of three monasteries. He impressed in folklore, pulled into spiritual life of local residents, who goes religious procession with cross and banners. He gets registered by such commemorative marks as monastery, chapels, bowing crosses. He impressed in the creations by Sergey Esenin and Efim Chestnyakov.

Keywords: Makary Gheltovodsky and Unghensky, sacred folklore, Sergey Esenin, Efim Chestnyakov, Kostroma Region.

Преподобный Макарий Желтоводский и Унженский (1349 или 1350–1444 гг.) основал три монастыря: Богоявленский на реке Лух, Троицкий Желтоводской близ Нижнего Новгорода и Троицкий на реке Унжа (ныне Макариево-Унженский монастырь, давший название современному городу Макарьеву в Костромской области). Плененный казанскими татарами, захватившими Желтоводский монастырь, и выпущенный с братией за тихое и скромное поведение, Макарий проходил через г. Унжа и основал неподалеку от него, в 18 верстах, третий по счету монастырь. Незадолго до своей кончины, 17 сентября 1442 г., Преподобный удостоился чудесным образом явившейся ему иконы Божией Матери, которую он поставил в келью, но впоследствии его ученики дали «келейной» иконе название Макарьевской иконы Богоматери. Рассмотрим особенности бытования сведений о Преподобном (в том числе и фольклорных) в XX в.

В Макариево-Унженский монастырь трижды совершал паломничество Михаил Романов (в 1601, 1612 и 1619 гг.) – сначала с молитвой о спасении своего отца (будущего патриарха Филарета) от поляков, а затем вознося благодарность за это. Очевидно, о чудесах того же времени поведала жительница Кадыя Фотинья: «У нас, в Кадые, тоже есть сведения о чудесах Преподобного, которые происходили недалеко от Юрьевца, Завражья. Во время польского нашествия явился нашим воинам Макарий Преподобный и помог своей мантией защитить от вражых стрел» [1, с. 2].

Уже став царем, Михаил Романов в третий раз прошел 20 км пешком через пять населенных пунктов (Красногорье, оно же Спасское Красное, оно же Спасская мужская пустынь – Карабаниха – Ивакино – Григорьевское – Заречье), где в честь этого события были поставлены часовни и совершались крестные ходы в память о Преподобном Макарии. Сотрудники музея и библиотеки Макарьево освятили это событие в книге «Макарьев на Унже» и создали видеофильм «Путешествие» о паломничестве царя Михаила в Макарьев-Унженский монастырь [13, с. 15–20]. Имеется еще более старинная дорога, освященная памятными крестами и часовнями в честь Преподобного Макария, по которой несли гроб с его телом из Унжи, где он почил, до Троицкого (Макариево-Унженского) монастыря. Очевидно, по этой дороге Макарий Преподобный неоднократно ходил: и когда впервые очутился в этих краях и выбирал место для постройки монастыря, и когда шел из него в Унжу в последний раз. Не все жители Унжи знают о кончине Макария в их родном селе (тогда городе), однако точно соотносят крестный ход с перенесением

мощей Преподобного: «Да почему? Он здесь не умер. (Святой Макарий-то Унженский? – Е. С.) Да просто шли они, шли тут вот, ну я не знаю. Ведь кто чего придумает! <...> История есть история. Она, я не знаю... (А крестный ход у вас завтра будет? – Е. С.) Да. <...> От храма пойдёт, от храма, от святого храма пойдёт в Макарьев. (А в честь чего? – Е. С.) Мощи Макария, что ли, тут несли... Здесь проходил, я не знаю, путь» [9].

Показательно, что само святое имя Преподобного имеет два варианта, различаясь последовательностью географических онимов: Преподобный Макарий Желтоводский и Унженский [16, с. 2; 12; 19] или Преподобный Макарий Унженский и Желтоводский чудотворец [13, с. 5; 18, с. 1–2, 4] (второе имя более популярно на Костромской земле). Также варьируется легенда об олене / лосе, добровольно прибежавшем на закляние [21, с. 86–106]. К Макарьев-Желтоводскому монастырю близ Нижнего Новгорода и его окрестностям привязана легенда об олене, который вышел из леса к Преподобному с монахами на большой христианский праздник, чтобы принести себя в жертву; и с тех пор потомки этого благородного животного многократно являлись в назначенный день на закляние [3]. К возведению Макариево-Унженского монастыря прикреплен другая версия этой легенды: Макарий с монастырской братией шел непроходимыми лесами и болотами вдоль Волги из разоренной казанскими татарами Желтоводской обители в Галичскую землю, к берегам реки Унжи. Путников истомил голод, но в лесу им попался лось, и они обратились к Преподобному с просьбой дать благословение заколоть зверя в Петров пост. Однако Макарий велел отпустить лося, отрезав у него правое ухо и сказав, что тот сам явится к ним через трое суток в день апостолов Петра и Павла на закляние; так и случилось, и жертвенное животное было опознано по отрезанному уху [13, с. 10–11]. В XIX в. на некоторые легендарные сюжеты (чудо о лосе, возникновении святого источника и др.) были созданы гравюры [13, с. 9, 11, 14], многие биографические события еще ранее нашли отражение в житии и житийных иконах с клеймами.

Во многих населенных пунктах Макарьевского района, которые посетил Преподобный Макарий, до сих пор бытуют устные предания о нем и находятся памятные знаки – часовни, придорожные кресты, каменные стелы и святые источники, связанные с ним. В деревне Ильинской поставлены часовня и большой деревянный крест в память о том, что здесь останавливалась похоронная процессия, когда несли тело Преподобного Макария Желтоводского и Унженского из Унжи, где он скончался [7]. Внутри часовни находятся иконы, внизу расположен святой источник, оформленный в виде колодца; тут же размещена колода (в Макарьеве она называется «бельмойка» [6]), сделанная из досок и используемая для полоскания белья, к ней по желобку из склона холма течет вода. Все это памятное место (с часовней, с крестом и святым источником) напоминает о последней христианской обители, основанной Преподобным Макарием: о Макарьев-Желтоводском монастыре, с расположенной под ее стенами часовней и святым источником, по преданию, вырытым собственноручно Преподобным. Рядом также располагается колода для стирки, обустроенная под крышей небольшого деревянного строения (данные 2018 г.). В подобной организации святынь в Костромской области просматривается очень важный принцип обустройства особого благодатного пространства, в котором объединены высокий духовный посыл (воплощенный в часовне, водруженной рядом со святым источником, чуть выше него и дополнительно освящающей его) и бытовая необходимость, тем не менее соотносящаяся с молитвенной благодарностью Богу и Макарию Преподобному за возможность пользоваться водой. Доминирует над таким сакральным пространством часовня, возвышающаяся на горе и являющаяся высшей точкой ландшафта, она воспринимается частью «горного мира» или даже входом в него; перед посещением этого культового строения паломники омывают тело (обычно лицо и руки) в святом источнике и пьют из него воду, совершая таким образом ритуал омовения и очищения. Местные жители, пришедшие по бытовой надобности к колоде прополоскать белье, все равно оказываются причастны к святыне: они крестятся на часовню и крест, производят те же благотворные действия у святого ключика.

Конечно, рельеф местности диктует свои особенности: в Макарьеве имеется естественная возвышенность, на которой возведен монастырь, положенный в основание города; под монастырской стеной из горы бьет родник, над которым сооружены две часовни (деревянная непосредственно над источником и каменная чуть выше, соединенная с первой лестницей). Таким образом, люди, приходящие к святому источнику и часовне, всегда совершают восхождение с подола горы вверх, иного пути просто нет; тот же путь проделывают женщины, приходящие к колоде постирать белье. В деревне Ильинской ландшафт иной: часовня стоит в центре деревни, которая представляет собой одну улицу с расположенными по обе стороны

дороги домами, а святой источник и колода для полоскания белья находятся ниже, на склоне горы. Поэтому возможны два маршрута: с первостепенным посещением часовни и дальнейшим нисхождением к источнику или, наоборот, с начальным спуском к роднику и последующим восхождением к часовне; допустим и двойной путь – с приоритетом часовни и с возвращением к ней от родника.

В Унже Макарьевского района, помимо построенной около 1822 г. на высокой горе в центре села церкви в честь Преподобного Макария Унженского и Желтоводского Чудотворца [16, с. 7], имеется маленькая часовенка-столбик. Эта кирпичная часовенка заросла кустами и высокой травой, и в 2018 г. один местный житель смог только указать место ее нахождения, а другая пожилая женщина, давно переселившаяся в село из иной деревни, даже не знала о ее существовании. Из расспросов старожилов пока не удалось установить, связана ли эта часовенка, похожая на кладбищенскую, с именем Макария Преподобного. Местный житель рассказал: «Ну а часовни – они же везде: здесь часовня тоже стоит. (Где? – Е. С.) Да прямо здесь вот часовня! Тут в траве вот. <...> Просто вот здесь вот, потому что путь где шёл. Эту дорогу потом уже построили: она как бы немножко шла вот сзади... <...> Да часовню-то сейчас я покажу! <Удивлён> Почему-то её не видно! Значит, заросла! <...> Да вот прямо где эти кусты, так она где-то тут должна быть. (А она была из чего сделана? – Е. С.) Да из кирпича сложена! Они же там по всей дороге идут до самого до Макарьева! <...> Он просто столб вот такой. Просто вот столб! Тут он где-то, я не знаю почему – заросло, наверно. Вот тут снимали <фильм> сколько лет назад, когда у нас юбилей-то был. <...> Снимали тут этот столбик. Дорога кабы шла там немножко, а это вот улицы» [10].

В Макарьеве до сих пор жива легенда о том, как Преподобному Макарию чудесным образом открылся святой источник, бьющий до сих пор из недр земли: «Внизу под горой своими руками ископал старец «чудесно проторгшийся кладязь», вода из которого и сегодня исцеляет от недугов с верой и молитвой приходящих к нему» [13, с. 11]. По другой версии, источник оказался намоленным Преподобным в основанном им монастыре во имя Святой Троицы: «По молитве Преподобного у подножия горы, на которой возник монастырь, забил святой источник» [18, с. 2]. Собственноручное выкапывание родника или обнаружение его святым, возникновение по молитве является типичным мотивом народных легенд и книжных житий. Образ живой и мертвой воды характерен для некоторых сюжетов волшебной сказки (напр., СУС 707С* «Гуак-богатырь»; СУС 551 «Молодильные яблоки»; СУС 407* «Девушка в дудочке» (укр.); СУС 321

«Юноша служит пастухом у слепых старика и старухи» и др.) [22]. Показательно, что уроженка села Юрово Макарьевского района в похоронном плаче «Ох, да дорогая моя мамонька!» также применила этот сказочный мотив оживления покойника с помощью воды – в данном случае святой:

Ох, да я пойду да по лесу тёмному, Да не найду ли я святой воды?
Да не приду ли я на кладбище?
Да я тебя не подыму ли святой водой? [8]

Исполнительница плача несколько раз уточнила, что содержание его импровизированное – «чего на ум, вот так всё и идёт» [8], однако обращение к образу святой воды неслучайно.

Некоторые паломники, участвуя в крестном ходе, вспоминают рассказы своих родителей, как, например, Надежда Мирохина: «В прежние времена по этой дороге деревнями люди пешком ходили на богомолье в Макарьев, мне об этом рассказывала мама (родом с Никольского). И сегодня я шла по маминой дороге, дышала этим воздухом и всем сердцем чувствовала, как смиренно они жили, какая у наших родителей была тяга к вере» [1, с. 2].

Показательно, что в Макарьеве специально разнесены по разным датам День памяти Макария Преподобного и День города, рассматриваемые как духовная и светская части единого празднования. Так, в 2018 г. произошло даже три события: крестный ход совершался из Унжи, где скончался Преподобный, в Макарьев, куда было перенесено его тело и где лежат его мощи, 5 августа, в воскресенье; крестный ход вокруг Троицкого собора в Макариево-Унженском монастыре происходил 7 августа, во вторник, а городской праздник проводился 11 августа, в субботу [5; 15, с. 1–2]. Многие жители и гости Макарьева посетили в этот день Макарьевский краеведческий музей, в котором экскурсоводы рассказывали о символике герба (1779) с изображением двух золотых колоколов на синем поле (помимо верхней части, общей для всех уездных городов Костромской губернии), означающей, что «город сей славен монастырем» [13, с. 21; 14; 16, с. 2; 17, с. 2].

В селениях по пути царского паломничества и особенно в Унже, где останавливался Макарий и намеревался поставить монастырь, до сих пор бытуют предания о нем, в том числе с сюжетом о нелюбезной встрече его местными жителями, о забрасывании святого луком. В каноническом житии нет этого сюжета, но испытание святого бытовыми тяготами и невзгодами, непонимание обычными людьми его аскетического поведения и отвержение при жизни относится к типичным эпизодам житийного жанра. Вот легенда из Унжи о забрасывании Преподобного луком: «Вот версии. Сначала же он, Макарий-то, хотел здесь же вот город обосновать, в Унже же. <...> А потом что-то вот, что получилось, понимаешь? Вот и говорят: фараон(ы)! Ну, народ, видно, ему не понравился, что ли или чего такое! Не знаю. Вот такое. Ну, бывает ведь, невозможно ведь слушать: что луком закидали! Он, говорят, на плоту спустился, и Макарий основал город Макарьев! Но это ведь реально ли – я не знаю. Почему-то вот Макарьев Унженский монастырь-то, да?» [10]. Неизвестно, связан ли этот эпизод с Макарием с прозванием местных жителей «лукопёрами»: «Лукопёры, фараоны. Лук – его меняли на всё, понимаете – на всё меняли лук. В Парфентьев ездили вот, в Парфентьев, да. <...> Вот в Парфентьев ездили у нас. У меня дед вот в Парфентьев. Огурцы и лук у нас рос. У нас здесь больше ничего, как говорится, такого не росло. В Парфентьев ездили с луком и с огурцами» [10]. Также не выявлена связь отказа Макария обосноваться в г. Унжа с фольклорным прозванием его жителей «фараонами»: «Ну и лукопёры и фараоны они. <...> Одни и те же: лукопёры. (А лукопёры почему? – Е. С.) Ну, садили много луку» [11].

В северной части Макарьевского района, в Мантуровском и Кологривском районах Костромской области сохраняется егорьевская песня, начинающаяся с возвеличивания святого: «Батюшка Егорий, Макарий Преподобный, спаси нашу скотинку, всю животинку <...>» [4]. Упоминание Макария Преподобного является региональной чертой в сюжете этой фольклорной весенней песни.

Фигура святого Макария Желтоводского волновала и писателей Серебряного века. В «Отчем слове» (1918) Сергей Есенин привел цитату из речи Преподобного: «Выбирайте в молитвах своих такие слова, над которыми горит язык Божий, – говорил Макарий Желтоводский своим ученикам, – в них есть спасение грешников и рай праведных...» [2, с. 181]. Ефим Честняков (1874–1961), уроженец деревни Шаблово Кологривского уезда Костромской губернии, художник и писатель, вел беседу с учителем-земляком А. Г. Громовым, и тот записал его слова: «Вот ведь и Макарий, что основал город Макарьев на Унже. И в честь него на площади <г. Кологрив> самая старинная церковь. Кологривец был он по рождению. Ты не читал книгу про Макария-то макарьевского?» [19, с. 72]. Честняков приписал Макарию рождение в Кологриве, считая его своим земляком (хотя Преподобный родился в Нижнем Новгороде). А. Г. Громов зафиксировал молитвенное обращение Честнякова к святому: «Не дай погибнуть, святой Макарий <...>» [19, с. 67]. А. Г. Громов отметил наличие в уездном / районном центре «старинного Макарьевского собора, первой казенной постройки еще тех пор, когда Кологрив был не городом, а сельцом Кичино (по названию реченьки-ручья <Кичинка>, который впадает в этих местах в Унжу)» [19, с. 63]. Честняков наделяет именем Макара главных героев своих литературных произведений: например, «<Макар и Феня. Сказка>» [23, с. 263].

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что образ преподобного Макария Желтоводского и Унженского прочно вошел в фольклор Костромской земли и играет важную роль в духовной жизни местных жителей.

Источники и литература

1. Данилович, Т. Паломники в восьмой раз шли по земле Макария Преподобного / Т. Данилович // Макарьевский вестник. – Макарьев, 2018. – 11 августа. – С. 2.
2. Есенин, С. А. Полное собрание сочинений : в 7 томах (9 книгах) / С. А. Есенин. – Изд. 2-е. – Москва : ИМЛИ РАН, 2005. – Т. 5. 360 с.
3. Записи автора от экскурсовода во время поездки из г. Нижний Новгород в Макарьев-Желтоводский монастырь в конце июня 2002 г. (в рамках фольклорной науч. конф. XII Виноградовские чтения 25-30 июня 2002 г.).
4. Записи автора. Тетр. 46, 47А, 47Б, 50 – фольклорные экспедиции Е. А. Самоделовой в Кологривский, Мантуровский и Макарьевский р-ны в 2015, 2016 и 2018 гг.
5. Записи автора. Тетр. 50. С. 28–29, 32, 48–50 – крестные ходы и День г. Макарьев.
6. Записи автора. Тетр. 50. С. 6. № 1 – Маргарита Серафимовна (фамилия неизвестна), лет 70, училась в г. Галич, работала в детском саду, г. Макарьев, 26.07.2018.

7. Записи автора. Тетр. 50. С. 25 – Фомичева Елена Яковлевна, 60 лет, д. Ильинская Макарьевского р-на, зап. Е. А. Самоделова и М. Б. Ренц (Балясова) 02.08.2018.
8. Записи автора. WS761087.wma – Круплева Мария Яковлевна, 85 лет, род. в с. Юрово, живет в д. Ильинская Макарьевского р-на, зап. Е. А. Самоделова и М. Б. Ренц (Балясова) 02.08.2018.
9. Записи автора. WS761100.wma – Мужчина, лет 50-60, с. Унжа Макарьевского р-на, 04.08.2018, сб., День села, зап. Е. А. Самоделова и А. Е. Чернова.
10. Записи автора. WS761100.wma – Слещов Сергей Васильевич, 56 лет, с. Унжа Макарьевского р-на, 04.08.2018, сб., День села, зап. Е. А. Самоделова и А. Е. Чернова.
11. Записи автора. WS761101.wma – Воробьева Алевтина Ивановна, 1940 г. р., род. в д. Семейкино, живет в с. Унжа Макарьевского р-на, 04.08.2018, сб., День села, зап. Е.А. Самоделова и А. Е. Чернова.
12. Краткое сказание о жизни и чудесах преподобного Макария Желтоводского и Унженского чудотворца / сост. протоиерей Иоанн Стафиловский. – Санкт-Петербург, 1901.
13. Макарьев на Унге : исторические очерки / сост. В. В. Исаченко, О. В. Старова. – Кострома : КОИРО, 2009. – 168 с.
14. Макарьев : путеводитель по городу / сост. А. И. Зудов, В. В. Исаченко. – Макарьев : Макарьевский краеведческий музей, 2014. – 1 карта.
15. Макарьевский вестник. – Макарьев, 2018. – 11 августа.
16. Макарьевский край : туристический справочник. – Шарья : Ветлужский край, 2014.
17. Посетите Макарьевский краеведческий музей // Макарьевский вестник. – Макарьев, 2018. 11 августа. – С. 2.
18. Преподобный Макарий Унженский и Желтоводский : в память о пребывании его святых мощей в граде Костроме 18-28 мая 2007 года. – Кострома : Издание Костромской епархии РПЦ, 2007. – 4 с. (Грамота-проспект).
19. Пути в избах : трикнижие о шабловском праведнике, художнике Ефиме Честнякове / сост., автор предисл. и коммент. Р. Е. Обухов. – Москва : Международный Центр Рерихов; Мастер-Банк, 2008. – 438 с.
20. Сказание о жизни и чудесах Преподобного Макария Желтоводского и Унженского чудотворца / сост. проф. иеромонахом Макарием по изд. 1878 г. – Макарьев : Макариево-Унженский женский монастырь : Фонд «Молодежь за Россию», 1997. – 97 с.
21. Смирнов, Ю. И. Олень, прибежавший на закланье / Ю. И. Смирнов // Русская народная культура и ее этнические истоки / отв. ред. Ю. И. Смирнов. – Москва : Современный писатель, 1999. – С. 86–106.
22. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. – Ленинград : Наука, 1979. – 437 с. (В тексте – СУС).
23. Честняков, Е. В. Поэзия / Е. В. Честняков / сост., вст. ст. Р. Е. Обухов. – Москва : Компьютерный аудит, 1999. (Сер. Сокровища российские). – 336 с.

«ДВИНСКИЕ ВОЙНЫ» 1323-1417 ГГ.

В статье раскрываются основные причины и движущие силы так называемых «двинских войн» XIV – нач. XV вв, происходивших на Севере Европейской части современной России. Делается вывод о землевладельческом характере противоборства новгородских бояр и князей Северо-Восточной Руси.

Ключевые слова: Русский Север, Двина, Новгород, Северо-Восточная Русь, Москва, войны.

«DVINSKIE WARS» 1323-1417 YEARS

The article reveals the main causes and driving forces of the so-called «Dvina wars» of the XIVth – early XVth century, which took place in the North of the European part of modern Russia. The conclusion about the land ownership nature of the confrontation between the Novgorod boyars and princes of North-Eastern Russia is formulated.

Key words: Russian North, Dvina, Novgorod, North-Eastern Russia, Moscow, wars.

«Двинские войны», как некоторые авторы называют события противоборства Москвы и Новгорода в XIV – начале XV вв. за территории Русского Севера, остаются до сих пор одной из самых загадочных страниц истории формирования единого Российского государства. Как известно, события, повлекшие конфронтацию между Новгородом и двинянами, начались в 1323 г. «Того же лета заратишася устюжане с новгородци, изымаша новгородцев, кто ходи на Югру, и ограбиша их» [3, с. 339]. Основным форпостом проникновения в Заволочье и борьбы за дани для Северо-Восточной Руси являлся Великий Устюг. В 1325 г. «Идоша новгородцы с князем Юрьем на Заволочье, и взяша Устюг на щит, и придоша на Двину, и ту прислаша послы князи устюжские к князю и новгородцам, и докончаша мир по старой пошине и придоша новгородцы все здоровы, а князь Юрий поиде в Орду из Заволочья по Каме реке» [3, с. 339]. Спустя несколько лет, в 1329 г. состоялось новое столкновение: «Тою же зимы избиша новгородцев, которые было пошли на Югру, устюжские князи» [3, с. 342].

Иван Калита сумел существенно ограничить проникновение Новгорода на европейский Северо-Восток. Одновременно он ограничил и самостоятельность местных двинских бояр, ловко пользуясь противоречиями между новгородскими и двинскими посадниками. В его грамотах на Колмогоры он отводит «Печерскую сторону» своему ставленнику Михаилу для поимки ловчих птиц и набора ватаги в количестве 20 человек. А двинским посадникам и боярам предписано «не вступаться» в этот промысел [1, с. 1].

Новый виток противостояния отмечен в 1337 г.: «Тои же зимы разратися князь великий Иван с Новгородци, и посла рать на Двину за Волок, не помянув крестного целования и тамо крестною силой посрамлены быша и ранены» [3, с. 348]. На момент смерти Ивана Калиты, Новгородская земля и Москва вновь находились в состоянии войны, вызванной требованием Калиты об уплате «ордынского выхода». До возвращения Симеона Ивановича с ярлыком великого князя из Орды новгородцы успели организовать походы на свои отторгнутые Устюжну и Белоозеро. Видимо, тогда же свой поход задумал и Лука Варфоломеев – сын новгородского посадника Варфоломея Юрьевича.

Опишем поподробнее, как об этом говорится в летописи. В лето 1342 г. «Лука Варфоломеев, не послушав Новгорода и митрополича благословения и владычня, скопив с собою холопов и поиде за Волок и постави городок Орлец, и скопив емчан, и взя всю землю Заволотскую по Двине все погосты на щит» [3, с. 355]. В том же году Лука во главе отряда в 200 человек бился с заволочанами и в схватке был убит. Можно трактовать эти события следующим образом. Лука Варфоломеев совершил феодальный захват земель по Двине, что вызвало противодействие как местного населения (заволочан), так и Новгородской митрополии.

Вновь усиливается давление Новгорода на двинян, вылившееся в вооруженное столкновение уже в ходе княжения Дмитрия Ивановича. Одним из фактов такого давления можно считать известный поход новгородцев на Обь. В 1364 г. отряды Александра Абакуновича и Степана Ляпы не только добрались до Оби, но и спустились вниз по великой реке до самого Ледовитого моря (надо полагать, до Обской Губы). Александр Абакунович – новгородский воевода,

первооткрыватель Западной Сибири и Полярного Урала. В 1364 г. во главе крупного отряда новгородцев он поднялся по реке Уса (правый приток Нижней Печоры), перевалил через Полярный Урал, спустился по реке Сосьва до Оби и прошёл по ней до Обской губы. Другой его отряд под командованием Степана Ляпы поднялся по реке Шугор, пересёк Северный Урал и по реке Северная Сосьва добрался до Оби. Территория вверх по Оби до устья Иртыша была присоединена к владениям Новгорода, куда оба отряда вернулись зимой 1364/65 гг. [4, с. 64–65].

Таковы основные результаты похода, однако только в одном источнике содержатся сведения о том, что случилось с этими новгородскими отрядами в конце 1364 г. Они возвращались традиционным путем через Цилемский, Пезский и Пинежский волоки, но в районе Холмогор, в пределах села Курья, что в 5 км ниже по реке, их атаковали двиняне. Последние, вероятно, хотели решить две задачи – поживиться за счет конфискованной пушнины и еще раз указать Новгороду на свое стремление к независимости.

В том же 1364 г. Дмитрий Иванович московский отнял у ростовского князя Константина Ростов, Устюг и «пермские места устюгские». Эти действия задевали интересы новгородцев на Вычегде, поэтому не удивительно, что через три года Дмитрий начал войну и с Новгородом, захватив «Печору, Мезень и Кегрольские (верхнее и среднее Пинежье)». Поводом послужил поход новгородцев 1366 года: «Ездиша из Новгорода люди молодые на Волгу без новгородского слова, а воеводою – Есиф Варфоломеевич, Василий Федорович, Олександр Обакунович того же лета приехаша все здравы в Новгород. И за то князь великий Дмитрий Иванович разгневался и разверже мир с новгородцы, а ркя тако: за что есте ходиле на Волгу и гости моего пограбиста много. Того же лета на зиму, от князя изымаша Василия Даниловича с сыном на Вологде, а он ехал с Двины, а того не ведал, не стерегся» [3, с. 369]. Правда, в 1367 г. мир был восстановлен, пленные вернулись в Новгород, а князь Константин переехал в Устюг [5, с. 231].

Не видя прямых путей решения проблемы феодальных захватов в новгородских владениях, князья Северо-Восточной Руси решили пойти другим путем – отторжения т. н. «национальных окраин» Новгородской земли, а также земель, которые формально не включались в «волости новгородские», но несомненно, испытывали их определенное влияние. Основным способом этого процесса была насильственная христианизация, от которой долгое время старались отказываться новгородцы, дабы держать под контролем волости, населенные местными финно-уграми.

Под 1379 г. в летописи имеется следующая запись: «Лета 7887 иеромонах Стефан по прозванию Храп благословением епискупа Герасима иде в землю Пермскую на Вычегду на проповедь слова божия среди нечестивые племени пермян. Того лета начал Стефан у пермян на Пыросе и на Виляде и крести их святей вере» [2, с. 258]. Через четыре года на церковном соборе Стефан был избран первым пермским архиепископом. Создание особой епархии в Вычегодском крае должно было обеспечить укрепление позиций Москвы в этом отдаленном уголке с финно-угорским населением. С этой целью Москва наделяла пермского архиепископа правами не только духовного, но и административного управления в крае, в расчете на дальнейшее продвижение на Печору и за Урал [8, с. 41–42].

Новгород враждебно относился к созданию епархии в Перми, так как имел собственные интересы в крае, который находился от него в даннической зависимости. В 1385 г. новгородцы пришли ратью на пермские земли, но были разбиты устюжанами на Черной реке под Солдором (близ Сольвычегодска). Очередной виток «Двинской войны», следовательно, связан именно с началом деятельности Стефана. Последний участвовал после поражения новгородцев от Дмитрия Донского в делегации по заключению мира в 1386 г. [6, с. 87].

Новгородцы, не имея сил бороться напрямую, организовали ряд походов со стороны местного населения на христианские поселения Вычегды. В 1389 г. «...пришедшу с Удоры и Пинеги пермяни идолопоклонницы на Еренской городок, монастырское Пречистые Богородицы пожгли, пограбили, людей монастырских посекали». Еще через три года на Усть-Вымский владычный городок совершили свой первый набег вогуличи под руководством Пама-сотника [2, с. 260–261].

Подозревая новгородцев в организации этих походов, Василий Дмитриевич в 1393 г. послал рать на Новгород. Однако новгородцы своими удачными действиями свели на нет все усилия великого князя и захватили Великий Устюг. «Взяша розмирье князь Василий Дмитриевич с Новгородом... взял у Новгорода Торжок, Волок Ламский, Вологду и волости многие повоева, а новгородцы взяша у великого князя Устюг город, Устюжну и много волости поимаша... мир по старине» [9, с. 65].

Еще через три года летописи сообщают о смерти Стефана Пермского в Москве (1396 г.) [6, с.

164–166]. Таким образом, обострение конфликта на Двине (1397–1398 гг.) произошло как раз после того, когда Вычегодский край остался без сильного административного управленца.

Вернемся в Нижнее Подвинье – к вопросу о времени возникновения каменных укреплений Орлеца. Некоторые исследователи могут сделать ошибочный вывод о том, что Орлец в качестве белокаменной крепости из известняка был сооружен уже в 1342 г., то есть на двадцать пять лет раньше, чем Москва. Но это маловероятно – Лука Варфоломеев срубил город одним годом – то есть он был деревянным. Скорее всего, каменная крепость была построена уже после того, как московские строители получили опыт устройства Московского кремля в 1366–1368 гг.

Воздвигнуть Орлец по примеру Москвы, т. е. сделать его из белого камня – известняка, вероятно, было решено уже при Василии Дмитриевиче. Более того, именно строительство белокаменных укреплений Орлецкой крепости московскими мастерами для двинян и было воспринято Новгородом как сигнал к решительным действиям. Необходимо было предотвратить появление такого мощного форпоста, иначе владениям Новгорода на Севере возникала постоянная угроза. Именно здесь и находится разгадка мощного похода Новгорода на Двину, предпринятого в 1397–1398 гг. Эти события стали апогеем «двинских войн».

Итак, вот что произошло в 1397 г.: «Того же лета послал князь великий Василий Дмитриевич за Волок на Двину бояр своих Андрея Албердова с други, по всей Двинской слободе, а повествуя им тако «чтобы есте задалися за князь великий, а от Новгорода бы есте отнялися, а князь великий от Новгорода хочет вас боронити, а за вас хочет стояти. И двиняне Иван Микитин и бояре двинские и вси двиняне за великий князя задалися, а ко князю великому целовали крест...» [3, с. 389–390].

Конечно, новгородцы не могли смириться с такими катастрофическими потерями, угрожающими самому существованию республики, и организовали ответный поход. В 1398 г. «...Воеводы же новгородские посадник Тимофей и посадники Василий и Юрий и вси вои поехали за Волок на Двину... И поидоша на князи великого волости на Белоозеро, и взяша белозерские волости на щит, повоевав и пожгоша, ... и Кубенские волости повоеваша, и около Вологды воеваша, и Устюг город повоевав и пожгоша, и стояша на Устюге 4 недели... И оттуда поидоше по Двине к Орлецу городку, воюючи волости волости князя великого, и придоша к Орлецу городку и стояша под городком 4 недели, поставиша пороки и оступиша городок, и начаша бити пороки. И вышедши двиняне ис городка, и начаша бить челом с плачем воеводам и всем воем новгородским, и воеводы новгородские и вси вои, по своего господина по новгородскому слову челобитье прияша двинян, а нелюбья им отдаша, а воевод заволочских Ивана и Конана с други изымаша, овых смертью казниша, а Ивана и брата его Анфала, Герасима, Родиона исковаша, кто водил Двинскую землю на зло; а у князя Федора Ростовского взяша присуд на пошрины, что поймал, а самому с други живот даша, а у гостин князя великого взяша с голов окупа 300 рублей, а у двинян за их преступление и за их вину воеводы и вси вои новгородские взяша 2000 рублей, а 3000 конев..., а городок разгребоша...» [3, с. 391–392].

Ключевую роль в дальнейшем противостоянии сторон сыграл вышеупомянутый брат бывшего двинского посадника Ивана, казненного новгородцами – Анфал Никитин. После разгрома войска брата – двинского посадника Ивана Никитина – в 1398 г. Анфал был схвачен новгородцами, но по пути в Новгород ему удалось бежать на Вятку [9, с. 67].

Здесь стоит поподробнее остановиться на том, что побудило Анфала столь ожесточенно вести борьбу за восстановление властных позиций в Заволочье. Отец Двинских бояр Ивана и Анфала – новгородский посадник Никита – один из сыновей новгородского посадника Матвея Варфоломеевича Козки. Никита упоминается в 1359 г., Матвей, брат Луки Варфоломеева, в период с 1340 по 1345 гг. [3, с. 352–358]. Очевидно, что у Варфоломеевичей, потомком которых был Анфал, существовали свои вотчинные интересы на Двине, ради которых они готовы были вступить в вооруженное противоборство [3, с. 363].

Уже в следующем 1399 г. Анфал Никитин вместе с устюжанами успешно вел боевые действия против новгородской рати во главе с воеводой Яковом на Сухоне (битва у Стрельного порога) [4, с. 388]. Вскоре к Анфалу присоединяются и другие двинские бояре, например, Герасим, который для этого расстригся из монахов. Здесь, скопив силы и испытывая поддержку великого князя, он начинает серию боевых действий против новгородцев. В 1401 г.: «Того же лета на миру, на крестном целовании, князя великого Василия повелением Анфал Микитин да Герасим Рострига с князя великого ратью наихав войною за Волок на Двину и взяли всю Двинскую землю на щит без вести, в самый петров день, крестьян повешали, а иных посекли, а животы их и товар поимаша, а Андрея Ивановича и посадников двинских Есифа Филипповича и Наума Ивановича изымаша. И

Степан Иванович, брат его Михайла и Микита Головня, скопив около себя важан и сугнав Анфала и Герасима и бишася с ними на Колмогорах, и отняша у них бояр новгородских Андрея, Есифа, Наума» [3, с. 395].

Неудача не сломила Анфала, который продолжал доставлять неприятности новгородцам в их дальних владениях. Почувствовав угрозу, новгородцы заключили договор с болгарскими князьями о совместной борьбе с войском Анфала, которая в 1409 г. принесла свои плоды – дружина воеводы была разбита на Волге [7, с. 485].

Видимо, Анфалу не удалось восстановить свою дружину, потому что он не участвовал в следующем походе войск великого князя на Двину, совершенном в 1417 г. «Того же лета из Вятки из князя великого отчины княж боярина Юрьева Глеба Семеновича и с новгородскими беглецы с Семеном Жадовским и с Михаилом Россохиным и с устюжаны и с вятчаны изъехала в насадах без вести в Заволочскую землю и повоеваша волость Борок Ивановых детей Васильевича, и Емцу и Колмогоры взяли и пожгли, и бояр новгородских изымаша»... [3, с. 407–408]. Как видим, до поры до времени новгородцы успешно отбивали нападения вятчан, инициированные великим князем. Когда же в следующем году Анфал и его сын Нестор были убиты на Вятке, [9, с. 72] «двинские войны», вызванные причинами новгородского вотчинного соперничества, фактически закончились, уступив место собственно войнам Великого князя с Новгородом, где Север уже выступал как часть новгородской метрополии. По иронии судьбы, Анфал принял смерть от другого боярина, сменившего его в руководстве походами на Двину – «новгородского беглеца» Михаила Россохина. Последний не имел никаких вотчинных притязаний на Двинские владения, и являлся послушным орудием в руках великого князя. Анфал, с его притязаниями на возвращение власти в Заволочье, стал неудобен великому князю и был уничтожен.

Источники и литература

1. Археографическая экспедиция. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. Том 1. 1294-1598 / доп. и изд. Высочайше учрежденною комиссиею. – Санкт-Петербург : Типография 2 отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. – 548 с.
2. Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Выпуск IV. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1958.
3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / [под ред. и с предисл. А. Н. Насонова]. – Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1950. – 642 с.
4. Полное собрание русских летописей. Том 4, часть 1. Новгородская четвертая летопись. – Репр. изд. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – 686 с.
5. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. Т. 1. I. II. Лаврентьевская и Троицкая летописи. – Санкт-Петербург : издание Археографической комиссии, 1846. – 267 с.
6. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. Том 11. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. – Санкт-Петербург : издание Археографической комиссии, 1897. – 254 с.
7. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. Том 15. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. Санкт-Петербург : издание Археографической комиссии, 1863. – 504 с.
8. Савельева, Э. А. Древние рукописи о Перми вычегодской / Э. А. Савельева, К. С. Королев. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1997. – 126 с.
9. Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) / подгот. к печати и ред. К. Н. Сербиной. – Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1950. – 127 с.

ФОРМИРОВАНИЕ КРАСНОГОРОДСКОГО РУБЕЖА ПСКОВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV В.

В статье рассматриваются исторические коллизии псковско-ливонского фронта во второй половине XV в., а также проблема формирования Красногородского участка юго-западной границы Псковской земли.
Ключевые слова: Красногородск, Красный, Пурнау, Псков, Псковская республика, Ливонский орден.

FORMATION OF THE KRASNOGORODSK FRONTIER OF THE PSKOV REPUBLIC IN THE SECOND HALF OF THE FIFTEENTH CENTURY

The article outlines the history of the Pskov-Livonian frontier in the second half of the fifteenth century, as well as the problems of the formation Krasnogorodsk section of the south-western boundary of the Pskov region.
Keywords: Krasnogorodsk, Krasny, Purnau, Pskov, Pskov Republic, Livonian Order.

Исследование формирования и состояния границ средневековых государств представляет собой увлекательный процесс, сродни детективному расследованию. Несмотря на отдаленность событий, нередко границы, сформированные в те времена, и по сей день являются как предметом идеологической борьбы, так и объектом обострений политических и дипломатических отношений между странами. Объект исследования – псковско-ливонская граница на Красногородском участке, которая окончательно сформировалась и структурировалась во второй половине XV в., при образовании уезда Красного города Псковской земли. Первое, достаточно поверхностное, его описание содержится в писцовой книге №355 Г. И. Мещанинова-Морозова и И. В. Дровнина 1585 г. [9, с. 258–268] Тем не менее, события, показанные в летописях, и археологические изыскания позволяют говорить о создании псковичами административно-территориальной единицы на спорных с Орденом землях задолго до этого [2, с. 65–69; 8, с. 159, 174, 237, 246–247]. Впоследствии, в XVII в. красногородские земли были присоединены к Речи Посполитой, а затем возвращены в состав Русского государства, но здесь речь шла уже о сформированном и структурированном Красногородском уезде. Начиная с XVIII в. уезд перестал быть пограничным и был ликвидирован, с сохранением его волостной структуры в составе Опочецкого уезда. В таком виде волостная структура просуществовала до революции 1917 г. и даже чуть дольше [1, с. 36]. Рижский мирный договор 1920 г., разграничивший Советскую Россию и Латвийскую Республику, опирался на это волостное и уездное деление [4, с. 101–116]. Договор о российско-латвийской государственной границе 2007 г. основывался на договоре 1920 г. Таким образом, ныне существующая граница между Россией и Латвией на Красногородском участке исторически восходит к периоду XV–XVI вв., а значит проблема формирования псковско-ливонской границы обладает современным звучанием. При этом следует иметь в виду, что в данной статье рассматриваются не юридические аспекты формирования российско-латышской границы, а тот исторический аспект ее формирования, когда Латвии, как государства, еще не существовало на карте мира.

Представляется целесообразным введение понятия «Красногородский рубеж» («Красногородский фронт» [7, с. 15–41]), под которым понимаются граница и пограничные земли географически и исторически связанные с городом Красный (поселком Красногородск) и его административно-территориальной единицей. Он расположен в междуречье рек Лжа и Синяя с продолжением на юг по речке Перновка.

В результате скрупулезной работы над источниками XVI–XVII вв. Б. Н. Харлашову удалось составить перечень населенных мест и определить границы всех губ Псковской земли, за исключением входивших в Себежский и Красногородский уезды [13; 14]. Однако описания Красногородского уезда достаточно для соотнесения его западной границы с нынешней границей России на участке озеро Питель – речка Перновка. Отметим, что из 7 губ – структурных составляющих уезда, 2 (Борисоглебская и Синеникольская) являются производными из губ соседнего Велейского уезда, и 5 (Борисоглебская, Синеникольская, Покровская, Дрецькая и Синеозерская) имеют административные центры на восточном берегу реки Синей.

Неизвестно, когда именно началось размежевание псковских и орденских земель. Не

исключено, что в эпоху кривичской экспансии и существования культуры длинных курганов пределом распространения кривичей была река Синяя, западнее которой длинные курганы на рассматриваемом участке (за исключением одного у с. Мозули) не обнаружены [11]. В междуречье Лжи и Синей наиболее близкие контакты псковских кривичей и латгалов предполагаются у озера Синего, где наряду с кривичскими курганами обнаружен и латгальский могильник [12, с. 362]. В XI в. псковские кривичи освоили наиболее сухую и возвышенную часть междуречья, о чем говорят курганы с труположениями у деревни Ганьково на речке Цаплинка [10, с. 166]. В это же время на латгалов распространяется влияние Полоцкого княжества. Не исключено, что именно в этот период начинают возникать некие межевые отношения между Псковской и Полоцкой землями в междуречье Лжи и Синей. Впоследствии, при удельной раздробленности латгальские земли попали под власть Герсике (Ерсике), а затем были завоеваны Ливонским Орденом.

В середине XIII в. немецкий *Drang nach Osten* надолго остановился на Псковских рубежах. Немалую роль в этом сыграл и Красногородский фронт. XIII–XIV вв. датируются русские жальники, появившиеся в районе реки Рубеженка и на левобережье Синей [10, с. 167, 176, 181]. Это говорит о том, что в указанный период эта территория была еще в ведении псковичей. Земли за Рубеженкой, где жили латгалы, были поделены Ливонским Орденом между Розиттенским фогством и Рижским архиепископством. Границей было установлено озеро Питель. Существует предположение о передаче Новгородом земель, поименованных Орденом как Пурнау (Пурнова) к западу от реки Синей, Рижскому архиепископству еще в 1224 г. [3, с. 15].

Предположительно в XIV в. междуречье Лжи и Синей, входящее в область Пурнау, оказалось спорной территорией между Ливонским Орденом и Псковской республикой, которая стала независима от Новгорода и вошла с ним в конфронтацию [6, с. 157]. Именно в то время по восточному берегу Синей, вероятной границе, появляются укрепленные селища – погосты Синеозерский, Покровский, Синеникольский, Борисоглебский, будущие губные центры Красногородского уезда. Поскольку Синеникольский и Борисоглебский погосты даже в XVI в. входили в состав Велейского уезда, то при отсутствии уездного центра на реке Синей, Покровский и Синеозерский погосты, видимо были образованы в составе Черницкого (позже Опочецкого) уезда (или иного административно-территориального образования). Вместе с ними в Черницкой или Коложской округе был и Дрецкий погост на реке Исса, позже также вошедший в состав Красногородского уезда.

Протекторат Великого князя Московского позволил Пскову претендовать на возвращение утраченных земель. После пятилетней войны, по договору 1463 г. Орден уступил Пскову 3-х мильную пограничную зону области Пурнау [3, с. 15–16]. Эта зона была маркирована высокими двухметровыми валунами с пограничными знаками. Они частично сохранились до сих пор. В 1464 году на левом берегу Синей, на «спорной» (или немецкой) территории псковский князь Иван Александрович и степной посадник Алексей Васильевич построили деревянную крепость и назвали ее Красный городец – ныне городище [8, с. 159]. Уже через пять лет он становится центром уезда, псковским пригородом с собственной печатью [2, с. 65].

В 1469 г. немцы напали на пограничные земли на Синем озере, разорив ряд пограничных поселений [8, с. 167]. В 1471 году Ливонский Орден предъявлял претензии на псковские земли западнее Красного городца, вероятно те, что были заняты сверх 3-х мильной зоны. Однако мирный договор 1474 года закрепил существовавшую на тот момент псковско-ливонскую границу [8, с. 174, 197]. Через два года жители Кокшинской волости обратились к псковскому вечу с просьбой о строительстве крепости на реке Ладе [8, с. 203]. За полтора года псковскими посадниками на землях Пурнау был возведен Вышгородок. Эти события вызывают ряд вопросов, ответы на которые позволят понять новый этап формирования псковско-ливонского пограничья. Кокшинская волость впервые упоминается в летописи, а Кокшинский погост расположен в междуречье Лжи и Синей. Впоследствии он вошел в состав Вышгородского уезда. Вторым таким погостом в междуречье был Ключицкий (Гривинский, расположенный ближе к г.Острову, находится вне рамок настоящего исследования). Ключицкий погост – единственный (кроме собственно Красного городца) административно-территориальный центр Красногородского уезда, находящееся на левобережье Синей. По данным археологии он возведен позже остальных и не имеет в окрестностях курганов и жальников. Зато здесь, как и в Кокшине, и Пустом Воскресенье (Кокшинская волость) имеется каменный крест, маркирующий следующий за жальниками этап погребальной культуры Псковско-Новгородской земли [5, с. 449]. Представляется, что Кокшино и Ключицы стали передовыми новыми пунктами,

устанавливающими продвижение псковско-ливонской границы на запад в области Пурнау. Главным военно-административным центром возвращенной территории стал Красный городец. Последующей волной псковской экспансии стало возведение Вышгорода, освоение фронта и формирование Вышгородского уезда [2, с. 69–70].

В 1479 и 1480 годы рыцари Ливонского Ордена пытались вернуть утраченные земли и даже разрушили Вышгород. Тем не менее, городок был восстановлен, уезд остался в ведении Пскова и к моменту описания в 1585 г. продолжал свое существование [9, с. 318–331]. Интересно, что при формировании внешних границ Псковской республики Вышгород отвечал за архиепископский рубеж, а Красный городец – за орденский (Розиттенское фогство).

Таким образом попытка территориального расширения Ливонского Ордена, предпринятая им в XIII–XV вв., была пресечена псковичами при поддержке Москвы. Так называемые «спорные» земли, в числе которых было междуречье Лжи и Синей, были возвращены Псковской республике и здесь были созданы новые административно-территориальные образования – Вышгородский и Красногородский уезды.

Системный метод исследования позволяет выявить ряд особенностей формирования Красногородского рубежа. К 1464 г. с высокой степенью достоверности можно говорить о существовании псковской границы по реке Синяя и неких «спорных» (или немецких) земель Пурнау. В попытке закрепиться на Синей псковичи выстраивают ряд малых военно-административных центров (погостов) на местах прежних родовых городков (о чем говорит обилие курганов в окрестностях). Они располагаются в 18–22 километрах (дневной пеший переход) друг от друга по восточному правому берегу. Это Синеозерский, Покровский, Красногородский, Синеникольский, Борисоглебский погосты. Здесь Красногородский погост не является анахронизмом, поскольку по археологическим и краеведческим данным посад Красный находился на восточном берегу реки, а на Бобровой горе небольшая пограничная крепость существовала задолго до основания города.

В связи с ослаблением Ордена, погрязшего в междоусобицах, и при поддержке Великого княжества Московского, в 1464 г. псковичи начинают возврат захваченных земель с основания сильной крепости прямо на ливонском рубеже, на западном «спорном» берегу. За пять лет Красногородский фронт был освоен, и в междуречье выстроены две вспомогательные оборонительные позиции – Кокшино и Ключицы. Причем не исключено, что последние методом расселения (переселения) старого погоста Ключки (на реке Иссе), находившегося в 25 км. юго-восточнее.

Образование Красногородского уезда происходило путем включения в его состав уже имеющихся волостей (губ) – Синеозерской, Покровской и Дрецкой из Черницкого уезда (округи) и расширения на вновь освоенные земли Покровской, Борисоглебской и Синеникольской волостей (губ). Две волости были образованы исключительно на новых землях – пригородная Спасская и Ключицкая. Интересно, что ряд волостей (губ) распространялся на несколько уездов. Так по данным писцовой книги 1585 г. Покровская губа находилась в Красногородском и Велейском уездах (именно на ее земле и возник Красный городец), Синеникольская – в Красногородском и Велейском уездах, а Борисоглебская губа – в Красногородском, Велейском и Вышгородском уездах. При этом две последние имели центры в Велейском уезде [9].

Город Красный включал в себя не только новую крепость и правобережный посад. На Бобровой горе было оставлено вспомогательное укрепление, которое, возможно сыграло важную роль при отражении нападения ливонцев в 1502 г. Было построено два монастыря, имевших дополнительные укрепления. При этом, сразу за городской чертой начинался Велейский уезд.

С достаточной уверенностью можно предположить, что расселение псковичей происходило в юго-западном направлении: в Вышгородском уезде – из Островского и Велейского, а в Красногородском – из Велейского и Черницкого (или Коложского).

После основания Красногородского уезда и до Ливонской войны псковичи закрепляли за собой возвращенные земли и вели лишь оборонительные бои, отражая нападения ливонцев и поляков. С 1558 г. красногородские рати активно действуют в ближней и дальней Ливонии вплоть до островов Моонзунда. Серьезный ущерб городу и уезду нанесли поход Стефана Батория и Смутные времена [2, с. 65–66]. С 1634 по 1667 г. Красногородский уезд находился в составе Речи Посполитой, а с 1708 г. Красный перестал быть военным и административным центром. Волости, образованные еще в XV в. на отвоеванных землях, вошли в состав Опочецкого уезда. С 1774 по 1918 г. и с 1944 по 1991 г. Красногородский рубеж был исключительно административным, не играя военной или политической роли. Появление на международной арене Латвийской

Республики в 1918 г., обретение ею независимости в 1991 г. и участие в НАТО и ЕС с 2004 г. вновь создали военную и политическую напряженность в регионе, включая и Красногородский фронтир.

Таким образом события второй половины XV в. стали определяющими для начертания Красногородского участка современной российско-латвийской границы.

Источники и литература

1. Административно-территориальное деление Псковской области 1917-2000 гг. Справочник. В 2 книгах. Книга 1 / сост. Т. Е. Герасименок. – Псков : ГУП Псковская областная типография, 2002. – 463 с.

2. Артемьев, А. Р. Города Псковской земли в XIII-XV вв. / А. Р. Артемьев. – Владивосток : [б. и.], 1998. – 418 с.

3. Бессуднова, М. Б. Россия и Ливония в конце XV века. Истоки конфликта / М. Б. Бессуднова. – Москва : Квадрига, 2015. – 445 с.

4. Документы внешней политики СССР. Том 3. 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. / Министерство иностранных дел СССР. – Москва : Госполитиздат, 1959. – 723 с.

5. Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области : кадастр / Комитет по культуре и туризму Администрации Псковской области, Псковский государственный педагогический институт им. С. М. Кирова. – Псков : Псковский государственный педагогический институт, 1997. – 732 с.

6. Казакова, Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. / Н. А. Казакова. – Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1975. – 359 с.

7. Панарина, Д. С. Граница и фронтир как фактор развития региона и/или страны / Д. С. Панарина // История и современность. – 2015. – Вып. 1 (21). – С. 15–41.

8. Псковские летописи. Вып. 2 / под ред. А. Н. Насонова. – Москва : Академия наук СССР, 1955. – 364 с.

9. Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. 5. Псков и его пригороды. Кн. 1 / предисл. Д. В. Цветаева ; введение В. В. Нечаева. – Москва : Печатня А. Снегиревой, 1913. – 520 с.

10. Седов, В. В. Восточные славяне в VI-XIII вв. / В. В. Седов. – Москва : Наука, 1982. – 327 с.

11. Седов, В. В. Длинные курганы кривичей / В. В. Седов. – Москва : Наука, 1974. – 67 с.

12. Финно-угры и балты в эпоху средневековья / отв. ред. В. В. Седов. – Москва : Наука, 1987. – 509 с.

13. Харлашов, Б. Н. Некоторые итоги изучения административно-территориального деления Псковской земли / Б. Н. Харлашов // Археология и история Пскова и Псковской земли : материалы научного семинара. – Псков, 2000.

14. Харлашов, Б. Н. Погосты и губы в Псковской земле XIV–XVI вв. : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07. 00. 06 / Б. Н. Харлашов. – Москва, 1995. – 18 с.

БИБЛЕЙСКИЕ АЛЛЮЗИИ В ЛЕТОПИСНЫХ ИЗВЕСТИЯХ О КОРОСТЫНСКОЙ БИТВЕ 1471 Г.

Данная работа посвящена анализу описания Коростынской битвы в русских летописях. Автор предполагает, что при описании Коростынской битвы летописец частично цитировал Библию.

Ключевые слова: XV в., Московское княжество, Новгородская республика.

BIBLICAL ALLUSIONS IN CHRONICLES OF THE BATTLE OF KOROSTYN IN 1471

This work is devoted to the analysis of the description of the Battle of Korostyn in the Russian chronicles. The author suggests that when describing the Battle of the Korostyn, the chronicler partially quoted the Bible.

Keywords: XV century, the Moscow Principality, Novgorod Republic.

Во второй половине XV в. происходило развитие паттернов богоизбранности, исключительной роли Москвы в мировой истории, синхронно с этим процессом происходили и изменения в военном деле, именуемые в историографии ориентализацией. Также в этот промежуток времени русское летописание отличается ростом эсхатологических настроений перед 1492 (7000) г., когда ожидался конец света. Все вышеназванные процессы имели точки конвергенции в летописных известиях, примером чего может послужить описание Коростынской битвы 1471 г. в московском летописании.

В данной работе мы сосредоточились только на описании сражения у Коростыни в московских летописях. В частности, нами был использован свод 1472 г., сохранившийся в составе Вологодско-Пермской летописи. В дальнейшем известие этой летописи с незначительными изменениями повторяется в других памятниках московского великокняжеского летописания, например, в своде 1479 г. [7, с. 25]. Однако открытым еще остается вопрос об отображении сюжета о московском походе на Новгород 1471 г. в составе Музейного летописца, поскольку не исключено, что рассказ Музейного сборника о сражении у Коростыни скомпилирован из известий московских великокняжеских сводов 1472 и 1479 гг.

Следует отметить, что московские летописные известия о битве у Коростыни 1471 г. включают себя не только ссылки на Библию, они также содержат рецепции русской и византийско-балканской истории со схожей «памятью контекста»: это ослепление болгар царя Самуила и это резание носов и глаз новгородцев по приказу Александра Невского. Однако эта работа посвящена исключительно библейским паттернам летописных известий о битве у Коростыни.

Московские летописные известия с минимальными отличиями сообщают нам о сражении следующее: «Дошедшим же воеводам темъ до Русы, поплениша и пожгоша место то; и пленив то и пожегъ, поидоша близ к Новугороду к реце к Шелоне. И якоже приидоша на место, нарицаемое Коростыня, у озера Ильменя на брезе, и внезапу паки прииде на них безвестно по озеру [рать] в судех от Новагорода и из судов вышед, приидоша таем под станы их, а им в то время оплошившимся. Сторожи же воевод великого князя, видевши их, возвестиша воеводам, они же в тои час вооружившеся, поидоша противу их и многих избиша, а иных руками яша; **тем же поиманным самим меж себя повелеша носы, и губы, и уши резати, и отпустить их назад к Новугороду, а доспехи их, снимающе, в воду вметающе а инии огню предаша, не бяху бо им требе, но своими доспехи доволни вси суще** (выделено автором – Е. Д.)» [8, с. 236–237]. Исходя из описания мы понимаем, что новгородская судовая рать была разбита, некоторая часть новгородцев сдалась в плен. Пленных новгородцев москвичи заставили резать друг другу губы, уши и носы, а доспехи этих пленных новгородцев москвичи (при этом, будучи довольными своими доспехами) топили и жгли. Отметим, что в московском своде 1479 г. не уточняется, чьи именно доспехи уничтожали: пленных или побитых новгородцев. И в отличие от «своими доспехи доволни вси суще» из Вологодско-Пермской летописи указано как «своими доспехи всеми доволни бяху». Вероятно, для составителя более позднего свода 1479 г. уже было не так важно, чьи конкретно доспехи жгли и топили.

Тут надо еще понимать контекст, почему москвичи применили такие меры к новгородцам. Москва обвиняла новгородцев в отступничестве от истинной веры, поскольку Новгород тяготел к «латинству». И это несмотря на то, что во многом обвинения в «латинстве» были ложны, ведь

незадолго до похода 1471 г. литовский митрополит, к которому обращались новгородцы, вернулся в православие, признавая власть Константинопольского патриарха [4, с. 84–85]. С другой стороны, любопытно, что в свите приглашенного новгородцами литовского князя Михаила Олельковича прибыли иудеи, с которых началась ересь жидовствующих, что могло оставить свой отпечаток в контексте развернувшейся идеологической борьбы [3, с. 130–131]. Также московские летописи указывают прямо на то, что Новгород подался пьянству, начал поклоняться золотому тельцу. Летописец сравнивает новгородцев с евреями, которые не послушали Христа и были рассеяны за грехи, также летописец сравнивает новгородцев с жителями Константинополя, разоренного и павшего из-за ереси [10, с. 153].

В историографии уже отмечалось, что в московских летописях при описании битвы у Коростыни давались ссылки на Библию. В частности, это отмечал в своей диссертации А. Е. Тарасов, который применил центонно-парафразный метод при исследовании описания битвы у Коростыни [11, с. 103–104]. Через несколько лет этот же метод к летописным описаниям сражения применил в своей монографии и А. И. Филюшкин [12, с. 22–23]. В сущности, эти исследователи указали на один парафраз. На книгу пророка Иезекииля, главу 23, стих 25 (описанное в главе соотносится с темой изменничества), только А. И. Филюшкин берет ее в расширенном виде: от 22 до 30 стиха. Также А. И. Филюшкин исходя из контекста аналогично М. А. Несину полагает, что москвичи не взяли новгородские доспехи, ибо они были загрязнены ересью [12, с. 22–23; 6, с. 635].

В отмеченном А. Е. Тарасовым и А. И. Филюшкиным парафразе М. А. Несин отметил проблемную часть: «уничтожение новгородских доспехов в Коростыни никак не согласуется с той же библейской цитатой, по контексту которой имущество иерусалимцев присваивалось в качестве трофея» [6, с. 635]. Однако, как нам кажется, эта ссылка (Иез. 23:25) является аллюзией на наказание новгородцев, которых заставили резать друг другу носы, уши и губы. Дело в том, что М. А. Несин не обратил внимание на то, что в стихах 25–26 имущество, которое действительно присваивалось в 26 стихе, разделено с «остальным» в 25 стихе, под которым можно понимать что-то отдельное от имущества, например, строения. Это наталкивает на предположение, что летописцем была дана еще одна ссылка на Иез. 23:25 – на событие, произошедшее ранее Коростынской битвы. В частности, по Московскому летописному своду 1479 г.: «Дошедшим же воеводамъ темъ до Русы, поплениша и пожгоша место то; и пленивъ то и пожегъ». А в Иез. 23:25: «возьмут сыновей твоих и дочерей твоих, а остальное твое огнем будет пожрано». Однако это только предположение, поскольку о событиях в Русе сообщает не только московская сторона.

Также А. Е. Тарасов и А. И. Филюшкин упустили другую ссылку на Библию. Также на книгу пророка Иезекииля летописец дал еще одну ссылку – это глава 39, стихи 9–10: «Тогда жители городов Израилевых выйдут, и разведут огонь, и будут сжигать оружие, щиты и латы, луки и стрелы, и булавы и копья; семь лет буду жечь их. И не будут носить дров с поля, ни рубить из лесов, но будут жечь только оружие; и ограбят грабителей своих, и оберут обирателей своих, говорит Господь Бог». Именно это аллюзия на сжигание новгородских доспехов. Важно отметить, что это синодальный перевод, если же обратиться к Библии на церковнославянском, то там нет упоминания лат. Это было бы существенным упущением, однако в Библии оружие выступает синонимом доспехов (1Цар. 31:9; Лк. 11:22; Еф. 6:11, 13). В данном случае летописец мог воспользоваться синонимом (то есть в Библии написано, что оружие в значении доспехов, летописец же просто мог заменить на доспехи). Хотя стоит отметить, что есть летописные известия, где оружие и доспехи упоминаются одновременно, т.е. обозначают разное вооружение. Примером может служить описание битвы при Скорнице 1371 года: «Не емлите с собою доспехов, ни щитов, ни копья, ниже коего иного оружия, но токмо емлите с собою едины ужици кождо вас, имже вязати нечнете москвичь» [7, с. 112]. В итоге, есть аллюзия на Иез. 39:9–10, которая относится к отрывку со сжиганием доспехов в летописи, есть аллюзия на Иез. 23:25, которая относится к резанию носов, ушей, губ и, возможно, с сожжением Русы, пленением рушан.

Касательно момента с метанием доспехов в воду. Если доспехи москвичи действительно топили, это не отменяет возможного летописного символизма. Потому что доспех в Библии – это не только материальный предмет. Доспех или броня – это символ нашей праведности (Еф. 6:14). А тот, кто живет неправедно, отвергнув добрую совесть, терпит кораблекрушение в вере (1-ое послание Тимофея 1:19). Символом этого кораблекрушения в вере или просто вероотступничества (с переходом на «латинство») новгородцев является то, что москвичи топили новгородские доспехи.

Возможно и иначе интерпретировать эпизод с уничтожением доспехов, если принять версию,

что для москвичей новгородские доспехи были загрязнены ересью. В Библии сказано, что надо очищать одежды и доспехи (Чис. 31:23–24), что москвичи и сделали с загрязненными ересью новгородскими доспехами.

Более того, захваченные доспехи – это символ позора в Библии. К примеру, когда филистимляне нашли тело Саула на поле битвы, то «положили оружие его в капище Астарты» (1Цар. 31:10). Причем речь идет или обо всем оружии Саула, включая доспехи, или только о доспехах, поскольку Саул закололся мечом, а филистимляне сняли с него это оружие, т.е. точно не меч. Доспехи Саула, помещенные как трофей в капище, стали символом победы над Израилем. Также и Божий Кир должен был «покорить народы» и «снять поясы с чресл царей» (Ис. 45:1). Символическим актом позора и могло быть то, что сделали москвичи с новгородскими доспехами. Это вполне дополняется идеей М. А. Несина о том, что новгородцев наказывали за их малодушие [6, с. 635], то есть актом позора для новгородцев было то, что сделали москвичи с доспехами этих новгородцев. Это подтверждается тем, что этот акт позора был совершен с живыми новгородцами, которых никто не ослепил, то есть они все видели. Нет смысла совершать такие символические действия с целью пристыдить, показать превосходство, если враг мертв или ослеплен. Также в некоторых вышеуказанных примерах из Библии оружие отнимается у живых противников, как и с живых новгородцев снимались доспехи.

Ссылки на книгу пророка Иезекииля очень вероятны и уместны, если учесть, что во второй половине XV в. произошел рост использования Ветхого Завета в контексте воинской культуры и идеологии [1, с. 45–46; 11, с. 100]. Библейский паттерн сыграл не последнюю роль в осмыслении летописцами причин и событий похода на Новгород 1471 г. Своеобразное понимание Ветхого Завета вступало в синтез с современными образами и ценностями, очень важным образцом для подражания становится Израильское царство, описанное в Ветхом Завете [2, с. 89; 5, с. 313; 11, с. 100; 13, с. 435]. Исходя из этого и исходя из наличия нескольких ссылок на книгу пророка Иезекииля, возможно рассматривать противостояние Новгорода и Москвы, как противостояние Гога и Магога с Израилем. Москва, будучи Израилем, сокрушает с божьей помощью воинства новгородцев, как олицетворение Гога и Магога. Новгородцы были вероотступниками (которые потянулись к «латинству»), как Гог и Магог, которые согласно Откр. 20:7 отвернулись от Бога. Подкрепляется это предположение и тем, что противостояние Гога и Магога с Израилем происходит по пророку Иезекиилю «в последние годы» (Иез. 38:8). И ведь московско-новгородская война, как и Коростынская битва, по эсхатологическим представлениям произошла «в последние годы», т.е. перед 7000 (1492) г., когда ожидался конец света. В московском летописании прямо отмечено, что новгородцы изменили православие за 20 лет до седьмого тысячелетия от сотворения мира [9, с. 287]. Для летописца пророчество Иезекииля сбывалось в реальности прямо на глазах.

Подводя итог, можно сказать, что использование библейских паттернов в описании битвы у Коростыни в целом дополняется всей религиозной подоплекой войны. И вполне соотносится с процессом нарастания эсхатологических настроений русского общества и с развитием идеи «Москва – второй Иерусалим», «Москва – Новый Израиль».

Источники и литература

1. Аристов, Р. В. Воинский идеал на Древней Руси : этико-философский анализ : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук : 09.00.05 / Роман Викторович Аристов. – Тула, 2005. – 153 с.

2. Корневский, А. В. Ветхозаветная парадигма русского средневекового историописания: к интерпретации летописных известий о событиях конца XIV века / А. В. Корневский // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики / отв. ред. Л. П. Репина. – Москва, 2006. – С. 89–91.

3. Корневский, А. В. «Новый Израиль» и «Святая Русь»: этноконфессиональные и социокультурные аспекты средневековой русской ереси жидовствующих / А. В. Корневский // Ad imperio. – 2001. – № 3. – С. 123–142.

4. Лурье, В. М. Русское православие между Киевом и Москвой : очерк истории русской православной традиции между XV и XX веками / В. М. Лурье. – 2-е изд., доп.– Москва : Три квадрата, 2010. – 295 с.

5. Мусин, А. Е. Milites Christi Древней Руси. Воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета / А. Е. Мусин. – Санкт-Петербург : Востоковедение, 2005. – 359 с.

6. Несин, М. А. Ответ на замечания Быкова А. В., изложенные в статье «Отзыв на статью О. В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.», и отзыв на статью Шиндлера О. В. «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.» / М. А. Несин // История военного дела : исследования и источники. – 2016. – Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Часть II. – С. 614–652.

7. Полное собрание русских летописей. Том 18. Симеоновская летопись. Москва : Язык русской культуры, 2007. – 316 с.

8. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. Том 26. Вологодско-Пермская летопись. – Москва ; Ленинград : Академия Наук СССР, 1959. – 412 с.

9. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. – Москва ; Ленинград : Академия наук СССР, 1949. – 463 с.

10. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. Том 39. Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. – Москва : Наука, 1994. – 204 с.

11. Тарасов, А. Е. Религиозные аспекты политики московских князей во второй половине XV – первой трети XVI вв : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.00, 07.00.02 / Аркадий Евгеньевич Тарасов. – Москва, 2007. – 287 с.

12. Филюшкин, А. И. Василий III / А. И. Филюшкин. – Москва : Молодая гвардия, 2010. – 345 с.

13. Шапошник, В. В. Церковно-государственные отношения в России в 30-80-е годы XVI века / В. В. Шапошник. – 2-е изд., испр. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. – 568 с.

Жаворонков Ю. М.
ООО «ЗДОРОВЫЙ ЛЕС»,
ВОО «Русское географическое общество» (г. Вологда)

Жаворонкова Д. Ю.
Вологодский государственный университет
ВОО «Русское географическое общество» (г. Вологда)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗЦОВ ДРЕВЕСИНЫ С ДЕРЕВЯННОГО СУДНА, ОБНАРУЖЕННОГО НА БЕРЕГУ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА ОСЕНЬЮ 2018 Г.

В 2018 г. на вологодский берег Онежского озера штормом был выброшен остов древнего деревянного судна. Конструкция и предварительный дендрохронологический анализ образцов древесины судна указывают на то, что данный корабль был изготовлен в XVII в. и большинство деревянных элементов соединены между собой («сшиты») специальной «вицей» (корнями и ветвями хвойных деревьев). Исследования продолжаются, в середине 2019 г. были собраны дополнительные образцы древесины для дендрохронологического анализа. Данный материал уникален не только на местном, региональном, но даже и на общероссийском уровне, т.к. он позволяет заглянуть в глубины истории и наглядно демонстрирует приемы и технологии, используемые средневековыми русскими корабелями.

Ключевые слова: деревянное судно, Онежское озеро, XVII в., дендрохронология.

PRELIMINARY DENDROCHRONOLOGICAL STUDIES OF WOOD SAMPLES FROM A WOODEN VESSEL DISCOVERED ON THE SHORE OF LAKE ONEGA IN THE FALL OF 2018

In 2018, on the Vologda shore of Lake Onega, the storm ejected the skeleton of an ancient wooden vessel. The design of the vessel and preliminary dendrochronological analysis of the wood samples of the vessel indicate that this ship was made in the XVII century and most of the wooden elements are interconnected («sewn») with a special

«vice» (roots and branches of coniferous trees). Research continues, in the middle of 2019 additional wood samples were collected for dendrochronological analysis. This material is not only unique at the local, regional, but even at the all-Russian level, because It allows you to look into the depths of history and clearly demonstrates the techniques and technologies used by medieval Russian shipbuilders.

Keywords: wooden ship, Lake Onega, XVII century, dendrochronology.

Массивное потемневшее днище, несколько шпангоутов да пара бревен. В таком виде старинное судно вернулось домой. Около трех столетий оно пролежало на дне Онежского озера, а после сильного шторма в конце лета 2018 г. было выброшено на отмель. Остов заметили местные жители и сообщили о находке. Силами МЧС по Вологодской области останки судна отбуксировали в Вытегру на один из причалов, чтобы их исследовать, законсервировать и попытаться восстановить. Судно представляет большой интерес для ученых, здесь хорошо видна вся технология судостроения допетровской эпохи. Вытегорские краеведы уверены, деревянное судно, построено именно в Вытегре, в XVII–XIX вв. здесь был крупнейший судостроительный центр, в хороший год местные корабельщики строили до сотни различных судов. Поэтому и на городском гербе изображен корабль [1].

До этой находки считалось, что восстановить облик древнерусских кораблей вряд ли возможно. Всё, что было обнаружено – это отдельные элементы конструкций: доски, крепёж, части каркаса. Учёные установили, что поморы соединяли доски корабельных корпусов железными заклёпками с квадратными клиншайбами. Так же делали и на североевропейских кораблях того времени. Но чаще, как и на этом судне, вместо заклёпок использовали «вицу» – тонкие корни и ветви хвойных деревьев, которыми доски связывали друг с другом или, как говорили в старину, «сшивали». Это была технология, использованная с целью удешевления постройки судна в условиях недостатка железа. Эксперт Центра подводных исследований ВОО «Русское географическое общество» историк Андрей Лукошков осмотрел останки судна. По его мнению, судно крайне интересное и ценное для изучения, это не коч, так как судно типа коч не могло иметь такой широкий киль, он мешал бы вытаскиванию судна на лёд. Аналогичная конструкция составленного из нескольких брёвен плоского киля пока известна лишь по находке на берегу урочища Пыраниха у Никольского рукава Северной Двины в районе Северодвинска. Останки того судна были определены как «дощаник» – такие грузовые суда использовались для перевозки грузов из Вологды в Архангельск (а Архангельск в XVII в. был главным

внешнеторговым терминалом Московского царства). Также А. Лукошков, предположил, что судно местной онежской постройки – на это указывает и материал (сосна), и использование ластовых уплотнений швов с помощью кованых (из 99% железа) скоб, и обшивка внакрой, и «шитье» еловыми корнями, и крепление шпангоутов еловыми нагелями [2].

В настоящее время остов уникальной находки хранится в Вытегорском порту. Дендрохронологическими датировками древнего судна, начиная с декабря 2018 г., занимаются Юрий Жаворонков и его дочь – Дарина Жаворонкова, представители Вологодского отделения «Русского географического общества» [3].

В конце 2018 г. по поручению Администрации Вытегорского муниципального района Вологодской области Ю. М. Жаворонковым и Д. Ю. Жаворонковой были собраны несколько образцов древесины и фрагменты мха с пропиткой с древнего судна для дендрохронологических [5] и ботанических исследований. Основная цель исследований: установление у представленных образцов древесины породного и видового состава (анатомические методы) и определение календарной даты прироста последнего (крайнего в кольцевом ряду) годичного кольца (дендрохронологические методы). При датировании использована генерализированная древесно-кольцевая хронология хвойных пород деревьев Вологодской области – VOLOGDA-CHR (1403–2017 гг.), корректность календарных дат указанной хронологии подтверждены исследованиями в рамках проекта РФФИ [4] и местная хронология, построенная по хвойным деревьям (Вытегра – Белозерск) и имеющая высокую корреляцию с генерализированной хронологией Вологодской области.

В ходе проведенных нами исследований установлено:

1. Большинство образцов древесины основных деревянных конструкций древнего судна относится к древесине деревьев вида Сосна обыкновенная (*Pinus sylvestris*).

2. Образцы древесины, которыми «сшивали» части корабля – «вица» (молодые побеги/ветви и корни деревьев), а также изогнутый деревянный элемент (шпангоут) с деревянными нагелями изготовлены из древесины деревьев вида Ель европейская (*Picea abies*).

3. Большая часть отобранных образцов древесины относится к периоду заготовки – 1649 г., незначительная часть образцов исследуемой древесины с остова корабля была заготовлена в 1633 г.

4. С большой долей вероятности можно утверждать, что древесина корабля местного происхождения, т.е. район строительства – побережье Онежского озера.

5. Вероятная дата постройки (или значительной перестройки) судна – 1650 г. При этом частично была использована древесина, заготовленная в 1633 г. Возможно, первоначально судно меньших размеров было изготовлено в 1634–1635 гг., а затем перестроено (увеличено в размерах) в 1650 г.

6. Мох (уплотнитель между деревянными конструкциями судна) был отдан на определение специалистам-ботаникам Вологодского государственного университета, по предварительным данным – это Фонтиналис противопожарный (*Fontinalis antipyretica*), вид мха, встречающийся как в прибрежной части водоемов с чистой водой, так и на сырых участках болот.

7. Пропитка мха, которая была исследована методом газовой хроматографии на специальном оборудовании, состоит из смеси березового дегтя (дегтярное масло), соснового дегтя и сосновой смолы.

Предварительные результаты исследований были доложены в конце декабря 2018 г. на заседании Вологодского отделения «Русского географического общества», а в феврале 2019 г. в Администрации Вытегорского муниципального района Вологодской области.

В начале июля 2019 г. нами при помощи специального бура было отобрано еще пять образцов древесины (кернов) из «набоя» (нижняя, плоская часть – плоский киль) древнего корабля.

Исследования продолжаются, а их результатом станет установление календарных дат постройки и возможной перестройки или ремонта исследуемого деревянного корабля, зная временной период постройки судна, возможно проанализировать местные технологии кораблестроения и сравнить их с уже известными, а также попытаться предположить возможный временной промежуток крушения исследуемого судна. Надеемся, данный материал будет интересен ученым-историкам, краеведам, вологжанам и гостям нашего региона, а также данные исследования будут использоваться в учебном процессе как в школе, так и в высших учебных заведениях, а набережная города Вытегры украсится уникальным историческим артефактом – памятником корабелам Онежского озера.

Источники и литература

1. В Вологодской области на берег Онежского озера выбросило старинное судно. – Текст. Изображение : электронные // Россия К : [сайт]. – 2018. – 19 ноября. – URL: https://tvkultura.ru/article/show/article_id/309705/ (дата обращения: 28.07.2019).
2. Вецлер, О. Ледокол поморов: как находка с берегов Онеги меняет наши представления об истории кораблестроения / О.Вецлер. – Текст. Изображение : электронные // Русское географическое общество : [сайт]. – 2019. – 12 февраля. – URL: <https://www.rgo.ru/ru/article/ledokol-pomorov-kak-nahodka-s-beregov-onegi-menyaet-nashi-predstavleniya-ob-istorii> (дата обращения: 28.07.2019).
3. Старостина, Е. В Вытегре решили судьбу деревянного судна, которое пролежало на дне Онежского озера 300 лет и было выброшено на берег в сентябре 2018 г. / Е. Старостина, Ю. Жаворонков, Д. Жаворонкова. – Текст : электронный // Русское географическое общество. Вологодское отделение : [сайт]. – 2019. – 28 февраля. – URL: <http://www.vrorgo.ru/2019/02/28/vytegre-reshili-sudbu-derevyannogo-sudna-kotoroe-prolezhalo-na-dne-onezhskogo-ozera-300-let-i-bylo-vybroshe-no-na-bereg-v-sentyabre-2018-goda/> (дата обращения: 28.07.2019).
4. Проект РФФИ № 18-49-350008. Вологда в период Позднего Средневековья : междисциплинарные исследования по материалам раскопок влажного культурного слоя в границах крепости XVI в., 2018 год.
5. Шиятов, С. Г. Методы дендрохронологии. Учебно-методическое пособие. Ч. I. Основы дендрохронологии. Сбор и получение древесно-кольцевой информации / С. Г. Шиятов, Е. А. Ваганов, А. В. Кирдянов [и др.] – Красноярск: КрасГУ, 2000. – 80 с.

НИКОН – ПАТРИАРХ-ОБЪЕДИНИТЕЛЬ

В историографии сложилось устойчивое мнение о патриархе Никоне, как главном виновнике церковного раскола XVII в. В статье автор опровергает это мнение и доказывает, что раскол Русской церкви складывался в условиях феодальной раздробленности Руси и др., что стимулировало накопление расхождений в ритуалах и текстах церковных книг различных княжеств. Никоновская реформа как раз была направлена на ликвидацию этого раскола.

Ключевые слова: раскол, Никон, церковная реформа, ново- и старообрядчество.

NIKON – PATRIARCH-UNIFIER

In the historiography has developed a strong opinion about Patriarch Nikon as the main originator of the Church schism of the XVII century, the author refutes this view and argues that the schism of the Russian Church, was formed in the conditions of feudal Russia, etc., which stimulated the accumulation of differences in the rituals and texts of the religious books of different principalities. Nikon's reform was aimed at eliminating this split.

Key words: schism, Nikon, Church reform, new and old believers.

В истории средневековой России одним из важнейших событий, определивших направление развития страны на целые столетия, явилась реформа, проводимая патриархом Никоном в середине XVII в., в результате которой были установлены каноны и ритуалы Русской православной церкви неизменные, в основном, до настоящего времени. При этом в отечественной историографии сложилось довольно устойчивое мнение об этой реформе как о причине раскола Русской церкви на ново- и старообрядцев, также наблюдаемого до сих пор. В научный и публицистический оборот широко внедрены клише типа: «Церковный раскол XVII века», «Патриарх-раскольник» и т.п. Автор настоящей статьи, поддавшись общему настроению, также придерживался сначала такой точки зрения, что и отразил в своей первой работе о Никоне [2, с. 142].

Однако по мере изучения материала автору пришлось прийти к совершенно противоположному выводу. Действительно, с начала феодальной раздробленности Руси, т.е. главным образом с XII в., внешне единая церковь с одним церковнославянским языком развивалась в приходах, отнесенных ко многим княжествам, фактически государствам, со своими диалектами, законопорядками и епархиями. Часть древнерусских земель с православным населением вообще находилась в составе Орды и Литвы, принявших в XIV в. соответственно ислам и католичество, в качестве государственных религий. Естественно, что такая ситуация не могла не оказывать центробежного влияния на клир и мирян, а в целом — на пути развития различных епархий. В каждой из них были свои переписчики и толкователи Ветхого и Нового завета, других церковных книг, что уже само по себе подразумевало поэтапное накопление ошибок в текстах священных книг, постепенное изменение ритуалов и т.д. Почти за пятьсот лет таких расхождений накопилось великое множество: где-то крестились тремя, а где-то двумя перстами; в одних приходах обязательными считались коленопреклонения и земные поклоны, в других обходились поясными; в одних епархиях допускалось пение в церкви, а в других это считалось, чуть ли не богохульством и т. д. и т. п. Таким образом, ко времени объединения русских земель вокруг Москвы фактический раскол православной церкви уже состоялся, не проявляясь на общегосударственном уровне лишь по той причине, что единых норм в церковных книгах и ритуалах власть пока не требовала и не вводила.

Последовавшие за тем распри и, особенно, «Смутное время» показали, что одного политического, часто с применением военной силы, объединения недостаточно для создания крепкой целостной державы. Поэтому с установлением относительного затишья после прихода к власти Романовых одной из важнейших задач руководства России стало формирование духовного, говоря современным языком, морально-психологического единства общества. К этому времени большинство представителей центральной власти понимали, что в пропитанной религиозным мировоззрением стране, где церковь являлась главным идеологическим и

пропагандистским учреждением, она, оставшаяся еще от времен феодальной раздробленности и смуты, с ее разочтенными обрядами, местными интересами и слабой организацией уже не соответствует единому государству, тем более развивавшемуся в направлении самодержавия. Стремление к формированию сильной централизованной церкви проявлялось и ранее, подготовительную работу при покровительстве Алексея Михайловича вели патриарх Иосиф и духовник царя Стефан Вонифатьев. Однако только с приходом в царское окружение Никона руководству страны стало ясно, что появился деятель, способный практически решить эту сложную задачу.

Центральным направлением предполагаемой церковной реформы, как известно, изначально являлось введение единообразия богослужения по всей Русской церкви. Никон пошел дальше, он предложил сделать это по образцам новогреческих книг. Кроме авторитета греческих священнослужителей, от которых и пошла христианская вера на Руси, здесь не последнюю роль играли и политические мотивы. Алексей Михайлович считал себя законным наследником греческих (византийских) императоров и земель всех православных народов [3, с. 43]. Лозунг «Москва — третий Рим» полностью поддерживался и Никоном. Поэтому полное единообразие Русской церкви с греческой и другими православными церквями, которые находились под её эгидой, так сказать, идеологически подготавливало их будущее политическое объединение под властью Русской церкви и русского царя. Не следует также забывать о глубоком тогдашнем кризисе мирового православия: практически все нерусские православные земли находились под властью мусульманской Османской Порты и католической Польши. Им могла помочь только Россия. Кроме того, предпочтение в качестве канонических норм одной из русских епархий могло вызвать ненужное соперничество внутри страны.

Никона часто упрекают в слишком резком проведении реформы, что, по мнению многих критиков, усугубило раскол. При изучении его деятельности такой вывод не напрашивается. Наоборот, он приступил к ней очень осторожно. Программу реформы представил Алексею Михайловичу и его окружению еще будучи архимандритом Новоспасского монастыря. Начало её практической подготовки было положено всесторонним исследованием патриарших и монастырских архивов для уяснения характера ритуальных и прочих расхождений в русских епархиях. Из православных земель бывшей Византийской империи специальные экспедиции привезли для изучения около пятисот древних рукописей, причем не только христианских, но и античных, видимо, для сравнительного анализа. К исправлению церковных книг привлекались выдающиеся деятели того времени: Арсений Грек, Епифаний Славинецкий с учениками и др. [1, с. 7–8]. Практическое внесение изменений в православные ритуалы началось с 1648 г. в рамках одной митрополии — Новгородской. И они были полностью поддержаны царем и многими церковными иерархами. Перенос преобразований на всю страну начался лишь после избрания Никона патриархом в июле 1652 г., причем условием своего патриаршества он назвал «устройство церкви», что также было поддержано клятвой царя и боярским окружением [6, с. 283].

Проведя исправление церковных книг по образцам греческих и подготовив изменения в церковных обрядах, Никон созвал собор для их утверждения. На соборе он столкнулся с сильным сопротивлением видных церковных деятелей: коломенского епископа Павла, нижегородского протоиерея Неронова, протопопов Логгина, Аввакума и других. Однако большинство русских иерархов поддержало нововведения патриарха. Затем, заручившись поддержкой Константинопольского патриарха, он в 1656 г. созвал новый собор с участием Антиохийского и Сербского патриархов и митрополитов Никейского и Молдавского. Этот собор полностью одобрил реформы патриарха и предал анафеме его противников. Таким образом, винить в противоречиях ново- и старообрядцев одного Никона, мягко говоря, нелогично. Обращает на себя внимание тот факт, что почти все главные противники реформы принадлежали к т.н. кружку «ревнителей благочестия», который ранее был близок ко двору и куда входил сам Никон.

«Ревнители» поддержали его при выборах, что давало им основание считать нового патриарха своим ставленником, и собирались по-прежнему играть ведущую роль в царском окружении. Однако Никон быстро уменьшил их влияние, а в ответ на угрозы приказал вообще не принимать, чем, конечно же, кровно оскорбил. То есть в основе борьбы «за старую веру» явно лежали скорее не религиозные, а другие причины.

Укрепив свое положение в церкви и получив от царя титул «Великого государя» (вторым и последним из русских патриархов), Никон стал оказывать заметное воздействие на внутреннюю и внешнюю политику государства. Под его непосредственным моральным руководством была

начата война с Польшей за православную Украину — первый практический шаг в реализации лозунга «Москва – третий Рим» и объединении под эгидой России всего мирового православия. В 1654-1658 гг. царь большую часть времени проводил в воюющей армии и патриарх оставался реальным главой государства. Причем с боярами, потомками удельных и великих князей он вел себя сурово и даже надменно. Как указывает церковный историк Н.Ф. Каптерев: «Понятно, что гордые своею породою и чванливые московские бояре кровно оскорблялись властным, надменным обращением с ними Никона, но до поры до времени принуждены были скрывать свои истинные чувства к нему, даже принуждены были всячески заискивать, добиваться милости и внимания со стороны сына мужика, так как расположение или нерасположение Никона тогда значило для них слишком много» [4, с. 150.].

Но, думается главная причина недовольства окружающих была в другом. В XVII в. бояре и архиереи не стеснялись в выражениях и рукоприкладстве. И сам «тишайший» Алексей Михайлович даже в церкви мог позволить себе нецензурные выражения или всенародное «битие» с выдиранием бороды у провинившегося. В этом смысле, конечно, и Никон не был исключением. Речь в данном случае идет о другом — о низведении бояр и архиереев до уровня простых исполнителей патриаршей воли, об отстранении их от реальной власти, а, следовательно, и от возможностей обогащения. Вот этого-то ни те, ни другие простить ему не могли. Окончательная причина разрыва с царем также носит политический характер. Его сторонники стали открыто заявлять о превосходстве патриаршей власти над царской, опираясь на изложенную Никоном в Кормчей книге идею, что «священство царства преболее есть». Понятно, что концентрация реальной власти в руках патриарха, авторитет стоящей за ним церкви и огромные материальные средства, которыми он распоряжался, начинали тяготить и пугать повзрослевшего царя. Объединение вокруг него всех недовольных бояр и архиереев, а таких уже насчитывалось большинство, давало ему, наконец, возможность выйти из-под зависимости «собинного друга». Но страх перед ним был настолько велик, что на открытый разрыв царь не решился. Он просто стал избегать Никона, перестал посещать церковные службы, отправляемые тем, приглашать его на свои обеды. В этой ситуации патриарх повел себя более чем странно. Он не стал использовать для борьбы с царем свою громадную власть, средства и авторитет, даже не пытался объяснить с ним. Просто после нанесения оскорбления одному из его бояр 10 июля 1658 г. он объявил, что оставляет патриаршество, и уехал в свой Воскресенский монастырь. Напуганный таким поворотом дела, царь посылает за ним бояр с просьбой вернуться, однако Никон отказывается.

Какие цели он преследовал и на что надеялся, сказать трудно. Существует множество рационалистических объяснений этого поступка, но почти все они сводятся к его пониманию, как тонкому ходу в борьбе за власть. На это хотелось бы возразить, что Никон никогда не затевал интриг с целью добиться более высокого положения, будь то место настоятеля Кожеозерского монастыря или патриарха всея Руси. Стать патриархом он согласился лишь после долгих уговоров и просьб. Другое дело, что, занимая посты, он требовал от окружающих беспрекословного подчинения и принятия его взглядов на сферу компетентности и значение его нового положения. Судя по многим фактам, всякий поворот в своей судьбе он принимал как проявление «божественного проведения».

Следует отметить, что Никон духовно объединял Россию не только в настоящем и будущем, но и в прошлом, создавая из древних летописей различных княжеств объединенную «Никоновскую летопись», отражающую историю всей страны. Это прекрасно видели выдающиеся историки: Н. И. Костомаров, назвавший его «одним из самых крупных, могучих деятелей русской истории» [6, с. 281], В. О. Ключевский, «не знавший в XVII в. человека крупнее и своеобразнее Никона» [5, с. 320], В. С. Иконников, А. П. Щапов, видевшие в нем прямого предшественника Петра Великого [7, с. 140] и др. Но, к сожалению, большинство современников и потомков, признавая величие Никона как личности, не поняли его объединительной сущности, которая выражается хотя бы в том, что обновленная им Русская церковь едина до сих пор, а старообрядческое движение так и не выработали за сотни лет единой конфессии и по-прежнему пребывают в расколе, уже между собой.

Источники и литература

1. Абрамов, В. К. Патриарх Никон и протопоп Аввакум : рассказы о жизни и деяниях наших знаменитых соплеменников и уроженцев мордовского края : для старшего и среднего школьного возраста / В. Абрамов. – Саранск : Константин Шапкарин, 2011. – 43 с.

2. Абрамов, В. К. По следу времени : исторические очерки : для старшего и среднего школьного возраста / В. Абрамов. – Саранск : Мордовское книжное издательство, 1991. – 302 с.
3. Каптерев, Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. В 2 томах. Том 2. / Н. Ф. Каптерев. – Сергиев Посад : Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1912. – 548 с.
4. Каптерев, Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. В 2 томах. Том 1. / Н. Ф. Каптерев. – Сергиев Посад : Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1909. – 524 с.
5. Ключевский, В. О. Курс русской истории. В 5 частях. Часть 3. / В. Ключевский. – Москва : Соцэкгиз, 1937. – 408 с.
6. Костомаров, Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей : в 2 книгах / Н. И. Костомаров. – Москва : Сварог, 1995. – 2 кн.
7. Энциклопедический словарь. Том 21 А. Нэшвиль – Опацкий / изд. : Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Санкт-Петербург : Типо-лит. И. А. Ефрона, 1897. – 957, [3], II с.

К ПРОБЛЕМЕ НАСЛЕДОВАНИЯ КОЛОМЕНСКО-МОЖАЙСКОГО УДЕЛА В ДУХОВНОЙ ГРАМОТЕ СЕМЕНА ГОРДОГО

Статья посвящена одному из наиболее сложных вопросов ранней истории Московского княжества XIV в. – предсмертным распоряжениям великого князя Семена Гордого, касающегося судьбы Коломенско-Можайского удела. Автор, сделав анализ документа и комплекса имеющихся источников, пришел к выводу, что свои владения московский князь завещал вдове Марии Александровне, а не своим сыновьям, которые все умерли при жизни отца. В дальнейшем княгиня вынуждена была уступить свои владения Ивану Красному, сохранив только более мелкие владения.

Ключевые слова. Семен Гордый, Мария Александровна, Коломна, Можайск, сын, князь, духовная грамота.

TO THE PROBLEM OF INHERITANCE OF KOLOMNA AND MOZHAYSK IN THE TESTAMENT OF SEMYON GORDY

The article is devoted to one of the most complex issues of the early history of the Moscow principality of the XIV century - to the death orders of the Grand Semyon Gordy, concerning the fate of the Kolomna-Mozhaysk inheritance. The author, having made an analysis of the document and the complex of available sources, came to the conclusion that the Moscow prince bequeathed his possessions to his widow Maria Alexandrovna, and not to his sons, who all died during the life of the father. Subsequently, the princess was forced to cede her possessions to Ivan Krasny, retaining only smaller possessions.

Key words: Semyon Gordy, Mariya Aleksandrovna, Kolomna, Mozhaysk, prince, son, testament.

Ранняя история Московского княжества конца XIII–первой половины XIV вв., расширение его территории, как и родственные связи Даниила Александровича, его детей и внуков остается сложной проблемой из-за скудности отечественных источников. Собственно, другими мы и не располагаем. Все источники, можно сказать, хорошо известны ученым и многократно ими исследовались. Поэтому основной вопрос заключается в их интерпретации. В этом контексте большое значение принадлежит духовным грамотам первых московских князей, проливающим свет на внутренне развитие Московского княжества, наследование и членов правящей династии. 26 апреля 1353 г. в Москве скоропостижно скончался великий князь Семен Гордый [8, с. 121]. Буквально перед самой кончиной он составил духовную грамоту [4, с. 107]. Этот документ дошел до нас, но, к сожалению, текст сохранился не полностью [1, с. 13–14]. Среди тем, волнующих историков, которые занимались его изучением, не последнее место принадлежит загадочной передаче великим князем в предсмертном распоряжении наследственного Коломенско-Можайского удела своей вдове Марии Александровне. Исследователи попытались объяснить этот беспрецедентный случай наследования среди московских князей Даниловичей, когда княгиня, как буквально следует из духовной грамоты, стала владелицей целого княжества. Однако не все историки согласились с этим фактом. В целом мнение ученых можно свести к двум предположениям: Семен Гордый действительно оставил основную часть Московского княжества своей супруге или на самом деле Коломна и Можайск – главные после Москвы центры в реальности передавались сыновьям, а не их матери, что снимает вопрос о нелогичной последней воле великого князя. И хотя прямо сын нигде не только не назван по имени, но и не упомянут, одно дефектное место этого акта заставляет предположить его существование.

Именно такой точки зрения придерживался целый ряд крупнейших русских и советских историков. Так, Н. М. Карамзин прямо утверждал, что сыновья Гордого Даниил или Михаил пережили отца [2, с. 321]. С. М. Соловьев более осторожно не исключил такой возможности [12, с. 336]. М. Н. Тихомиров высказался иначе, но в той же тональности, заподозрив надежду Семена Гордого на беременность великой княгини Марии [13, с. 37]. В. И. Сергеевич со своей стороны считал, что великий князь оставил сына, но все равно передал Коломну и Можайск жене [11, с. 66]. Наиболее аргументированно по данной теме выступил В. А. Кучкин, который отметил, что умерший Семен Гордый оставил даже двух сыновей [3, с. 157]. Противоположной точки зрения придерживался Л. В. Черепнин, который был уверен, что все сыновья великого князя ушли из жизни раньше него и он не мог не упомянуть их в своей духовной, будь они живы [14, с. 26]. По

нашему мнению, прав Черепнин.

Попробуем поискать аргументы не только в духовной грамоте Семена Гордого, но и используя весь возможный круг источников. Для этого необходимо ответить на следующие вопросы:

1. Мог ли быть вписан в испорченное место грамоты его сын?
2. Мог ли Семен Гордый не упомянуть сыновей в своей духовной грамоте, если бы они были живы?
3. Мог ли Семен ожидать рождения ребенка?
4. Могла ли смерть его сыновей не попасть на страницы летописей?
5. Мог ли великий князь оставить свой удел в нарушение традиции жене? Рассмотрим их тезисно.

1. Итак, в духовной грамоте Гордого встречается загадочная из-за порчи текста фраза: «А по б(о)зе приказываю своеи брат(ь)е, княз(ю) Ивану и княз(ю) Ан[др]ею, свою княгиню, и своего.., и свои бояре, положилъ есмь на б(о)зе и на вас, на своеи [братыи], [та]ко имете блюсти по нашему докончанью, како т[огды мы це]ловали кр(е)сть оу отня гроба» [1, с. 14]. Кто же был вписан в испорченное временем место грамоты? Как определил Кучкин, один из немногих непосредственно работавших с оригиналом, слово «сын», учитывая титло над тремя буквами, занимает меньше места, чем остается в строке [5, с. 123]. Скорее, здесь упомянут дядя (Василий, о котором говорится в начале грамоты) [14, с. 26; 12, с. 336]. Таким образом вопрос упоминания сына без имени представляется сомнительным.

2. Летописи четко фиксируют рождение у Семена Гордого от Марии Тверской сыновей: Даниила (декабрь 1347 г.), Михаила (7 сентября 1349 г.), Ивана (зима 1350/1 гг.) и Семена (3 февраля 1352 г.) [6, с. 57, 59, 61–62; 7, с. 97–98]. Нет сомнения, что это все дети великого князя в третьем браке. Если предположить, что в середине марта от чумы умерли Иван и Семен, то неизвестной остается судьба старших Даниила и Михаила, которые пережили отца и совместно унаследовали Коломенско-Можайский удел под эгидой матери [3, с. 157–158]. Однако, если бы было так, то их имена стояли бы в тексте на первом месте. Именно поименованные сыновья всегда выступают в духовных московских князей, а только затем идет княгиня. Такие примеры мы видим в духовных Ивана Калиты, Ивана Красного, Дмитрия Донского, Владимира Андреевича, Василия Дмитриевича [1, с. 7, 9, 15, 33, 45, 55]. Даже сторонники существования живых сыновей вынуждены признать, что в духовной грамоте Гордого нет на это прямых указаний [3, с. 158]. Наоборот, во всех местах грамоты, где у других московских князей выступают сыновья, говорится только о жене Марии Александровне. Она же должна поминать его душу – важная обязанность детей как продолжателей рода. В завещаниях малолетние сыновья – такие же полноправные владельцы. Ничего не пишет умирающий и о защите прав своих сыновей на Коломну и Можайск, распределении волостей в случае их смерти, наследовании сыновьями вдовьего удела матери и т.д. Наставления адресованы братьям, а не сыновьям [1, с. 14].

3. Что касается предположения о беременности великой княгини Марии весной 1353 г., то в подобных случаях московские князья оговаривали такие обстоятельства специальной формулой «А дастъ ми б(ог)ъ сына...» или «А даст б(ог)ъ родитца у моеи кн(я)г(и)ни с(ы)нъ...» [1, с. 35, 408]. Семен Гордый никак не фиксирует подобную надежду.

4. Отсутствие в источниках дат смерти княжичей не такая уж редкость. Одних князей мы знаем только по дате смерти, других – по дате рождения, третьих – только по упоминанию, четвертых – из синодиков, пятых – из родословных. Не все княжичи при высокой детской смертности попадали в источники [6, с. 41; 9, с. 176, 238]. Даниил и Михаил умерли раньше отца, поэтому о них нет ни слова в завещании отца.

5. Передача Коломны и Можайска вдове, действительно, является уникальным случаем. В этом распоряжении Гордого и заключается главный камень преткновения, вызывающий недоумение и споры историков, заставляющий «воскрешать» сыновей великого князя. Однако трудно иначе прочесть духовную грамоту великого князя, где Мария четко названа наследницей. Почему так распорядился Семен Иванович, сегодня трудно сказать однозначно. Как представляется, причиной тому стал межличностный фактор, который трудно увидеть в источниках. Отношения между братьями Семена и его преемником Иваном Красным были неважными, что следует из договора между тремя сыновьями Калиты незадолго до смерти великого князя [1, с. 11–13]. Гордый упоминает о брате Иване дважды. Похоже, именно ему и его окружению адресовался пассаж: «А хто сю грамоту иметь рушити, судить ему б(ог)ъ в семь веце и в будущемъ» [1, с. 14]. Вероятно также, что Семен был очень привязан к своей третьей жене, которая за 6 лет брака родила ему 4 детей.

Иной вопрос, почему потом Коломна и Можайск оказались у деверя Марии Александровны. А.Е. Пресняков по этому поводу замечал, что московские власти не могли согласиться на потерю контроля над главными частями Московского княжества [10, с. 123]. Вдова Семена Гордого прожила долгую жизнь, пережив мужа, его братьев и племянника Дмитрия Донского. Она умерла 17 марта 1399 г. в монашестве с именем Фетинья и была погребена в усыпальнице московских княгинь – Спасском монастыре [8, с. 167].

Таким образом, в духовной грамоте в несохранившемся месте не мог быть вписан безымянный сын, так как великий князь не мог не упомянуть в завещании сына или сыновей поименно, если бы они были живы. Это противоречит имеющимся духовным грамотам его родственников. Отсутствие дат смерти малолетних Даниила и Михаила в летописях не является уникальным случаем. Куда более странным был бы пропуск их ухода из жизни после правления в Коломенско-Можайском уделе. Семен Гордый передал жене свой наследственный Коломенско-Можайский удел, но она вскоре утратила его.

Источники и литература

1. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. / под ред. С. В. Бахрушина. – Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1950. – 585 с.
2. Карамзин, Н. М. История государства Российского. В 12 томах. Том 4 / Н. М. Карамзин ; отв. ред. А. Н. Сахаров ; РАН. – Москва : Наука, 1992. – 477 с.
3. Кучкин, В. А. «Свой дядя» : завещания Симеона Гордого / В. А. Кучкин // История СССР. – 1988. – № 4. – С. 149–158.
4. Кучкин, В. А. К датировке завещания Симеона Гордого / В. А. Кучкин // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987 год. – Москва : Наука, 1989. – С. 99–107.
5. Кучкин, В. А. Издание завещания московских князей XIV в. (1353 г., 24-25 апреля). Душевная грамота великого князя Семена Ивановича / В. А. Кучкин // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2008. – № 3 (33). – С. 123–125.
6. Полное собрание русских летописей. Том 15. Рогожский летописец. – Москва : Наука, 1965.
7. Полное собрание русских летописей. Том 18. Симеоновская летопись. – Санкт-Петербург : Типография М. А. Александрова, 1913. – 316 с.
8. Полное собрание русских летописей. Том 24. Типографская летопись. – Москва : Язык русской культуры, 2000. – 271 с.
9. Полное собрание русских летописей. Том 7. Летопись по Воскресенскому списку. – Москва : Язык русской культуры, 2001. – 360 с.
10. Пресняков, А. Е. Образование Великорусского государства / А. Е. Пресняков. – Москва : Богородский Печатник, 1998. – 496 с.
11. Сергеевич, В. И. Древности русского права. В 2 томах. Том 1. Территория и население / В. И. Сергеевич. – Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1909. – 688 с.
12. Соловьев, С. М. Сочинения. В 18 книгах. Книга 2. История России с древнейших времен. Том 3-4 / С. М. Соловьев ; отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. Д. Дмитриев. – Москва : Мысль, 1988. – 765 с.
13. Тихомиров, М. Н. Древняя Москва. XII-XV вв. Средневековая Россия на международных путях. XIV-XV вв. / М. Н. Тихомиров. – Москва : Московский рабочий, 1992. – 318 с.
14. Черепнин, Л. В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков. В 2 частях. Часть 1 / Л. В. Черепнин. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1948. – 469 с.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ РУССКОГО ДИПЛОМАТА ВАСИЛИЯ ТЯПКИНА

Среди дипломатов-интеллектуалов XVII столетия традиционно называют глав Посольского приказа, прежде всего, А. Л. Ордина-Нащокина, А. С. Матвеева, В. В. Голицына. Менее исследованы духовные запросы их подчиненных. Донесения одного из них, резидента в Речи Посполитой, раскрывают его «книжные» интересы, к числу которых относились близкие знатокам-современникам образцы религиозной и светской «элитарных» литератур, а также представители «низового» жанра.

Ключевые слова: В. М. Тяпкин, уподобление животным, крылатые выражения, Священное Писание, басня, «скоморошина».

LITERARY PREFERENCES OF RUSSIAN DIPLOMAT VASILY TYAPKIN

Among the diplomatic intellectuals of the 17th century, the heads of the Ambassadorial Department are traditionally called, first of all, A.L. Ordin-Nashchokin, A.S. Matveev, V.V. Golitsyn. Less studied were the spiritual needs of their subordinates. Reports of one of them, a resident in Rzeczpospolita, reveal his «bookish» interests, which included examples of religious and secular «elite» literatures close to connoisseurs and contemporaries, as well as representatives of the «lower» genre.

Keywords: V.M. Tyapkin, assimilation to animals, winged expressions, Holy Scripture, fable, «buffoon».

Библиотеки, «сады мудрости», «возделывались» в России XVI–XVII вв., такими собраниями владели царь Алексей Михайлович, патриарх Никон и другие весомые фигуры своей эпохи [15, с. 356]. Вместе с тем далеко не все описи дошли до наших дней, информации о библиофилах мало. Сходную ситуацию мы имеем в случае русского резидента в Речи Посполитой (1673–1677 гг.) Василия Михайловича Тяпкина. Круг его чтения пытался охарактеризовать С.И. Николаев, перечислявший имена польских авторов Я. Кохановского, В. Потоцкого, С. Х. Любомирского [25, с. 149].

Отталкиваясь от гипотезы, что прочитанные когда-либо произведения оставляли некий след в памяти резидента, мы постарались обнаружить эти «метки» в отчетах дипломата, в которых он оповещал Москву о европейских событиях. Похожий прием использовала Э. Малэк для выяснения интеллектуального «уровня» Артамона Сергеевича Матвеева (начальника Тяпкина; 1676–1682 гг.) [21, с. 75–80].

Мы решили сконцентрироваться на зоонимах (обозначениях животных), которых довольно много в бумагах Тяпкина. Тем более что «животная» символика была востребована, существовали бестиарии, известен «Физиолог» [33, с. 684]. На страницах рукописей резидента находим льва, верблюда, зайца, волка, пса, свинью, лису, муху, птиц. Все они населяют басенный «контент», с которым россияне знакомились в немалой степени через разного рода «переложения» Эзопа [40, с. 2, 7].

Прежде всего мы обратили внимание на фрагмент с довольно своеобразным сюжетом. Рассказывая о боях между поляками и турецко-татарскими силами, Тяпкин иносказательно сравнил христианских воинов с львами, а мусульман – с верблюдами: «А когда... на турков и татар... пошли с велию охотою, являючися смелыми и храбрыми велми, якобы *лвы* огнечистыя рыкающе, и якоже препростыя *велбуды* турков пожрати и растерзати хотяще...» [30, с. 494об.]. Появление отрывка о львах и верблюдах заметно отличает данный текст от аналогичного сообщения 1675 г. А. С. Матвееву [41, с. 175].

Как символ Христа и Его веры лев не нуждается в особом представлении, сочетание «лев рыкающий» достаточно распространено. Однако его приложение к «схизматикам» полякам (их Тяпкин не слишком жаловал и уличал в лукавстве) говорит, что русский резидент знаком и с другой интерпретацией – лев как диавол [20, с. 134]. В подобной ипостаси предстает он в Библии, в Киево-Печерском патерике, где злой дух «всегда ищет, как *лев рыкающий*, кого поглотить...» [11, с. 119]. Появляются аллюзии и на Книгу Иезекииля (через Григория Богослова): «*Лвы рыкающе...*, изъедающе насилием...» [7, с. 47]. О подвигах «львов» Тяпкин дальше писал: «Слуг божиих и пастырей церковных святых восточных боголюбивых..., над которыми мучителски наругались, многих посекали и до смерти побили...» [30, с. 497 об.].

Образ «рыкающих львов» перекликается с сюжетом битвы на Куликовом поле из «Сказания о Мамаевом побоище». Князь Дмитрий Донской вел войска на сражение с врагом христианства, с татарскими ордами (поляки в письме русского дипломата шли против тех же татар) – «укрепишася и мужествени быша, яко орли летающе и яко *львы рыкающе* на Татарския полкы...» [35, с. 63]. Реминисценцией возникает сцена «Царственного летописца» (XVI в.), согласно которому русские рати по повелению Иоанна IV завоевали Казань «и яко *львы рыкающе*, свирепо безбожных татар убиваху...» [42, с. 286].

Что касается верблюда, то и его древнерусские книгочеи также встречали. Вместе «велбуд» и лев появляются в сказании «О временном сем веце» [5], однако антагонистами, как у Тяпкина, они предстают лишь в одном произведении: сборнике басен «Стефанит и Ихниллат». Это перевод с одной из славянских «редакций» более старого индийского источника «Калила и Димна» (первоначально «Панчатантра»), получившей в XVII в. [39, с. 5, 6] значительное распространение. Сравнение Тяпкина соотносится с изложенной в «Стефанит и Ихниллат» историей о том, как лев растерзал глупого и доверчивого верблюда: «И рече: «Аще и вси непотребни суть, но и аз плоти много имам, и на пищу сладок есмь». Они же... рекоша: «Истинну рекл еси, о *велбуде!*» И нападше на нь, растръгоша и напрасно...» [39, с. 24]. Сходство усиливает семантическая составляющая: резидент называет «велбудов» «препростыми», т. е. «простоватыми», «простодушными». Более того, в сказании лев был союзником верблюда [39, с. 22], и Тяпкин наблюдал в отношениях между поляками и турками-мусульманами, что главный «лев», польский король Ян III Собеский, поддерживал близкие контакты с приверженцами Ислама [32, с. 47об., 160–161].

На «Стефанит и Ихниллат» указывает и продолжение пассажа о «велбудах»: «Но им нетако повелось, яко они о себе мудрствовали, и что желали неприятеля победить и богатство во *лвов* пожитки обратить, тогда паки лучшую честь и поклон турком и татаром учинивши, яко наимилейших и добрегостящих гостей своих в земли их, дарив несметными неволничьими душами..., со многими их богатствы проводили..., а проводивши ради что сами не биты возвратилися, не якож *львы* рыкающе, но яко от последних безсловесных животных...» [30, с. 496–496 об.]. Таким образом, «величественный» и могучий «лев» показал себя глупцом и трусом [39, с. 166], как и персонаж индийской басни.

Еще одна смысловая «ниточка», связывающая «Стефанит и Ихниллат» с текстом Тяпкина, отрывок о зайце. Зооним встречается не только в древнерусском переводе «Калилы и Димны», его помещали в бестиарии, фигурирует он как символ природы в предании о Петре и Февронии [39, с. 122, 165, 231; 12, с. 467]. Но контекст, в котором использует образ зайца Тяпкин – совершенно отдельная тема. Говоря о противостоянии шведов и «немцев» (Бранденбурга-Пруссии), резидент уподобляет «шведа» зайцу, который по островам бегаёт [37, с. 212]. Шведско-немецкие войны велись как на суше, так и на море, что вводит здесь знак воды. А дальше Тяпкин намекает на хитрость зайца. Теперь же вернемся к «Стефанит и Ихниллат» – в сборнике наличествует эпизод о находчивом зайце, перехитрившем льва-простака и утопившем его в колодце [39, с. 122, 165, 231].

Тему хищников продолжает замечание Тяпкина: «Их владыки... только мантиею благочестивой... украшаются, внутри же тяжки Св. Церкви, как *волки* (волцы)...» [36, с. 503]. Видим переклички со словами апостола Павла [23, с. 435], с приписываемым Евфросину Псковскому (1386–1481) посланием Троицкому монастырю, где есть строки: «Проникнут к вам *волки тяжкие*, не щадящие стада Христова, и из среды нас самих выйдут люди, говорящие развращенное, чтобы отторгать от него учеников вслед за собою...» [16 с. 97].

Примечательна другая мысль резидента, в которой соседствуют два животных – пес и свинья: «*Псам* и *свиньям* в Московском государстве далеко покойнее и теплее, нежели там нам...» [37, с. 218]. Близкое изречение отыскиваем у Юрия Крижанича 1663–1666 гг. («да нас называют *псы* и *свиньями*...») [17, с. 54], еще раньше созвучное замечаем в переводе Иоанна Дамаскина Андреем Курбским – «горше, нежели *псов* и *свиней* (еретиков)» [26, с. 362], что отсылает нас к апостолу Петру: «Неверные *псы*, *свиньи*, валяющиеся в грязи...» [22, с. 107]. «Псом» Тяпкин оскорбил отрицательно воспринимаемого в близких ему кругах каменецкого кастеляна Павла Потоцкого [2, с. 78].

Появляется в записках Тяпкина и лиса. В одном месте он оценивал поляков: «Как *лисы* лукавыми словами услаждают, а правды трудно выразуметь...» [28, с. 251]. Образ хитрой лисы, владеющей сладкими речами, хорошо известен, особенно стоит выделить «Сказание о кууре и лисице» XVII в., рассматриваемое в рамках «низовой культуры». Оно набирает популярность с 1640-х гг., среди «читателей» находился стольник И. Бегичев [19, с. 37]. Рядом с «лисьими

штуками» в своих донесениях резидент ставит уже известного нам «бегающего» зайца. Были ли «московиту» знакомы русские или украинские сказки, народные песни, в которых заяц женится на лисе [8]? Мотив же убегающего зайца, погони за ним запечатлелся в народном фольклоре Галиции, Речи Посполитой [45, с. 169–170]. Много позже выражение Тяпкина о «лисыих штуках» повторит М.П. Погодин (письмо от 15 марта 1856 г., «кому как не мне все *лисыи штуки* знать!» [38, с. 58]).

Резидент, по-видимому, не чурался творчества античных классиков. В одном из писем Тяпкин почти восклицает: «Что за муха курлянской резидент...» [31, с. 56 об.]. В XVII в. это двукрылое насекомое буквально влетело в литературную жизнь России. Муху помянул в «Вертограде Многоцветном» Симеон Полоцкий, о ней писал и Аввакум Петров [33, с. 568; 10, с. 159, 161–162]. Немного иной функцией наделяет зооним Тяпкин – показать ничтожность «курляндца», пытающегося выдать себя за значимую персону.

Напрашиваются параллели с выражением «из мухи слона» у Лукиана [44, с. 130]. На русский язык его начали активно переводить в XVIII в. [13, с. 86], но определенное представление о нем сложилось уже в XVII в. [3, с. 73]. Почти такое же амплуа избрал для мухи древнеримский баснописец Федр («Муравей и муха»): презренное создание, хвалившееся своим мнимым величием. С Федром Тяпкин мог познакомиться – на его имя натываемся в одном из современных книжных собраний [40, с. 23, 512].

Довольно редко прибегал резидент к «птичьим» ассоциациям, нечасто уподоблял себя и единоверцев животным. Сомневаясь в искренности поляков, в своем письме 1677 г. Тяпкин привел случай ястреба и голубки [18], практически идентичный эпизоду из польского сочинения (где воитель Стефан Чарнецкий «бьет губя, аки *ястреб* ярый безсилна *голубя*...» [24, с. 48]). Можно разглядеть здесь намек на голубя и ястреба пророка Осии [4, с. 266], на Св. Дух и «истинное» христианство [1, с. 193; 6, с. 524], припомнить «Повесть о Горе-Злосчастии» [27, с. 98], а можно вспомнить придворные реалии – популярную охоту с ястребами, которым скармливали голубей [29, с. 93]. В том же «листе» резидент апеллирует к образу «черного лебедя» [18]. «Родственников» данного изречения не удалось разыскать ни в русских творениях, ни в польской литературе того периода. Ближе всех к тексту Тяпкина пример из ораторского «слова», в котором описанный только в 1697 г. черный лебедь используется как синоним невиданного, несуществующего [43, с. 215].

Обратился Тяпкин к «птичьей» тематике, расписывая Москве свое собственное положение: «Что наиубольшая птица залетящая...» [31, с. 58 об.]. На ум приходит распространенное в XVII столетии творчество скоморохов [34, с. 26] и, конкретнее, скоморошина «Про гостя Терентиша» из сборника Кирши Данилова. Общее в эмоциональном настрое героя скоморошины и Тяпкина разглядеть несложно. Как и московский резидент, «гость» Терентиша оставил домашний очаг, «что ворона залетящая» [14, с. 7; 9, с. 17]. Правда, причина его странствий иная – он ищет лекарей для «недужной» жены. Но и тут наблюдаем некое совпадение с ситуацией Тяпкина, который, пребывая «на резиденции», не раз сокрушался о «женушке» [28, с. 254, 255, 256]. Персонажу «Терентиша» также несладко: «Завела нужда-бедность» [14, с. 7; 9, с. 18].

Отражая реальность, Тяпкин воспроизводил сентенции с разными животными в большинстве своем, хищными. Ими он иллюстрировал множество ситуаций, чаще применяя их в негативном или ироничном смысле. Высказывания расширяют представления об интеллектуальных интересах резидента, имеющих сходство с увлечениями А. С. Матвеева [21, с. 76–78]. Тяпкин не только был в какой-то мере знаком с духовной и светской «высокой» литературами своего времени – его записи содержат явные и скрытые отсылки к примерам из «смеховой» культуры, почитательной басни.

Источники и литература

1. Афанасьев, А. Н. Мифы древних славян / А. Н. Афанасьев. – Москва : Директ-Медиа, 2016. – 274 с.
2. Богатырев, А. В. Новое свидетельство о смерти каменецкого кастеляна Павла Потоцкого / А. В. Богатырев // Древняя Русь. – 2015. – № 2. – С. 76–83.
3. Богданов, А. П. От летописания к исследованию : русские историки последней четверти XVII века / А. П. Богданов. – Москва : РИСК, 1995. – 551 с.
4. Бродович, И. А. Книга пророка Осии / И. А. Бродович. – Киев : [Б. и.], 1901. – 524 с.
5. Буцких, Н. В. «Велбуд образом нелеп» : экзотические звери в древнерусской литературе и миниатюре / Н. В. Буцких. – Текст : электронный // Российская национальная библиотека : [сайт].

- URL: expositions.nlr.ru/literature/drevrus/articles/verblud.pdf (дата обращения: 06.06.2019).
6. Бычков, В. В. Русская средневековая эстетика, XI-XVII вв. / В. В. Бычков. – Москва : Мысль, 1992. – 637 с.
 7. Григорий Богослов. Творения. В 2 томах. Том 1. Слова / святой Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский. – Москва : Сибирская благовозвонница, 2007. – 895 с.
 8. Гура, А. О символике зайца у славян. – Текст : электронный // Отечественные записки. – 2014. – № 3. – URL: <http://www.strana-oz.ru/2014/3/o-simvolike-zauca-u-slavyan> (дата обращения: 06.06.2019).
 9. Данилов Кирша. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. – 2-е изд., доп. – Москва : Наука, 1977. – 487 с.
 10. Демин, А. С. Художественные миры древнерусской литературы / А. С. Демин. – Москва : Наследие, 1993. – 221 с.
 11. Изборник. Повести Древней Руси / сост. Л. А. Дмитриева, Н. В. Поньрко. – Москва : Художественная литература, 1986. – 446 с.
 12. История всемирной литературы. В 9 томах. Том 3 / гл. ред. Г. П. Бердников. – Москва : Наука, 1983. – 816 с.
 13. История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. В 2 томах. Том. 1. Проза / Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский дом) ; отв. ред. Ю. Д. Левин. – Санкт-Петербург; Kioln : Bohlau, 1995. – 314, [1] с.
 14. Кирша Данилов. Сборник Кирши Данилова / под ред. П. Н. Шеффера. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1901. – 284 с.
 15. Ключевский, В. О. Сочинения. В 8 томах. Том 5. Часть 5. Курс русской истории / В. О. Ключевский. – Москва : Соцэкгиз, 1958. – 503 с.
 16. Ключевский, В. О. Сочинения. В 8 томах. Том 7. Исследования, рецензии, речи (1866-1890) / В. О. Ключевский. – Москва : Соцэкгиз, 1959. – 487 с.
 17. Крижанич, Ю. Русское государство в половине XVII в. Рукопись времен царя Алексея Михайловича : в 6 томах / Ю. Крижанич. – Москва : Тип. А. Семена, 1859. – 6 т.
 18. Крикун, М. Остап Гоголь – гетьман козацтва Правобережної України / М. Крикун. – Текст : электронный // Чтиво : электронная библиотека. – URL: http://chtyvo.org.ua/authors/Krykun_Mykola/Ostap_Hohol_hetman_kozatstva_Pravoberezhnoi_Ukrainy/ (дата обращения: 05.06.2019).
 19. Кузнецова, О. «Сказание о кура и лисице» и московская виршевая традиция XVII в. / О. Кузнецова // «Текстология и историко-литературный процесс» : сборник статей V Международной конференции молодых исследователей / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Филологический факультет. – Москва, 2017. – С. 37-47.
 20. Лихачева, О. П. Лев – лютий зверь / О. П. Лихачева // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. Д. С. Лихачев. – Санкт-Петербург, 1993. – Т. 48. – С. 129-137.
 21. Малэк, Э. К изучению эпистолярного стиля А. С. Матвеева / Э. К. Малэк // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2016. – Т. 15. – № 2. – С. 75-80.
 22. Марчалис, Н. Люторъ иже лють : прение о вере царя Ивана Грозного с пастором Рокитой : историко-мифологическое исследование / Н. Марчалис. – Москва : Языки славянской культуры, 2009. – 376 с.
 23. Никанор. Толковый Апостол / Никанор (Каменский), архиепископ Казанский и Свияжский. – Москва : Даръ, 2008. – 704 с.
 24. Николаев, С. И. Польская поэзия в русских переводах. Вторая половина XVII – первая треть XVIII века / С. И. Николаев ; отв. ред. А. М. Панченко. – Ленинград : Наука, 1989. – 211 с.
 25. Николаев, С. И. Поэзия и дипломатия / С. И. Николаев // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. Д. С. Лихачев. – Ленинград : Наука, 1989. – Т. 42. – С. 143-173.
 26. Оболенский, М. О переводе князя Курбского сочинений Иоанна Дамаскина / М. Оболенский // Библиографические записки. – 1858. – № 12. – С. 355-366.
 27. Повесть о Горе-Злосчасти / Академия наук СССР ; изд. подгот. Д. С. Лихачев, Е. С. Ванеева. – Ленинград : Наука, 1984. – 110 с.
 28. Попов, А. Н. Русское посольство в Польше в 1673-1677 годах. Несколько лет из истории отношений древней России к европейским державам / А. Попов. – Санкт-Петербург : Тип. Морского кадетского корпуса, 1854. – 287 с.
 29. Порай-Кошиц, И. А. История русского дворянства / И. А. Порай-Кошиц. – Москва : Крафт,

2003. – 328 с.

30. Российский государственный архив древних актов. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161а.
31. Российский государственный архив древних актов. Ф. 79. Оп. 1. Д. 163.
32. Российский государственный архив древних актов. Ф. 79. Оп. 1. Д. 164.
33. Сазонова, Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время / Л. И. Сазонова. – Москва : Языки славянских культур, 2006. – 896 с.
34. Селиванова, С. И. Русский фольклор : основные жанры и персонажи / С. И. Селиванова. – Москва : Логос, 2008. – 199 с.
35. Сказания и повести о Куликовской битве / под ред. Д. С. Лихачев. – Москва : Наука, 1982. – 434 с.
36. Соловьев, С. М. Сочинения. В 18 книгах. Книга 6. История России с древнейших времен. Т. 11–12 / С. М. Соловьев ; отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. – Москва : Мысль, 1991. – 671 с.
37. Соловьев, С. М. Сочинения. В 18 книгах. Книга 7. История России с древнейших времен. Т. 13–14 / С. М. Соловьев ; отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. – Москва : Мысль, 1991. – 701 с.
38. Старина и новизна. Исторический сборник. В 22 книгах. Книга 4 / С. Д. Шереметев, А. П. Барсуков, Н. П. Барсуков и др. – Санкт-Петербург : Тип. М. Стасюлевича, 1901. – 448 с.
39. Стефанит и Ихнилат. Средневековая книга басен по русским рукописям XV-XVII веков. – Ленинград : Наука, 1969. – 252 с.
40. Тарковский, Р. Б. Эзоп на Руси. Век XVII. Исследования. Тексты. Комментарии / Р. Б. Тарковский, Л. Р. Тарковская. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2005. – 546 с.
41. Тяпкин, В. М. Отписка к обергегателю посольских дел... боярину Артамону Матвееву... от Василия Тяпкина, 1675 г., январь-декабрь // Львовское ставропигиальное братство / А. С. Крыловский. – Киев, 1904. С. 173–176.
42. Царственная книга, то есть Летописец царствования царя Иоанна Васильевича, от 7042 году до 1761, напечатан с письменного, которой сыскан в Москве в Патриаршей библиотеке. – Санкт-Петербург : При Императорской Академии наук, 1769. – 347 с.
43. Якимов, В. А. О красноречии в России до Ломоносова / В. А. Якимов. – Харьков : Университетская типография, 1838. – 222 с.
44. Янин, И. Т. История крылатых слов и выражений / И. Т. Янин. – Калининград : Янтарный сказ, 2003. – 351 с.
45. Pauli, Ż. Pieśni ludu Polskiego w Galicyi / Ż. Pauli. – Lwów: Nakładem Kajetana Jabłonskiego, 1838. – 234 с.

Михайлов А. А.
д-р ист. наук
Военная академия Генерального штаба
Вооруженных сил Российской Федерации
(г. Санкт-Петербург)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ В СОСТАВЕ ВОЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ВОЕННО-СТАТИСТИЧЕСКИХ ОБЗОРОВ ТЕРРИТОРИЙ РУССКОГО СЕВЕРА XIX В.

В статье рассмотрены очерки по истории территорий Русского Севера, вошедшие в состав военно-статистических и военно-географических обзоров губерний и военных округов, составленных в XIX в. офицерами Генерального штаба. Главной целью таких обзоров являлся анализ военного потенциала того или иного района или региона Империи. Однако стремясь охватить и проанализировать максимально широкий круг показателей, дать территориям исчерпывающую характеристику, авторы обращали внимание и на их историю. Как правило, исторические очерки в обзорах, носили компилятивный характер, но вместе с тем, большинство из них отличало внимание к источникам и стремление выявить существенные обстоятельства исторического развития той или иной территории.

Ключевые слова: военно-статистические обзоры, Генеральный штаб, Русский Север, история, военная история, демография, быт населения.

HISTORICAL ESSAYS IN THE MILITARY-GEOGRAPHICAL AND MILITARY-STATISTICAL REVIEWS OF THE TERRITORIES OF THE RUSSIAN NORTH OF THE XIX CENTURY

The article deals with essays on the history of the territories of the Russian North, included in the military statistical and military geographical surveys of provinces and military districts, compiled in the XIX century by officers of the General staff. The main purpose of such reviews was to analyze the military potential of a particular area or region of the Empire. However, in an effort to cover and analyze the widest possible range of indicators, to give a comprehensive description of the territories, the authors drew attention to their history. As a rule, historical essays in reviews were of a compilation nature, but at the same time, most of them were distinguished by attention to sources and the desire to identify the significant circumstances of the historical development of a particular territory.

Keywords: military statistical reviews, General staff, Russian North, history, military history, demography, life of the population.

Первая половина XIX в. ознаменовалась активным развитием целого ряда военных наук, среди которых видное место занимали военная география и статистика [14]. Мощный импульс этому процессу дали наполеоновские войны, в ходе которых вооруженная борьба шла на очень обширных и различных по своим географическим характеристикам территориях.

Ведущим центром развития военно-научной мысли (включая указанные науки) стала в России Императорская Военная академия (позже Академия Генерального штаба), открытая в 1832 г. Разработка курса военной географии в ней была осуществлена талантливым ученым и администратором П. А. Языковым (1800–1869).

В подготовленных для руководства Академии инструкциях, научных статьях и нескольких монографиях Языков настойчиво подчеркивал, что военная география необходима для разработки стратегии будущих военных кампаний. Он также придавал военной географии обобщающий характер, указывая, что она должна учитывать, с военной точки зрения, самый широкий круг факторов: собственно географических, экономических, этнографических и др. Немаловажное значение придавал П. А. Языков также рассмотрению в контексте военной географии исторических данных.

Военная статистика оценивалась Языковым как раздел, составная часть военной географии. Иной точки зрения держался назначенный профессором Военной академии в январе 1845 г. видный ученый и в будущем военный министр Д. А. Милютин (1816-1912). Обобщающей наукой он считал именно военную статистику. В работе, опубликованной в 1847 г., Милютин отмечал: «В военную статистику непременно должны входить и географические данные в той степени, сколько исследования этих данных необходимо для определения стратегического положения государства к соседним, для соображения его средства обороны и наступления. При подобном определении военной статистики, отношение ее к военной географии обозначается само собой, ибо последняя делается только, так сказать, материалом для первой; военная же статистика, почерпая данные из военной географии, занимается исследованием этих данных с определенной

целью и в связи с различными другими данными» [12, с. 147]. Вместе с тем, Д. А. Милютин, как и П. А. Языков, считал необходимым при изучении территорий, могущих стать театрами военных действий, обращать внимание на их историю.

П. А. Языковым, Г. К. Стефаном, Д. А. Милютиным и другими учеными были разработаны в 1830-1840-е гг. теоретические положения и методология военно-географических и военно-статистических исследований. Их практическое применение нашло отражение в масштабной деятельности офицеров Генерального штаба по составлению «Военно-статистического обозрения Российской империи» в 1848–1858 гг.

Общее руководство подготовкой этого издания было возложено на Департамент Генерального штаба Военного министерства [1, с. 227]. Материалы были разделены на 17 томов, посвященных отдельным регионам Империи, тома состояли из частей, содержащих описание губерний (реже других административных единиц). В 1850-1853 гг. вышел в свет 2-й том издания – «Северо-восточные губернии», в четырех частях (Вологодская, Вятская, Олонецкая и Архангельская губернии).

Наиболее значительные исторические очерки приведены в обозрении Вологодской губернии (3-я часть тома, 1850) [5]. Составил его капитан (позже – генерал-майор) Петр Карлович Услар (1816-1875), военный инженер, видный ученый-лингвист и этнограф. Основные его научные заслуги, равно как и военно-административная деятельность связаны с Кавказом. Достаточно сказать, что Услар подготовил монографии о чеченском, аварском, лакском, табасаранском и др. языках, составил азбуку для нескольких бесписьменных языков. Однако данные работы относятся к более позднему периоду биографии этого талантливого ученого (1850–1874). Ко времени публикации обозрения Вологодской губернии он имел за плечами боевую службу на Кавказе и в Отдельном Сибирском корпусе (в т.ч. участие в экспедиции против хана Кенасары Касымова), а также подготовку военно-статистического обзора Тверской губернии (совместно с И. Ф. фон Минстером) [8].

В самом начале обзора Вологодской губернии П. К. Услар сразу оговаривает, что ее превращение в театр военных действий почти невероятно и, следовательно, военное значение очень ограничено. «Мы полагаем..., – отмечал он, – что Вологодская губерния лишена всякого стратегического значения и что невозможно смотреть на нее, как на театр военных действий, не прибегая к самым странным и несбыточным предположениям» [5, с. 2].

Структура обозрения соответствует алгоритму, разработанному в Генеральном штабе. Материалы распределены по двум разделам: «Сведения общие» и «Сведения специальные», каждый со своей пагинацией. В первый раздел включены данные о географии, климате, хозяйстве, путях сообщения губернии, ее населении, городах и др. Во второй раздел вошли сведения о находящихся в губернии войсках и военных учреждениях, о местах, «удобных к помещению различных штабов войск» и для сбора войск.

В характеристику населенных пунктов в первом разделе составитель включил краткие очерки их истории. Приведены сведения о прошлом Вологды [5, с. 366–368], Великого Устюга [5, с. 374–376], Тотьмы [5, с. 372–373], Сольвычегодска [5, с. 378–379] и др.

Исторический очерк территории Вологодской губернии вошел также в главу «Жители», посвященную демографии. При этом П. К. Услар в сноске указал источники, которые использовал. «Исторический очерк Вологодской губернии, – писал он, – составлен по истории Карамзина, по Устюжской летописи и по статьям г.г. Надеждина, Пушкарева и других» [5, с. 248].

«История государства Российского» Н. М. Карамзина являлась в то время своего рода основой, отправной точкой для многих авторов, обращение к ней вполне закономерно. Н. И. Надеждин (1804-1856) был известен в то время как автор работ по этнографии и исторической географии, т. е. его научная специализация вполне соответствовала интересам и задачам П. К. Услара. Видный ученый-статистик и историк И. И. Пушкарев (1808–1848) всего за несколько лет до публикации книги Услара в 1844 г. выпустил в свет посвященный Вологодской губернии том издания «Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношениях» [15].

Характеризуя население Вологодской губернии, Услар коснулся далекого прошлого ее земель, отметил, что в древности они были населены «народом неславянского племени» – «заволочской чудью», описал кратко освоение региона выходцами из Новгорода. Новгородцев Услар описывал с большой симпатией и выдвинул тезис, что специфика их взглядов, поведения во многом определили историю. «Судьба городов и местечек, основанных в Вологодском крае Новгородскими промышленниками, – писал Услар, – представляет собою очень много

занимательного и совершенно противоположного тому, что находим мы в истории других городов русских. Заклучая в себе население деятельное, предприимчивое, владея обширными угодьями, составлявшими неистощимые источники обогащения, города эти в самую отдаленную эпоху, достигли высокой степени благосостояния» [5, с. 250].

Услар отметил с одной стороны положительное воздействие на экономику Вологодских земель развития беломорской торговли и освоения Сибири в XVI–XVII вв., а с другой – разрушительное влияние тех перемен, которые произошли в экономике и политике в царствование Петра I. Современное ему состояние экономики Вологодской губернии он оценивал очень негативно. В качестве наиболее яркого примера упадка он приводил Сольвычегодск. «Там (в Сольвычегодске – А. М.), – писал Услар, – посреди низеньких, полуразвалившихся хижин, которые печально свидетельствуют о нынешней бедности и оцепенелом бездействии жителей, возвышаются величественный собор и великолепный монастырь <...>: живое напоминание давно минувшей Строгановской эпохи, когда ныне опустелый Сольвычегодск, стоял на перекрестке двух путей, по которым Москва некогда торговала с западом и востоком» [5, с. 252].

Во второй, специальный, раздел П. К. Услар включил небольшой очерк «Военно-исторические воспоминания о Вологодской губернии» [5, с. 22-29]. В нем перечислены в хронологическом порядке и кратко охарактеризованы войны и вооруженные столкновения, происходившие на территории Вологодской губернии с древнейших времен по начало XVII века (включительно). В начале этого очерка автор подчеркнул: «Несмотря на большую отдаленность свою от тех мест, где посредством оружия разрешались важные вопросы судьбы Русского царства, Вологодский край не всегда наслаждался тем безмятежным спокойствием, которое теперь, по-видимому, сделалось неотъемлемой принадлежностью его» [5, с. 23].

П. К. Услар отметил также, что первенствующую в военном отношении роль долгое время играл в регионе Великий Устюг. Опираясь на летописные источники, он перечислил в хронологическом порядке войны, которые вели устюжане в XIII–XV вв. При этом от выяснения причин конфликтов автор сознательно отказался, мотивируя решение спецификой источника. «...Летописцы, – отметил Услар, – редко говорят о причинах, не связывают события между собою, а довольствуются отметкой, в котором каждое из них случилось. Мы по необходимости должны следовать той же системе изложения» [5, с. 23].

Наряду с летописями П. Услар использовал в своем очерке документы конца XVI в. о состоянии укреплений и городской артиллерии Великого Устюга, находившиеся в архиве Великоустюжского провинциального магистрата. Завершает «военно-исторические воспоминания» о Вологодской земле автор рассказом о событиях Смутного времени.

В один год с обзорением Вологодской губернии было напечатано военно-статистическое обозрение Вятской губернии, составленное поручиком Генерального штаба В. И. Коведяевым [4]. В отличие от П. К. Услара, Виктор Иванович Коведяев не стяжал известности как ученый или военный деятель: его жизненный путь оказался кратким: он скончался в 1851 г., в чине штабс-капитана (по данным кировского краеведа и библиофила Е. Д. Петряева [11, с. 170]).

Историческим материалам в обозрении Вятской губернии уделено очень небольшое внимание. Самостоятельного исторического очерка автор составлять не стал, отдельные сведения по истории вятских земель приведены в разделе, посвященном населению губернии. При этом, характеризуя современный облик отдельных этнических групп, Коведяев практически всех наградил антипатичными чертами, особенно нелестно отзывался он о вотяках (удмуртах) [4, с. 44–45].

В 1853 г. были напечатаны военно-статистические обзоры Архангельской [6] и Олонецкой губерний [7]. Оба составлены Генерального штаба капитаном Аполлоном Эрнестовичем Циммерманом (1825–1884). Впоследствии он стал известен как энергичный боевой офицер, участвовал в военных действиях на Кавказе, завоевании Средней Азии, Крымской войне, Русско-турецкой войне 1877–1878 г., командовал корпусом, достиг чина генерала от инфантерии.

В обзорах Циммермана самостоятельных исторических или военно-исторических очерков не содержится, но сведения по истории все-таки приводятся: в главах, посвященных населению, при описании отдельных населенных пунктов. Помимо городов и иных населенных пунктов Циммерман посчитал нужным описать в работе наиболее известные и авторитетные монастыри губернии, сопроводив эти описания историческими очерками.

Исторический очерк вошел также в состав параграфа, посвященного внешней торговли Архангельской губернии [6, с. 242–245].

Важную для книги идею о том, что если территория губернии вообще подвергнется

вражескому нападению (вероятность этого, по мнению Циммермана, невелика), то удар будет нанесен силами флота по прибрежным пунктам (в т.ч. по самому Архангельску), автор проиллюстрировал историческими примерами [6, с. 1–2].

Издание «Военно-статистического обзора Российской Империи» еще не завершилось, когда на Департамент Генерального штаба была возложена новая, не менее масштабная работа. В июле 1857 г. император Александр II именным указом распорядился о составлении офицерами генерального штаба «Военно-Статистических описей семидесяти трех губерний и областей Империи» [2, с. 583]. Для руководства работой был сформирован Временный Военно-статистический отдел, возглавил его генерал-лейтенант Н. С. Голицын – видный специалист в области статистики и военной истории [9; 10].

Результатом деятельности отдела и работавших под его руководством офицеров Генерального штаба стало масштабное многотомное издание «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба», вышедшее в свет в 1859–1868 гг.

Интересно отметить, что в издании нашли отражение далеко не все собранные сведения, а лишь те, которые могли быть открыты широкой публике. Материалы собственно военного характера рассылались в военные учреждения, говоря современным языком, «для служебного пользования».

В 1865 г. вышел в свет том «Материалов...», посвященный Архангельской губернии [13]. Составителем его выступил Генерального штаба капитан Н. И. Козлов. Книга состоит из семи глав, исторические материалы в наиболее значительном объеме представлены в главе «Описание городов и других замечательных мест» [13, с. 308–342].

В кратких очерках об Архангельске, Холмогорах, Пинеге, Мезени, Кеми и др. автор кратко рассматривает возникновение этих городов и начальные этапы их истории, значение в различные исторические периоды. Козлов посвятил также небольшие самостоятельные очерки монастырям Архангельской губернии (в т.ч. Соловецкому монастырю).

Описание Вологодской губернии в новом издании напечатано не было. Возможно, в Департаменте Генерального штаба посчитали, что работа П. К. Услара сохраняет актуальность.

Публикация «Материалов для географии и статистики России» осуществлялась в период кардинальных преобразований в военной сфере, проходивших под руководством военного министра Д. А. Милютина. Среди прочего по его инициативе была создана система военных округов. На военно-окружные штабы среди прочего налагалась обязанность составлять военно-статистические и военно-географические обзоры находившихся в их ведении территорий. Земли Русского Севера (Вологодская, Архангельская, Олонецкая губернии) входили в состав Петербургского военного округа.

В 1880 г. группа офицеров под руководством начальника Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа генерал-лейтенанта Н. И. Бобрикова начала работу над созданием «Военно-статистического обозрения Петербургского военного округа». Опубликована эта работа была в 1884 г. [3]. В «обозрение» вошли данные о губерниях Русского Севера, находившихся в составе округа, но исторические сведения занимают среди них небольшое место. В целом исторические очерки в военно-статистическом и военно-географических обзорах, носили компилятивный характер, но вместе с тем, большинство из них отличало внимание к источникам и стремление выявить существенные обстоятельства исторического развития той или иной территории.

Источники и литература

1. № 32041 // Полное собрание законов Российской Империи. – Санкт-Петербург, 1858. – Собр. 2, т. 32, отд. 1. – С. 583.
2. № 5318 // Полное собрание законов Российской Империи. – Санкт-Петербург, 1833. – Собр. 2, т. 7. – С. 225–240.
3. Военно-статистическое обозрение Петербургского военного округа : в 2 частях / составлено при Штабе войск гвардии и Петербургского военного округа. – Санкт-Петербург : Тип. Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1884. – 2 ч.
4. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Том 2. Часть 4. Вятская губерния / сост. Ген. штаба поручик Коведяев. – Санкт-Петербург : Типография Департамента Генерального штаба, 1850. – 109 с.
5. Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Том 2. Часть 3. Вологодская

губерния / сост. П. К. Услар. – Санкт-Петербург : Типография Департамента Генерального штаба, 1850. – 382 с.

6. Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Том 2. Часть 1. Архангельская губерния / сост. А. Э. Циммерман. – Санкт-Петербург : Типография Департамента Генерального штаба, 1853. – 282 с.

7. Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Том 2. Часть 2. Олонецкая губерния / сост. А. Э. Циммерман. – Санкт-Петербург : Типография Департамента Генерального штаба, 1853. – 130 с.

8. Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Том 4. Часть 1. Тверская губерния / сост. П. К. Услар. – Санкт-Петербург : Типография Департамента Генерального штаба, 1848. – 326 с.

9. Голицын, Н. С. Всеобщая военная история средних времен : в 3 частях / Н. С. Голицын. – Санкт-Петербург : Тип. товарищества «Общественная польза», 1876–1878. – 3 ч.

10. Голицын, Н. С. Всеобщая военная история древних времен : в 4 частях / Н. С. Голицын. – Санкт-Петербург : Тип. А. Траншеля, 1872–1875. – 4 ч.

11. Государственный архив Кировской области. Ф. Р-139. Оп.1а. Д. 20.

12. Д. А. Милютин: министр, военачальник, ученый / Е. И. Жерихина, Н. Ю. Бринюк, В. К. Копытко, А. А. Михайлов. – Санкт-Петербург : Аврора, 2017. – 416 с.

13. Козлов, Н. И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Том 1. Архангельская губерния / Н. И. Козлов. – Санкт-Петербург : Типография Э. Веймара, 1865. – 343 с.

14. Михайлов, А. А. Военная география и военная статистика в отечественной военной науке: историографический аспект / А. А. Михайлов // Военная география и военная статистика: история и современность / сост.: Н. Ю. Бринюк, Э. Л. Коршунов. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2018. – С. 9–50.

15. Пушкарев, И. И. Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношениях. Том 1. Книга 4. Описание Вологодской губернии / И. И. Пушкарев. – Санкт-Петербург : Типография К. Вингебера, 1846. – 127 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ И СТАНОВЛЕНИЕ ГРАНИЦ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

История далекого прошлого нашего Отечества привлекает исследователей во все времена. Расширение знаний дает ответы на многие вопросы, постепенно исчезают «белые пятна» истории, однако некоторые аспекты древнерусской ойкумены остаются не рассмотренными. Статья посвящена рассмотрению границ Древней Руси до начала раздробленности.

Ключевые слова: Древняя Русь, границы, безопасность, международные договоры.

FORMATION OF THE TERRITORY AND ESTABLISHMENT OF BORDERS OF ANCIENT RUSSIAN STATE

The history of the past of our country attracted the attention of scientists at all times. The expansion of knowledge gives answers to many questions, the «white spots» of history are gradually disappearing, but some aspects of the old Russian oikumen remain unaddressed. The article is devoted to the consideration of the borders of ancient Russia before the beginning of fragmentation.

Key words: Ancient Russia, borders, security, international treaties.

Истории Древней Руси посвящено огромное количество учебников и учебных пособий для разных уровней образования, не утихает интерес к этой теме и в XXI в. [1; 3], однако ни в одном из них нет четкого ответа на вопрос: где проходили границы Древнерусского государства? На наш взгляд, сложность ответа состоит именно в деталях. Понимание границ Древней Руси необходимо для полноты понимания истории Отечества.

Расселение славянских племен по Европейскому континенту происходило на обширной территории, простирающейся от Адриатики, от верховьев Волги и от Эльбы на западе до верхнего течения Дона на востоке. Осваивая в VII–IX вв. все новые территории, славяне по северной, северо-западной и восточной границам расселения вступали в непосредственное соприкосновение с различными народами. Устойчивой границы между ними не существовало, имела лишь подвижная зона славянской земледельческой колонизации, по следам которой и пошла русская и российская государственность.

К концу V в. развитие хозяйства, а также расширение родоплеменных связей постепенно привели к возникновению сильных племенных союзов. Автор «Повести временных лет» перечисляет в славянских областях 14 племенных союзов (народов), в которые входили поляне, северяне, древляне, волыняне, дреговичи, радимичи, вятичи, кривичи, уличи. Они, по сути, стали основой, на которой возникли ранние политические государственные образования. Их центрами, по мнению ряда историков, были Киев, Новгород, Смоленск, Полоцк, Изборск. На землях финно-угорских племен сложились свои центры – Ростов, Белоозеро, Муром. Создавались предпосылки для образования государства восточных славян.

Уже в начальный период образования союзов между ними стали возникать раздоры, и некоторые славянские племена начали обращаться за помощью к варягам. По одной из гипотез, на землях славян в 862 г. появился варяжский князь Рюрик, который со своими братьями обосновался в Ладоге, Белоозере и Изборске, стал проводить активную наступательную политику по отношению к соседям и формировать государство. После его смерти в 879 г. новгородский князь Олег продолжил расширение территорий. Покорив Смоленск и Любеч, он в 882 г. хитростью овладел Киевом и сделал его столицей своего княжества, а в последующем государства Древней Руси. Удобное геополитическое положение Киева, характеризующееся близким расположением к крупным средневековым государствам – Византии и Хазарскому каганату, обусловило рост влияния русских князей в международных отношениях. Русью в IX–X вв. назывались, прежде всего, территории, расположенные вокруг Киева и Новгорода и вдоль главного торгового пути «из варяг в греки», который проходил из Балтийского в Черное море. Территория остальных славянских племен не входила в сформированное Древнерусское государство. К концу IX в. К Древнерусскому государству стали добровольно и насильственно присоединяться другие славянские территории и народы. После кривичей и полян покорены древляне, северяне и радимичи. Под властью Олега оказались главные племена русских славян, а также все их важнейшие города. Таким образом, Русь стала одним из крупных

государств Средневековья.

Внутреннее пространство Древнерусского государства не имело четко выраженных естественных препятствий – гор, морей и больших рек, но содержало в себе, помимо пути «из варяг в греки», путь в Персию и Индию через Волгу и Каспийское море, а также через Киев в Центральную Европу и из Новгорода через Балтийское море в Скандинавию. Торговые пути, с одной стороны, являлись экономически выгодными для развития государства, а с другой – затрудняли обеспечение безопасности рубежей Древней Руси. Поэтому на этом этапе исторического развития определить границы Руси можно лишь условно.

В летописи преподобного Нестора отмечено, что на западе Русь граничила с Польским, Чешским и Угорским государствами, однако в тексте первоисточника не указана четкая линия прохождения этой границы.

К X в. граница с польским государством проходила в районе линии от Кракова до Татр. Разграничение с Угорским государством проходило по системам горных хребтов северной и западной части Карпат (Бескиды), далее через приток Дуная реку Грон и через Подкарпатские низменности к реке Тиса до южных Карпат [2, с. 138–142]. На юго-востоке границы Руси доходили до бассейнов рек Красивая Меча и Быстрая Сосна в Верхнедонском Правобережье [5, с. 244].

Следует отметить, что в это время силовые методы освоения новых земель начали преобладать над распространенной ранее естественной колонизацией. Из крупнейших походов киевских князей в X в. для освоения новых земель можно отметить: поход Олега на Византию 907 г., походы Игоря (912–945 гг.), Святослава (945–972 гг.). В результате походов не только устанавливались торговые отношения с соседями, но и расширялась территория государства. Наиболее крупных успехов в деле укрепления границ Киевской Руси добился Святослав в ходе походов 965–972 гг. Победена Волжская Булгария, полностью разгромлена Хазария, присоединена территория вятичей, а на берегах Русского моря и Дуная возникли торговые форпосты – Тмутаракань и Переяславец. Границы огромного государства в IX в. проходили по берегам Онежского и Ладожского озер, Финского залива, на юге – южнее Киева, на западе – по верховьям Днестра, Прута и Западного Буга, на востоке – по верховьям Волги. К концу X в. протяженность рубежей Киевской Руси составляла около 6 тыс. километров, а в середине XI в. в период своего расцвета достигала 7 тыс. км. У Руси еще не существовало государственной границы в ее современном понимании, то есть законодательно закрепленной соглашениями с соседями, строго обозначенной на карте и на местности, надежно защищенной пограничной стражей, оборудованной в инженерном отношении.

В Древней Руси данный вид деятельности являлся прерогативой княжеской власти, которая, по образному выражению В. О. Ключевского, первоначально выступала в качестве «пограничного сторожа» и лишь затем, объединившись с торговой верхушкой городов, превратилась в структуру, заботившуюся об обороне границ страны и о поддержании безопасности движения торговых людей к заморским рынкам. Именно бесконечные вооруженные столкновения с соседями (в первую очередь с кочевниками) побуждали Древнерусское государство заботиться об усилении вооруженной охраны собственных границ. Для защиты от кочевников киевские князья содержали сторожевые заставы на оборонительных рубежах, воздвигнутых в X в. вдоль границ Древнерусского государства по рекам Суле, Стогне, Роси.

Однако на западе присоединение Древнерусским государством новых земель уже в этот период начало закрепляться в договорах (рунных грамотах). Примерами могут служить договор Игоря в 944 г. с греками, договор Ярополка I в 985 г. с болгарами, а также соглашение Ярослава Мудрого в 1047 г. с польским королем Болеславом II.

На юге и востоке государственные рубежи находились в постоянном движении, договоры с кочевыми народами не заключались. В. В. Похлебкин напоминает, что «в период существования Древней Руси (882–1239 гг.) ее южная граница, проходившая в основном по линии распространения лесов и лесостепных ландшафтов, за период 300–350 лет не фиксировалась и по существу оставалась все время в подвижном, изменяемом состоянии, поскольку обитавшие и сменявшие здесь друг друга народы вели кочевой образ жизни и могли под давлением более сильных пришельцев уходить из этого региона, покидать его насовсем, уступая место агрессорам» [4, с. 21]. Более того, нанося удары по опасным соседям, князья не организовывали должной охраны и защиты границ на тех направлениях, где княжеской рати не было. В результате на месте разбитых врагов появлялись новые, которые беспрепятственно могли совершать разбойные набеги на территорию молодого государства.

В период княжения сына Святослава – Владимира (980–1015 гг.) – продолжала осуществляться политика государства по расширению и укреплению территорий: приведены к полному подчинению радимичи и вятичи (981–984 гг.), захвачены Перемышль и другие города нынешней Западной Украины, покорены ятвяги (древнелитовское племя) (983 г.), осуществлен поход на волжских болгар. В 988 г. Владимир силой овладел Херсонесом (Корсунем), где принял христианство и женился на сестре византийского императора Анне. После этого он вернулся в Киев и провозгласил христианство основной религией на Руси. Этот процесс сыграл свою положительную роль в укреплении государства и упрочении его рубежей.

Во-первых, различные славянские племена были объединены в единую древнерусскую народность, представители которой теперь готовы были защищать границы всего государства, а не только своей «малой» родины. Во-вторых, Русь становилась равноправным субъектом международных отношений на европейской политической арене, что сказывалось на признании ее государственных границ. В-третьих, в период междоусобных княжеских войн снизилось стремление некоторых князей к разделу государства на отдельные княжества. Кроме того, введение на Руси православного христианства постепенно стало приводить к размежеванию Древнерусского государства с католическими западнославянскими соседями, что повлекло за собой изменение организации охраны западной границы.

Изначально избранная русскими князьями стратегия нанесения упреждающих ударов по наиболее воинственно настроенным соседям на их же территории не обезопасила русские границы. Поэтому одним из направлений внешнеполитической деятельности князя Владимира стала оборонительная стратегия – не только охрана, но и защита южных пределов Руси от кочевников (печенегов). В этот период начала значительно укрепляться южная граница Древнерусского государства. По рекам Десна, Остер, Трубеж, Сула и Стугна строились города, для обороны возводились новые укрепления и восстанавливались старые, были насыпаны курганы для сторожевых постов, а все укрепления и курганы на важных направлениях связаны между собой земляным валом и частоколом. Так была создана укрепленная черта для защиты Древнерусского государства.

Таким образом, формирование границ Древнерусского государства проходило на протяжении всего рассматриваемого исторического периода. Отсутствие нормативного закрепления понятия «граница» приводило к ее условному начертанию. Огромные пространства, лежащие к востоку от русских земель, и вовсе делали установление границ ненужным.

Источники и литература

1. Деревянко, А. П. История России с древнейших времен до наших дней : учебное пособие / А. П. Деревянко, Н. А. Шабельникова, А. В. Усов. – Москва : Проспект, 2017. – 670 с.
2. Добрянский, А. И. О западных границах подкарпатской Руси со времен св. Владимира / А. И. Добрянский // Русин. – 2009. – № 4. – С. 138–160.
3. Павликов, С. Г. К вопросу о происхождении российского государства / С. Г. Павликов, С. С. Цуканов // Государство и право. – 2012. – № 2. – С. 102–109.
4. Похлебкин, В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах. В 3 выпусках. Выпуск 1. Ведомства внешней политики и их руководители / В. В. Похлебкин. – Москва : Международные отношения, 1992. – 285 с.
5. Тропин, Н. А. Юго-восточная окраина Руси: этнокультурное единство и региональные особенности / Н. А. Тропин, С. И. Андреев // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 2. – С. 243–246.

«В ЧЕРНЕЦАХ БОЯРИН БОЯРСТВА НЕ СОСТРИЖЕТ»? (БЛАГОЧЕСТИЕ ЭЛИТЫ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ XVI В.)

В статье рассматриваются вопросы специфики взаимоотношений ктиторов, принадлежавших к боярской аристократии, и опекаемых ими монашеских обителей в Русском государстве XVI в. Исследование строится вокруг Послания Ивана Грозного 1573 г. в Кирилло-Белозерский монастырь, содержащего полемику о соблюдении монастырского устава знатными постриженниками.

Ключевые слова: Русское государство, церковь, знать, монастыри, благочестие, коммеморация.

«WILL THE BOYAR CUT HIS BOYAR'S RANK IN THE MONASTERY? » (THE PIETY OF THE ELITE IN THE RUSSIAN STATE OF THE 16TH CENTURY)

The article discusses the specifics of the relationship of the investors ("ktetor") who belonged to the boyar aristocracy and the monasteries in the Russian state of the 16th century. The study is built around the Epistle of Ivan the Terrible in 1573 to the Kirillo-Belozersky Monastery, which contains a polemic about the observance of the monastery order by noble princes who became monks.

Keywords: Russian state, church, nobility, monasteries, piety, commemoration.

«Ино ли то путь спасения, что в черньцехъ бояринъ бояръства не състрижетъ, а холопъ холопства не избудеть?», – известный упрек в нарушении иноческого благочиния, брошенный в Послании в Кирилло-Белозерский монастырь 1573 г. царем Иваном Грозным старцам Ионе Шереметеву, Варлааму Собакину и Иоасафу Хабарову, а вместе с ними и всем знатным постриженникам русских обителей XVI века [3, с. 162]. Обычно причину царского недовольства справедливо видят в том, что Иван по челобитию монастырской братии вынужден был вникнуть в детали конфликта между монастырем и представителями «оппозиционной знати», укрывшимися за монастырскими стенами от его государевой опалы и передавшими в монастырское управление свои вотчины. Но анализ этой ситуации в контексте государственной и церковной политики «предписанного православия», предусматривавшей закрепление новых норм благочестия, касавшихся, в первую очередь, высших слоев населения, позволяет обнаружить в ней и иные нюансы.

Благочестие элиты, одним из ярких проявлений которого была благотворительность в пользу церкви, служило источником экономического и культурного процветания русских монастырей в эпоху позднего Средневековья. Строительство и ремонт монастырских церквей и келий, украшение храмов росписями и иконами, снабжение их богослужебными книгами и утварью было бы невозможно без участия состоятельных благотворителей. Еще с домонгольского времени монастыри были традиционным местом родовой коммеморации удельных князей и боярства, выступавших ктиторами «своих» обителей. По мнению С. Ю. Шокарева, эта традиция сохранялась и в удельной Руси XIV–XV вв., и значительное количество монастырей Москвы и ее окрестностей были ктиторскими [7, с. 385].

Взаимоотношения между монашеской обителью и ее покровителями не могли быть простыми. Как отмечал С. Б. Веселовский, только монастырь обеспечивал сохранное на протяжении длительного времени место упокоения членов княжеского или боярского рода и поминание их душ [1, с. 328], за что и получал в виде поминальных вкладов значительные земельные угодья и другие крупные ценности. Но знатный вкладчик, даже принимая на склоне лет или по каким-либо другим обстоятельствам монашеский постриг в опекаемой им обители, не мог полностью избавиться от прочно усвоенных представлений о власти знатного человека над теми, кто находился ниже его на социальной лестнице, и свободе распоряжаться своими вотчинами и прочим имуществом. Неоднозначность толкования границ «ктиторского права» порождала феномен «частного владения» церквями и монастырями и многочисленные несуразности, и конфликты в отношениях церковных учреждений с их благодетелями [5, с. 33–76]. Была распространена практика временной передачи монастырю вотчинных владений (например, на период «отъезда» владельца к другому великому князю), мены угодий.

Пока знать в лице удельных князей и бояр-вотчинников сохраняла относительную

независимость от сюзерена, церковь почти не имела инструментов для обуздания ктиторского самовластия. Но при деде и отце Ивана Грозного в централизованном Русском государстве происходит постепенная смена статуса высших социальных групп. Боярство становится высшим чином «служилых людей по отечеству», чья судьба и вотчины оказываются в воле государя [2]. Одновременно складывается «симфония» государственной и церковной власти (важным этапом этого процесса стала борьба с ересью «жидовствующих»).

Крупные монастыри (в первую очередь Иосифо-Волоколамский и Троице-Сергиев) устанавливают для своих благодетелей четкие рамки материального выражения их благочестия. Чтобы быть включенными в монастырские поминания, нужно было внести вклад в определенных монастырем размерах. Не все ктитория согласились принять новый порядок отношений, настаивая на соблюдении старой традиции — монастырь должен быть благодарен за любое подаяние и без всяких условий выполнять свою коммеморативную функцию.

На этой почве возник конфликт между Иосифо-Волоколамским монастырем и княгиней Марией Голениной — вдовой князя Андрея Федоровича Голенина-Ростовского, о котором известно из Послания Иосифа Волоцкого [4]. Суть претензий княгини состояла в том, что пока у нее были деньги, она неоднократно давала в обитель милостыню, но этого, якобы, оказалось мало. Теперь с нее требуют еще вкладов, иначе не будут поминать на службах ее умерших сыновей.

Иосиф Волоцкий сначала кратко увещевает Голенину, ссылаясь на Писание, — смерть ее детей служит напоминанием о греховности знатности и богатства. Единственный способ спасти их грешные души — отдать в монастырь для раздачи нищим и убогим все, что осталось от них ей в наследство. А дальше он переходит к «практическим примерам», кто из представителей знатных родов не поскупился и дал в монастырь значительные средства, а главное — земли и деревни с крепостными, чтобы получить годовое поминание.

Образцом возроптавшей княгине должны были послужить удельные князья Борис Васильевич Рузский со своей княгиней Ульяной и Иван Борисович Волоцкий — основные ктитория Иосифо-Волоколамской обители и всех прочих монастырей в своих уделах («и монастырь, и что есть монастырей, — все божи да их» [4, с. 354]). Но когда они захотели, чтобы их имена вписали в годовое поминание, то дали по себе села («Ино как в годовое поминание, хто себя пишет навек, так и села у монастыря на век» [4, с. 356]).

Иосиф Волоцкий настаивает, что «монастырский обычай» поминать вечно только при условии передачи его обители вотчинного права на села, не подразумевает уступок представлениям княгини о благочестии и традициях взаимоотношений монашеской общины и семьи ктитория. Основание этого «обычая» — необходимость поддержания всех сфер деятельности монастыря, от духовных до самых прозаических. При этом Иосиф Волоцкий утверждает, что многих в его монастыре поминуют бесплатно, но те, кто может заплатить, должны это сделать, проявив максимальную щедрость.

Сторонником «нестязательства» в монастырской жизни был идейный противник Иосифа — Вассиан Патрикеев (князь Василий Иванович Патрикеев, насильно постриженный в монахи и сосланный в Кирилло-Белозерский монастырь). В своих полемических сочинениях он подчеркивал, что иосифляне искажают древние нравственные принципы благочестия, содержащиеся главным образом в евангельских проповедях. В это время в оценке идеала монашеского служения часть русской знати, склонная к религиозной рефлексии, сблизилось с заволжскими старцами.

При великом князе Василии III светская власть и монастыри нашли временный консенсус. Но уже при Иване Грозном государство столкнулось с проблемой монастырского вотчинного землевладения, над которым оно оказалось не властно. И во время подготовки Стоглавого собора 1551 г. вновь был актуализирован вопрос взаимоотношений монастырей и их крупнейших вкладчиков-благодетелей. Подходы к его решению были зафиксированы в 75-й главе «Ответ о вотчинах и куплях» Стоглава [6, с. 197–200]. В ней тесно переплелись экономический и религиозный аспекты.

С одной стороны, царь и церковные иерархи выступают как сторонники соблюдения утвердившейся «иосифлянской» практики благочестия. О передаче знатью своих вотчин монастырям «в наследие благ вечных» в Стоглаве говорится как о вполне обыденной вещи. При этом и от монашеской братии требуется неукоснительно соблюдать условия коммеморационного контракта — записывать ктитория в синодики и поминать их вечно, «доколе Бог даст и монастырь стоит». С другой стороны, мотивируя это ограничение заботой о

сохранении целостности «Божьего имущества», монастырям запрещают осуществлять с отданными им «на помин души» селами операции передачи или продажи их иным собственникам. Церковным и мирским людям грозит наказание и за попытки похитить или отнять силой то, что вложено в монашескую обитель в залог коммеморации. Но, каким бы это не казалось парадоксальным, при этом ктитория сохраняют определенные права на переданную монастырям недвижимость. Если вкладчик отпишет ее в данной или духовной грамоте своим наследникам, то после его кончины обитель обязана вернуть ее таковым.

Таким образом, в тексте Стоглава была заложена возможность неприятных коллизий во взаимоотношениях монастырей и их благотворителей. Вкладчик-земледелец мог на законных основаниях передать монастырю свою вотчину «на век», а потом завещать ее, кому сочтет нужным. Это создавало благоприятную почву для самовластия знатного и богатого ктитория, оказавшегося в ограде облагодетельствованного им монастыря. Монашеская братия, чтобы сохранить за своей обителью земельные вклады и другое недвижимое имущество, должна была либо подчиняться прихотям ктитория и стараться угождать им, либо обращаться за помощью к царю и митрополиту. А дальше уже многое зависело от того, в милости или опале у верховной власти находился тот, на кого жаловались. Упрекая монахов Кирилло-Белозерского монастыря («А бояре к вамъ пришедь свои любострастныя уставы ввели: ино то не они у васъ постриглися, вы у нихъ постриглися, не вы имъ учителя и законоположители, они вамъ учителя и законоположители» [3, с. 150]), Иван Грозный, на самом деле, констатировал распространенную ситуацию. Недаром царь перечисляет и другие примеры «вельможного» житья знатных постриженников в крупных монастырях: Василий Шереметев и бывший митрополит Иоасаф, Мисаил Сукин и Иона Мотякин.

Царь утверждает, что в конфликте, возникшем между двумя знатными постриженниками Ионой Шереметевым и Варлаамом Собакиным, виновата сама братия монастыря, допустившая «ослабления» монашеского жития для своих богатейших ктитория. Благочестие нарушили и те, и другие, поступая не по-христиански («ино то Махметова прелесь»), перенося влияние мирской славы и богатства из мира в монастырь и чуть ли не в царствие небесное [3, с. 162]. Поэтому Иван, сам великий грешник, вынужден поучать и монахов, и своих бывших бояр.

Подчеркивая, что его нарастивший гнев на опальных вельмож, ставших монахами и таким образом вышедших из-под его власти, здесь ни при чем, царь не преминул напомнить кирилловской братии о другом знатном ктитория их обители – В. И. Воротынском. Над его гробом монахи позволили его вдове поставить церковь (придел к монастырскому Успенскому собору), в то время как преподобный Кирилл еще не был удостоен своего храма, да еще и восхваляли поступок и щедрость вдовы князя. В Послании Иван ни разу не апеллирует к церковному законодательству, а только к монастырскому уставу и общим традициям благочестия, Христовым заповедям и заветам чудотворцев – основателей русских обителей. Он настойчиво указывает на то, что в тупик монастырь завела погоня за знатными вкладчиками и постриженниками. Якобы она же привела к духовному упадку Троице-Сергиева и Саввино-Сторожевского монастырей [3, с. 165].

По мнению царя, причина роскошества новоявленных иноков – отсутствие у них истинного благочестия, вынужденное пострижение, насильное или добровольное, но совершенное не по внутренней потребности, а в желании избежать наказания в миру. Но, как показывает случай Иоасафа Хабарова, которому Иван не может отказать в признании его благочестивого поведения еще в бытность того вельможей, знатным постриженникам было трудно, а иногда и просто невозможно смириться со сменой привычных бытовых условий, отказаться от присущего их социальной группе повседневного образа жизни. Пока знатные иноки-ктитория сохраняли право распоряжаться своей земельной собственностью и обладали достаточными средствами для поддержания прежнего уровня пользования материальными благами, конфликта между их личными представлениями о границах допустимого в монашестве и уставными монастырскими нормами было не избежать.

Источники и литература

1. Веселовский, С. Б. Очерки по истории опричнины / С. Б. Веселовский. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1963. – 539 с.
2. Зимин, А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV–первой трети XVI в. / А. А. Зимин ; отв. ред. В. И. Буганов. – Москва : Наука, 1988. – 348, [1] с.
3. Послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь // Памятники литературы

Древней Руси. Вторая половина XVI века : сборник / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. – Москва, 1986. – Вып. 8. – С. 144–169.

4. Послание Иосифа Волоцкого княгине Голениной // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV–первая половина XVI века : сборник / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. – Москва, 1984. – Вып. 6. – С. 350–357.

5. Стефанович, П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках / П. С. Стефанович. – Москва : Индрик, 2002. – 349 с.

6. Стоглав : текст, словоуказатель / Институт российской истории Российской академии наук, Национальный совет исследователей Италии ; подгот. Е. Б. Емченко. – Москва ; Санкт-Петербург : Издательский центр Института российской истории РАН : Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 318, [1] с.

7. Шокарев, С. Ю. Коммеративные практики московского боярства в XVI–XVII в. / С. Ю. Шокарев // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании : материалы XXXI Международной научной конференции, Москва, 12–14 апр. 2018 г. / Российский государственный гуманитарный университет, Историко-архитектурный институт, Высшая школа источниковедения, специальных и вспомогательных исторических дисциплин ; Российская академия наук, Институт всеобщей истории. – Москва, 2018. – С. 384–386.

Трапезников Д. А.
Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва (г. Саранск)
Научный руководитель: Григорькин В. А.
канд. ист. наук
Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва (г. Саранск)

«ГУЛЯЙ-ГОРОД»

Во все времена ключ к победе в сражении лежал в удачном комбинировании различных родов войск. Не стала исключением и военная эпопея Московского государства. Взаимодействие пехоты и кавалерии, которое достигалось с помощью гуляй-города, склонила чашу весов на сторону Москвы во многих сражениях. Но что же из себя представлял гуляй-город? Как взаимодействовала с ним конница? Какого истинное значение этого средства, недооценённого исследователями?

Ключевые слова: Гуляй-город, гуляй-воевода, вагенбург, конница, пехота.

«GULYAY-GOROD»

At all times, the key to victory in the battle lay in a successful combination of different types of troops. The military epic of the Moscow state was no exception. The interaction of infantry and cavalry, which was achieved with the help of Gulyai-Gorod, tilted the scales on the side of Moscow in many battles. But what was the city like? What were the methods of interaction of cavalry with him? What is the true meaning of this tool, underestimated by researchers?

Key words: walk-city, walk-Governor, wagenburg, cavalry, infantry.

Несмотря на значительную нехватку первоисточников по военной истории Московского государства в XVI в., источники по данной теме довольно разнообразны. Это и русские летописи [12, с. 92], и свидетельства иностранцев [5, с. 37–38] а также многочисленные документы того времени [9, с. 17–32]. Первым трудом, сообщавшим об этом сооружении, стали «Очерки из истории конницы» Плева, который особо подчёркивал значение их взаимодействия с конницей: «в случае же неудачи атаки она уходила враспыльную за свою пехоту, которая обыкновенно располагалась в так называемом гуляй-городе, то есть вагенбурге, и оборонялась в ожидании, пока конница не успевала устроиться и вновь вступить в бой» [11, с. 79] Однако наиболее точное определение понятию гуляй-город дали Брокгауз и Ефрон в своём энциклопедическом словаре [3, с. 68] Позже, уже в советское время в том же ключе говорит о них и Р. Г. Скрынников: «Его полк, отступая, увлек татар к стенам «гуляй-города». Залпы русских пушек, стрелявших в упор, внесли опустошение в ряды татарской конницы и заставили ее повернуть вспять» [13, с. 145]. Наиболее подробно о них говорит В. В. Пенской подчёркивая важную роль гуляй-города в тактике пищальников и стрельцов [10, с. 175]. Тем не менее почти ни одно исследование не давало подробного объяснения различным способам использования и истинного значения гуляй-городов в московской армии XVI в., именно этот пробел и намерен попытаться заполнить автор.

Появление огнестрельной пехоты является поворотным моментом в военной истории Московской Руси. Однако без должного прикрытия пищальники, а позднее и стрельцы оказывались беззащитны перед массами вражеской конницы, которую активно использовали, как осколки Золотой Орды, так и польско-литовское государство.

На западе данная проблема была решена путём создания отдельных боевых подразделений – пикинёров, однако из-за степной тактики, которая подразумевала истощения противника, а также отсутствия аналогов тяжёлой конницы (ливонских рыцарей или польских гусар) создание чего-то подобного было неразумным.

Альтернативой послужили так называемые «вагенбурги», которые получили широкое распространение в гуситских войнах. Вероятно, именно с немецкими наёмниками, которые начали поступать на московскую службу в начале XVI в. и был заимствован «гуляй-город».

Гуляй-город представлял собой средство полевой фортификации в виде связанных между собой изнутри цепью повозок с водружёнными на них станковыми щитами, которые имели бойницы для стрельбы.

В обиход подобные сооружения вошли с развитием «пороховой революции», когда из пехоты

выделились наиболее эффективные и наиболее уязвимые для конных атак подразделения пищальников и пушкарей.

Гуляй-города являлись сложной тактической единицей, в которую входила не только пехота, но и конница. Общий контроль над ее действиями осуществлял «гулевой воевода [8, с. 84] (ср. с описанием гуляй-города, сделанным И. Тимофеевым и Дж. Флетчером [14; 15]).

Известно, что обоз не являлся отдельной частью войска, а являлся «полковым», то есть каждый полк сопровождал свой «скарб», и в случае сражения или внезапной атаки бойцы и создавали «гуляй-город», который являлся практически непреодолимой преградой для конницы, но при таком случае внезапная атака должна была уничтожить неподготовленные к конному натиску пехотинцев (битва при Чашниках 1564 г.).

Однако обычно пехота двигалась за лёгкими конными разъездами, которые были подведомственны «гуляй-воеводе», они и принимали на себя первый натиск врага, давая время пехоте построиться в боевой «гуляй-город».

Также есть упоминания о том, что за каждой повозкой «гуляй-города» закреплялось именно десять человек, то есть отдельное подразделение, с отдельным командиром-десятником, что делает гуляй-город тактической единицей пехоты московской армии XVI в. [6, с. 171].

Как же на практике применялись «гуляй-города»? К сожалению, случаев использования его в русских армиях описано не так много.

Первый раз «гуляй-города» упоминаются при осаде Казани в 1530 г. Обороняющиеся смогли сделать удачную вылазку и захватить большое количество тяжёлых затинных пищалей в «гуляй-городе», что нашло отражение в летописи: «И обозу города гуляя не сомкнуша, а се промеж воеводами пришла брань, а люди в розстрое. В те поры пришла черемиса казанская город гуляя взяли и наряду пищалей с семидесят и зельи и ядер немало взяли» [12, с. 68].

Этот случай также отражает и одну из немногочисленных слабостей «гуляй-города». Ведь если сооружение было недостаточно укреплено или «не сомкнуша», оно не выдерживало стремительного конного натиска.

Со временем «гуляй-город» становится опорной базой кавалерии, позволяя осуществлению следующих маневров.

Первый, самый очевидный, приём в дальнейшем будет известен у казаков как «вентерь». Осознав, что первый натиск провалился, а «гуляй-город» уже развернулся, русские конники пускались в ложное отступление подводя противника под залпы «гуляй-города». В битве при Молодях огромные потери от первых залпов «гуляй-города» заставили крымского хана, оставить практически беззащитную Москву и идти на выручку своим царевичам [4, с. 171]. Также использовался данный приём и в сражении при Добрыничах 1605 г. [6, с. 56].

Другим приёмом является контратака свежих сил из «гуляй-города». Подобное имело место как в Молодинской битве, так и в битве под Москвой 1591 г. [1]. Конница, отдохнув и перегруппировавшись за его стенами, внезапно нападает на противника, поддержанная огнём из вагенбурга. Данный приём является довольно рискованным, так как раскрывает сам «гуляй-город», и в случае неудачи есть риск, что столь ценное средство окажется смертельной ловушкой для загнанных в угол кавалеристов.

Интересный приём мы находим в сражении при реке Ходынка 1608 г. Здесь участвовало несколько «гуляй-городов» (Рис. 1). Согласно карте и описанию битвы отряды под номером 1 и 2 (три казачьи хоругви) повернули назад и попали под «вентерь», отряд 3 (гусарская хоругвь и присоединившиеся к ней хоругви) смял московскую конницу и спешил для захвата «гуляй-города», помеченного как «Обоз», тем самым позволив московской коннице перегруппироваться у других «гуляй-городов» и пойти в контратаку. Перейдя в контратаку, московская кавалерия гнала неприятеля до реки Ходынки. Почему же три казацкие хоругви обратились в бегство от огня «гуляй-города», а в одной гусарской «пало несколько лошадей»? (хотя именно в противовес тяжёлой коннице и был создан вагенбург). Этот факт и довольно быстрая перегруппировка подталкивает к мысли о том, что взятие гусарами «гуляй-города» было спланировано, а, чтобы захваченные пушки и пищали не были направлены против своих, бойцам было выдано ограниченное количество пороха и боеприпасов, что и объясняет резкое падение интенсивности огня, именно отступающих из «гуляй-городов» стрелков и увидел хорунжий польского войска у фланга наступающей хоругви [8].

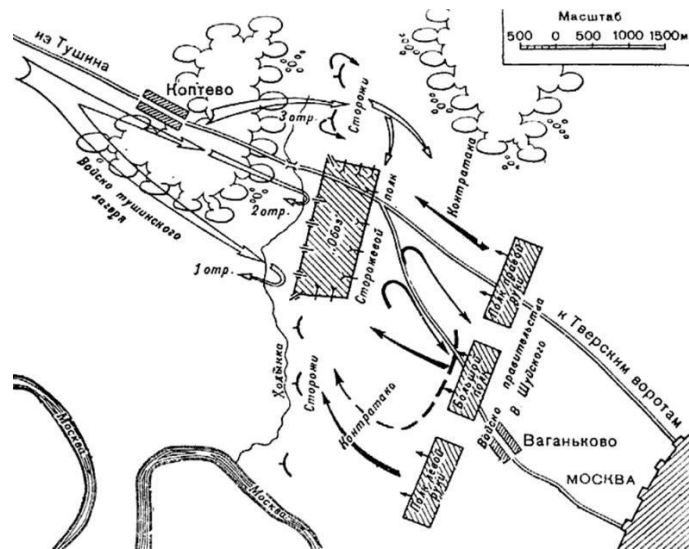

Рис. 1. Схема сражения при реке Ходынка 1608 г.

Растаскивание армии по частям, сокращение боеспособности большей части конников путём спешивания, контратака и прочие сложнейшие манёвры, которые были осуществлены с помощью «гуляй-городов», показывают, насколько высокого уровня достигла выучка русских войск в обращении с этим средством.

В смутное время возникла проблема противодействия мощным атакам польских гусар. Несколько лёгких конных отрядов уже не могли задержать тяжёлую конницу, и пехота, не успев построить «гуляй-город», подвергалась истреблению [2, с. 10].

Альтернативой громоздкому «гуляй-городу» стала более лёгкая в построении система отрожков и рогаток, которая была заимствована из Нидерландских войн Скопиным-Шуйским. Несмотря на это, «гуляй-город» ещё использовался некоторое время, иногда комбинируясь с новыми средствами полевой фортификации [2, с. 10]. Кроме того, конец постоянному противостоянию на окском рубеже положило укрепление засечных черт и отодвигание южной границы к Белгородской линии.

«Гуляй-города» являются одной из важнейших составляющих пороховой революции в России. Пришедшие с запада, они сыграли огромную роль в обороне, как от западных интервентов в годы Смуты, так и в вечной войне со степью. Ведь именно широкое использование полевых укреплений и массивованное применение артиллерии и огнестрельной пехоты перетянуло чашу весов в русско-степных конфликтах на сторону Москвы (битвы под Молодями, под Москвой 1591 г.). Конечно, подобный перевес ещё не ставил окончательную точку в русско-ордынских конфликтах, однако с каждым разом победы «гуляй-города» над конными ордами становились всё сокрушительней, и стало понятно, что победить московскую армию в открытом бою уже не получится. Даже политические планы противника откатились от завоевания до банального грабежа.

Источники и литература

1. Бибииков, Г. Н. Опыт военной реформы 1609–1610 гг. / Г. Н. Бибииков // Исторические записки / отв. ред. Б. Д. Греков. – Москва, 1946. – Т. 19. – С. 3–16.
2. Бибииков, М. В. Византийские исторические сочинения. Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. Тексты. Перевод. Комментарий / М. В. Бибииков; под ред. В. Т. Пашуто. – Москва : Ладомир, 1997. – 185 с.
3. Величко, К. И. Гуляй-город / К. И. Величко // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Санкт-Петербург, 1893. – Т. 9А. – С. 456.
4. Генерал-вагенмейстер // Военная энциклопедия: [в 18 т.] / под ред. В. Ф. Новицкого [и др.]. – Санкт-Петербург, 1912. – С. 227.
5. Копия с письма, присланного в Варшаву на имя пана Радивиля Великим Гетманом Литовским, с известием об одержанной им победе в сражении с москвитянами, и о том, какая богатая добыча досталась его литовской рати, 26-го января, сего 1564 года / пер. М. А. Оболенского. – Текст : электронный // Средневековые исторические источники востока и запада. – URL: <http://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Polen/XVI/1560-1580/Ula1564/text.htm>

6. Курбатов, О. А. Военная история русской Смуты начала XVII века / О. А. Курбатов. – Москва : Квадрига, 2014. – 232 с.
7. Маржерет, Ж. Россия начала XVII в. : записки капитана Маржерета / сост. Ю. А. Лимонов; отв. ред. В. И. Буганов. – Москва : Институт истории СССР, 1982. – 255 с.
8. Мархоцкий, Н. История Московской войны / Н. Мархоцкий. – Москва : РОССПЭН, 2000. – 222, [1] с.
9. Новосельский, А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века / А. А. Новосельский. – Москва ; Ленинград : Академия наук СССР, 1948. – 446 с
10. Пенской, В. В. Военное дело Московского государства : от Василия Темного до Михаила Романова, вторая половина XV – начало XVII в. / В. В. Пенской. – Москва : Центрполиграф, 2018. – 350 с.
11. Плева, П. А. Очерки из истории конницы : курс старшего класса Николаевского кавалерийского училища / П. А. Плева. – Санкт-Петербург : Типо-лит. И. А. Литвинова, 1889. – 246 с.
12. Полное собрание русских летописей. Том 14. Никоновская летопись. – Москва : Язык русской культуры, 2000. – 600 с.
13. Скрынников, Р. Г. Опричный террор / Р. Г. Скрынников. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1969. – 341 с.
14. Тимофеев, И. Временник Ивана Тимофеева / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – Москва ; Ленинград : Академия наук СССР, 1951. – 512 с.
15. Флетчер, Д. О государстве Русском, или Образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем Московским). С описанием нравов и обычаев жителей этой страны / Д. Флетчер. – Санкт-Петербург : Типо-литография Б. М. Вольфа, 1906. – 160 с.

СЕКЦИЯ 2
«ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ»

Путилова Н. В.
канд. пед. наук
АВОУ ВО ДПО «ВИРО»
(г. Вологда)

**ГЕРОИЗМ ПРЕДКОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОЧТЕНИЯ ВЕЛИКОУСТЮГСКОЙ СУНДУЧНОЙ И
КОРОБЕЙНОЙ РОСПИСИ XVII В.**

В статье в социально-историческом и культурно-экономическом аспектах обоснованы причины возникновения и развития великоустюгской сундучной и коробейной росписи XVII в. В аксиологическом аспекте раскрыты ценности росписи. Особенно актуальны в настоящее время темы патриотизма и подвига в сюжетных батальных сценах традиционной великоустюгской росписи, отразившие героизм предков.

Ключевые слова: роспись, традиция, традиционная роспись, сюжетная роспись, батальные сцены, великоустюгская роспись.

**THE HEROISM OF ANCESTORS IN THE CONTEXT OF READING VELIKOUSTYUGSKY CHEST AND BOX
PAINTING OF THE XVII CENTURY**

In the article in the socio-historical and cultural-economic aspects of the reasons for the emergence and development of Veliky Ustyug chest and korobeynoy painting of the XVII century. In the axiological aspect, the values of painting are disclosed. The themes of patriotism and heroic battle in scenes of the traditional Veliky Ustyug painting, reflecting the heroism of the ancestors, is especially relevant now.

Key words: painting, tradition, traditional painting, story painting, battle scenes, Veliky Ustyug painting.

Понять суть процессов, происходящих в великоустюгской сундучной и коробейной росписи, в традициях сундучной росписи XVII в. (далее – великоустюгской росписи), можно лишь в связи с конкретными социально-историческими и общекультурными предпосылками.

Вологодская земля является частью обширного североевропейского региона России. Обширный край лесов и болот, бедная тощая земля, редкое население, разбросанные города – такова картина нашего Севера в XVII в. Население стойко боролось с тяжелыми природными условиями. Собственные промыслы и внутренний обмен, внешние торговые связи и транспортные пути – всё это оживляло жизнь края. Общий уровень жизни на Севере был выше, чем в отдельных уездах. Это нашло свое отражение в развитии на Севере различных видов традиционной росписи по дереву и лубу.

Великоустюгская роспись получила широкое развитие в народных промыслах России XVII в. Предыстория происхождения великоустюгской росписи уходит корнями в далекое прошлое. Городские и деревенские живописцы из Великого Устюга почти все были потомственными мастерами. В XVII в. в городе было более тридцати пяти человек – живописцев-травщиков, которые наносили растительный орнамент на поверхность изделий. Травщикам доверяли изображать окружающую природу: деревья, холмики, растения, кустики, цветы. Художники писали иконы по заказу церквей и монастырей, а также украшали росписью бытовые вещи для горожан. Росписи городских художников были близки традиции иллюстрирования церковной книги, а у деревенских мастеров сюжеты росписи были родственны былине и сказке.

Некоторые художники были грамотными и могли читать сами. Об этом свидетельствуют включенные в роспись надписи, в том числе и с годом выполнения великоустюгской росписи. Например, 1710 г., птица, парящая над войском «Орланъ», «Самсонъ», «Левъ» [2, с. 29, 60]. Другие народные мастера слышали интересные сюжеты от деревенских сказителей, так как большая часть древнерусских произведений дошла до нас в устной передаче, третьи могли взять сюжеты из произведений XVI-XVII вв., «Голубинной книги» или лубочных бестселлеров того времени [2, с. 61]. Часто великоустюгские художники XVII в. изображали легендарных богатырей: Полкан или Кентавр, Бова-Королевич, Королевна Дружевна, царь Александр Македонский, Алеша Попович, Еруслан Лазаревич; мифологических зверей: лев, единорог, грифон; сказочных птиц: Стратим-птица, птица Сирина, птица Алконоста, попугай и невиданные растения. Наряду со сказочно-фантастическими и батальными сюжетами художники отражали в своих росписях и темы, заимствованные из окружающей жизни.

Изучая социально-экономические, общекультурные, духовно-нравственные предпосылки возникновения и развития великоустюгской росписи, мы выделяем пять основных позиций, которые позволяют назвать великоустюгскую роспись истинно народной.

1 позиция. Для народа создавались предметы с великоустюгской росписью. Предметы быта, домашней утвари с традиционными росписями представлены сундуками и коробами различных размеров и конструкций.

2 позиция. Народ и окружающая его действительность являлись объектом изображений в великоустюгской росписи: изображение отдельных легендарных храбрых богатырей и всадников (Полкан, Бова-Королевич, Александр Македонский), характерных сцен из жизни народа (сцены посиделок, прогулок, чаепития, конного выезда, батальных сцен, штурма крепости в сюжетных росписях);

3 позиция. Отражение интересов народа, каждого человека: стремление человека к красоте. Великоустюгская роспись служила украшением. Красота цветения природы поэтично отождествлялась с расцветом молодости и жизненных сил человека. Цветочный орнамент сопровождал даже батальные сюжеты

4 позиция. Народ выступает как субъект искусства, в великоустюгской росписи прослеживается связь с фольклором, историей, обычаями и обрядами, лубочными картинками.

5 позиция. Народ является носителем и хранителем художественного языка и технологии великоустюгской росписи. Скромные лубяные сундучки с росписями из Великого Устюга были участниками важных событий. В книге расходов устюжского архиерейского дома за 1682 г. записано: «Для таможенных книг куплена коробка с замком», «вологодская» [2, с. 18]. Благодаря художественному языку традиционных росписей, мы можем «прочитать» памятники народной культуры, узнать о жизни наших предков, о духовно-нравственных ценностях.

Народ вырабатывает в своей практике и хранит в памяти значимые и понятные для поколений ценности духовной и материальной культуры, поэтому великоустюгская сундучная существует как вид народного искусства.

Великоустюгскую роспись по приемам и технике исполнения относят к графической манере письма, которая пошла от изографов, переписчиков книг, заимствовалась у смежных ремесел, таких как резьба, ювелирное дело, вышивка. Исследователи народного искусства высоко ценили художественное качество «вологодской школы росписи» за мощный декоративный склад и высокие художественные качества росписи, хранившиеся в ее истоках [1, с. 76].

Попытка рассмотреть в историческом аспекте великоустюгскую роспись помогла выявить ее ценности, отражающие героический подвиг наших предков

Историко-культурная ценность великоустюгской росписи раскрывается в процессе соприкосновения культур родственных промыслов северных народов: резьба, иконопись древнерусская декоративная живопись, усольская финифть, книжная миниатюра, оказавших влияние на ее развитие. Ее содержание составляют мотивы, связанные с представлениями об образе жизни народа; этнические представления; знаки счастья и благополучия, добра и зла, символы верности, плодородия, вечности жизни; культура русского народа и фольклор древних славян; мифология; народные обычаи и календарь; батальные и семейные обряды.

Содержательная ценность великоустюгской росписи отражает их сюжетную сторону и раскрывает символику. Эта ценность учитывает содержание мифологической, знаковой, праздничной, конструктивной функций. В росписи представлены сюжеты: батальный (сражения, изображения всадников, стражей); мифологический (птицы, животные, картины мира); геральдический (лев, орёл, конь); богатырский (богатыри и народные герои); зооморфный (птицы и животные) и другие.

Рассмотрим образы великоустюгской росписи с позиций их героического содержания. В росписи раскрывается символика зооморфных и антропоморфных персонажей, связанных с патриотической темой. Например, птица-Сирин, Грифон, орел, лев, конь, Стратим-птица, Полкан, герои батальных сцен. На крышках сундуков XVII в. представлены и сюжеты настоящего боя «Штурм крепости Орешек» (Нотебург) с изображением огнестрельного оружия – пищалей, мушкетов и холодного оружия – копей, бердышей, сабель, мечей. Чтобы передать героизм воинов, художник их показывает монументально, в полный рост на фоне городских стен крепости, изображенных сверху [2, с. 49].

Предание Востока гласит, что «в стране чудес» – Индии родилась легенда о сладкогласной коварной птице-деве Сирин. Заслушавшись ее пением, люди засыпали и становились добычей. У крестьянских художников образ Сирина ассоциировался с представлением о благополучии и

счастье. Во времена языческого поклонения божественным силам природы Сирий изображали с открытой грудью как кормилицу рода, женское начало природы. В облике Сирий – птицы в великоустюгской росписи изображена Екатерина I – супруга Петра I. «Не увлекайся иноземным, не то забудешь свой край родной и погибнешь!» [2, с. 79].

Грифон – «пернатое четвероногое животное, похожее на льва, только с крыльями и головою орла. Обитает в Азиатской Скифии (в Сибири), владеет золотом и серебром. Эти жестокие и яростные птицы набрасываются на тех, кто покушается на их богатства, как будто наказывают за корыстолюбие». Свирепый зверь охранял ценности владельца сундука-терема, чаще всего его изображали на крышке. Мифическое существо – олицетворение высших сил, союза земли и неба. Голова и крылья у него орлиные, а туловище – льва, перья у этого птице-зверя заострены, как стрелы. Величиною он с гору. Мифический зверь полулев – полуорел. Охраняет дерево жизни, страж на пути духовного восхождения. Символизирует бдительность и воинственность.

Лев рассматривался в христианстве и культуре Древнего Востока как «борец со злом» или «каратель за грехи человеческие». На Руси изображению льва приписывали силу, защиту, мужество, благородство. Лев рассматривался как борец со злом, знак солнца, страж, оберег дверей, сундуков.

Стратим-птица – владычица океана, сильная, загадочная птица, прародительница птиц. «Живет Стратим-птица на Окияне-море, Стратим-птица вострепенится, Окиян-море восколыхнется, топит она корабли гостиные, со товарами драгоценными». Сказания утверждают, что это прародительница всех птиц (Ногай – птица, Страфил – птица) [2, с. 61].

Конь. «В древнейшие времена, когда славяне обожествляли всю видимую и невидимую природу, конь считался стихией света – добрый белый конь, стихией мрака – злой черный конь». Конь – знак войны и победы полководца. Демонстрирует власть над войском, «въехать в город на белом коне, значит одержать реальную победу» [3, с. 250].

Орел. В средневековой русской литературе орлу приписывались мифические свойства. Орел, чтобы проверить силу и жизнеспособность своих детенышей, обращал их к солнцу: тех, кто не смог смотреть на солнце прямо, не закрывая глаз, сбрасывал с высоты. Таинственная сила птицы передавалась даже его перьям, поэтому к боевой стреле воина прикрепляли перо орла [2, с. 60]. Это самая сильная, гордая и неприступная птица. Для всех славянских народов олицетворение гордого могущества и вольности. Появление парящего орла над войском служило предзнаменованием победы. Орел олицетворял победу, являлся символом солнца, таинственности.

Полкан. Полукобель – получеловек по имени Китоврас или Кентавр, попал к нам вместе с библейским сказанием о царе Соломоне, наделён в русских народных сказках всеми достоинствами русского богатыря: силой, мужеством, быстротой. Помощник во всех делах, он наделен всеми достоинствами русского богатыря, имя его сменилось на знакомое – Полкан. Славяне почитали его полубогом и приписывали сверхъестественную силу и невообразимую прыткость бега: ведь до пояса он имел тело и сложение человеческое, а ниже пояса являл собою коня, как и древнегреческий кентавр [2, с. 38].

Персонажи былинных богатырей и героев популярных на Руси книг – бестселлеров XVII в., (например: книга «Александрия», рассказывающая о военных походах и доблестях Александра Македонского) [2, с. 46], персонажи лубочных картинок, повестей: Алеша Попович всадник в модном кафтане – любитель пиров и приключений, самый младший на «заставе богатырской»; Самсон, раздирающий пасть льву-бесстрашный силач, борец со злом; Соловей Разбойник – лесной разбойник, ему присуща простота и строгость; Усыня Горынич – сила и мощь; Бова Королевич, Александр Македонский – мужество, храбрость, благородство; Еруслан Лазаревич, Добрыня Никитич, Илья Муромец – решительность, выносливость; всадник-воин освобождает весну от зимнего холода и отпирает весенние воды [3]. Иногда художники изображали в руках всадников флажок – прапор с двумя хвостиками. В XVII в., прикрепленный к рукояти копья «прапорец», представлял знак особого отличия для воина допетровской эпохи [2, с. 29].

Художественная ценность великоустюгской росписи раскрывает значимость самобытного художественного языка, сконцентрировавшего опыт человечества. В батальный сценах присутствовали цвета: красный – жизнелюбие, радость, красота, торжество и победа; зеленый – обновление; цветение, юность; желтый (золотой) – великолепие; оранжевый – гордость, символ земли; синий – вечность мира, истина: белый – чистота, совершенство.

Эстетическая ценность великоустюгской росписи отражает эмоциональный отклик и возможность влияния на формирование эстетических отношений. Содержание ценности

составляют: нравственные чувства (любовь, гордость, оптимизм, сочувствие); интеллектуальные чувства (любопытность, размышление, интерес, наблюдательность); чувства прекрасного (восхищение, вдохновение, торжественность); восприятия (прекрасного в природе); суждения (представление о подвиге, героизме).

Героический потенциал великоустюгской росписи проявляется через приобщение к истории и культуре своей малой родины, региона, России и нации. Осваивая росписи, глубоко связанные с реальными событиями и персонажами древней Руси XVII в., где подвиги героев показывали примеры достоинства, мужества, храбрости и благородства поведения, мы проникаемся гордостью и уважением к историческим традициям русского народа.

В процессе приобщения к народным представлениям о мире, подвиге, героизму происходит освоение «символично-поэтической» и «иллюстративно-повествовательной» систем художественного языка, «знаков-символов». Познание народного быта формирует равнодушное отношение к миру, праздникам и обычаям предков, их героическому прошлому. Исполнение великоустюгской росписи демонстрирует мастерство передавать движения изображений, которые кажутся одушевленными: собираются взлететь птицы, а растения подгоняет ветер. В былинах и сказаниях о героях природа также участвует в подвигах героя, сочувствуя его переживаниям. Между цветами рисовали своеобразные глаза, которые наблюдали за героями и происходящими событиями [2, с. 39]. Приемы рисования сюжетов с «птичьего полета» помогали передавать силу, выносливость или ничтожность земных существ, возвеличивать героизм персонажей, подчинять пейзаж батальному сюжету. Рамки росписи прямоугольной и круглой формы подчеркивали мощь и величину героя, оттесняя изображение в отведенном пространстве сундука или коробы.

Таким образом, уже в допетровскую эпоху народные мастера традиционной великоустюгской росписи отражали сюжеты военных сражений и героизм своих предков в батальных сюжетах в наидание последующим поколениям.

Источники и литература

1. Воронов, В. С. О крестьянском искусстве / В. С. Воронов. – Москва: Советский художник, 1972. – 350 с.
2. Жегалова, С. К. Русская народная живопись / С. К. Жегалова. – Москва: Просвещение, 1974. – 191 с.
3. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / авт-сост. В. Андреева. – Москва: Локид – Миф, 2000. – 576 с.

МУЗЕЙНАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ КАК СРЕДСТВО ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ

В современных сложных условиях осуществления процесса духовно-нравственного воспитания музейные экспозиции, посвященные средневековой истории России и истории сохранения национально-культурного наследия страны, могут способствовать формированию нравственного сознания и нравственного идеала подрастающего поколения.

Ключевые слова: музейная экспозиция, средневековая история, духовно-нравственное воспитание, национально-культурное наследие.

MUSEUM EXPOSITION AS A MEANS OF SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION

In the present difficult conditions of implementation of the process of spiritual and moral education, Museum exhibitions devoted to the medieval history of Russia and the history of preservation of national and cultural heritage of the country, can contribute to the formation of moral consciousness and moral ideal of the younger generation.

Key words: Museum exposition, medieval history, spiritual and moral education, national and cultural heritage.

Духовно-нравственное воспитание подразумевает формирование особых качеств личности в соответствии с идеалами и нормами морали общества. К таким качествам можно отнести гордость за свою страну, готовность работать и служить на благо общества и Отечества, способность к проявлению сочувствия, сопереживания, милосердия, ответственность за свои поступки, скромность, честность, толерантность и т.п.

В современном российском обществе существует достаточно много проблем, которые затрудняют процесс духовно-нравственного воспитания личности. К основным из них можно отнести:

1. Кризис семьи и семейных отношений, снижение значимости семейных ценностей среди молодежи, ответственности за создание и сохранение семьи. В результате наблюдается утрата семейной функции передачи детям и внукам общественно-значимых элементов мировоззрения, навыков общественного поведения, социальной памяти.

2. Отсутствие согласованного влияния на духовно-нравственное воспитание детей и молодежи различных социальных институтов: семьи, образовательных учреждений, государственных и общественных структур.

3. Политическая проблема: государство, которое должно быть заинтересовано в духовно-нравственном воспитании своих граждан, не имеет сегодня четко продуманной и систематизированной политики в этой сфере. К тому же серьезные проблемы в сфере управления, связанные с коррупцией, нарушением законов, негативно влияют на процесс духовно-нравственного воспитания в обществе.

4. Экономическая проблема. В то время как поощряется внедрение различных образовательных программ либерального характера, скопированных с западных учебных заведений, мало выделяется средств на разработку и создание учебно-методической и информационной продукции краеведческого характера, возможности учебных заведений по их реализации, на духовно-нравственное просвещение населения посредством доступности театров, экскурсионных программ, музейных выставок. Как верно отметила доктор педагогических наук И. А. Колесникова, современные процессы воспитания и образования, превращаясь в придаток рыночных отношений, «утрачивают свое человекообразующее значение» [2, с. 31].

5. Неподготовленность, в том числе интеллектуальная, значительной части населения современной России к восприятию духовного содержания культуры. Поэтому необходимо осуществления системы просветительских мер, в том числе музейно-экспозиционного и музейно-педагогического характера, предназначенных не только для детей, но и для взрослого населения.

6. Высокая степень распространения низкоуровневой массовой культуры: повсеместное использование элементов эротики для привлечения населения к просмотру телепередач,

театральных постановок, музейных выставок и т.п. Средства массовой информации, также, как и многие учреждения культуры, в итоге начинают проводить политику не подъема, а снижения духовного уровня российского населения, прикрываясь мотивами экономического выживания и использования современных трендов.

7. Кадровая проблема. Недостаточный уровень культуры и профессиональной компетентности педагогов, журналистов, театральных и музейных работников. Как следствие – необходимость возвращения к традициям организации не только кратковременных курсов, но и целых программ переподготовки и повышения квалификации, которые включали бы элементы духовно-нравственного воспитания и методики его профессиональной организации.

Воспитание моральных норм и принципов требует длительного времени. Исходя из условий современной российской действительности духовно-нравственное воспитание представляет собой весьма сложную задачу, т.к. недостаточно пропагандировать общечеловеческие ценности и нормы поведения, необходимы примеры для подражания и систематизированное одобрение обществом и государством проявления нравственных личных качеств, как и различные виды общественного порицания и наказания за нарушение моральных норм. Только в этом случае моральные нормы и принципы постепенно становятся достоянием личности.

Среди основных функций современного музея можно выделить не только образовательную, но и культурно-воспитательную, при этом одним из средств реализации этой функции является музейная экспозиция. В современной педагогической и музееведческой литературе традиционно рассматриваются методы нравственного воспитания посредством экспозиций, посвященных событиям Великой Отечественной войны, однако не следует забывать о воспитательном потенциале истории средневековья, вещественных и письменных источниках, которые необходимо правильно использовать, прежде всего, для формирования нравственного сознания личности.

Богатейшие музейные коллекции русского декоративно-прикладного искусства, рукописных книг, оружия позволяют создавать представление о высочайшем мастерстве их создателей, что служит не только образовательным целям, но и помогает воспитывать чувство гордости за отечественную историю, уважения к достижениям различных народов нашей страны.

Однако музейные предметы, в данном случае, не достаточно просто выставить в экспозиции, необходимо показать посетителям их ценность и уникальность, а для этого требуется тщательная научно-исследовательская работа сотрудников музея, включение музейных предметов в экспозиционный комплекс, грамотный подбор оборудования и информационного сопровождения.

Отсутствие в современном российском обществе четко выстроенной системы воспитания создает проблему отсутствия у подрастающего поколения определенного образа, идеала, которому следовало бы соответствовать и к которому хотелось бы стремиться в процессе взросления. Многие герои, на примерах которых воспитывались советские люди, обладали такими чертами характера, как доброта, честность, трудолюбие, самоотверженность, мужество. Распад СССР, политическая и экономическая перестройка страны привели к кризису нравственного социалистического идеала личности, к негативным его оценкам. В итоге многие современные школьники имеют искаженные представления о достойных нравственных качествах личности, не умеют эту тему обсуждать и анализировать человеческие поступки.

Музейная экспозиция может помочь в решении данной проблемы, представив примеры не только героического поведения наших предков, но и обыденного, являвшегося частью народной культуры, вызывавшего уважение соотечественников и не потерявшего своей актуальности в современной России.

Образ нравственного идеала, можно формировать на основе экспозиций или выставок, посвященных истории средневековых монастырей. Важно показать, что экономическое благополучие и рост монастырского хозяйства осуществлялся в ходе постоянной трудовой деятельности всей братии, что трудолюбие и старание лежало в основе не только отношений в коллективе, но и помогало выявить наиболее талантливых послушников, обучить их, помочь найти свое место в жизни. Желательно представить в экспозиции материал об отдельных личностях, например, о настоятелях, иконописцах, мастерах, используя летописи, житийную литературу, архивные документы, фокусируя внимание, по возможности, на их человеческих качествах, рассказывая о сложностях их нравственного выбора в определенной жизненной ситуации.

Большим вниманием посетителей всегда пользуются предметы декоративно-прикладного

искусства, изготавливавшиеся в монастырях. Воспитательный потенциал этих музейных предметов, к сожалению, далеко не всегда учитывается разработчиками экспозиций. Рассказ о технике изготовления ювелирных изделий, золотого шитья, отзывы об этих видах декоративно-прикладного искусства западноевропейских путешественников необходимы для формирования представления об уровне российской культуры средневековья, чтобы изменить традиционный стереотип отношения современных школьников к допетровской России как отсталой стране.

Интересной и полезной в воспитательном отношении может быть тематический раздел постоянной экспозиции музея или временная выставка, посвященная вкладам в монастырь. Предметной основой экспозиции могут служить старопечатные и рукописные церковно-богослужебные книги, книги религиозно-нравственного и церковно-исторического содержания, жалованные грамоты или их копии, предметы богослужебного предназначения: церковные ткани и облачения, кресты, иконы, и старинная церковная утварь.

Выставка не только позволит создать представление о значении монастыря в экономической и политической жизни России в определенной период времени, но и познакомит посетителей с монастырем, как центром духовной и культурной деятельности, будет способствовать воспитанию уважительного и бережного отношения к памятникам историко-культурного наследия.

При подготовке информационного сопровождения выставки для усиления ее воспитательного воздействия можно обратить внимание на то, что традиция пожертвований и вкладов являлась общепринятой нормой жизни в Московской Руси. Правители государства являлись примером щедрости для своих подданных. Это было связано с духовно-нравственными представлениями о церкви и царской власти. Представители боярства, дворянства и купечества также следовали эталону поведения представителей власти и делали богатые вклады не только по религиозным причинам.

Вклады и пожертвования не только обеспечивали материальное благосостояние братии, но и способствовали повышению значимости монастыря для верующих и прихожан. Царские реликвии, например, всегда особо бережно хранились в монастырях и демонстрировались паломникам как уникальное наследие обителей, которое стремились увидеть верующие, пришедшие из разных уголков России. Царские вклады были и остаются признанием заслуг монастырей в истории страны, символами тесной связи представителей государственной власти не только с центральными обителями, но и расположенными на окраинах русского государства. Причинами царских вкладов в монастыри могли быть военные победы, моление о рождении наследников, торжественное восшествие на престол и другие события. Широкие образовательно-воспитательные возможности подобной выставки позволят также проводить на ее основе учебные занятия историко-краеведческого содержания.

Актуальная проблема сохранения в музеях национального культурного наследия, исторически сформировавшегося на основе монастырских ризниц и церковно-археологических комитетов, открывает перед сотрудниками музеев еще одну возможную тему краеведческой экспозиции или выставки – историю сохранения памятников церковного искусства и архитектуры в советский период, где на конкретных примерах жизни и деятельности искусствоведов, историков, архитекторов, музейных хранителей можно представить яркие образцы служения высшим жизненным целям, достойные подражания. В каждом регионе страны есть своя история создания, изучения и сбережения музейных коллекций, в основе которой лежит гражданский подвиг многих представителей интеллигенции, часто рисковавших своей жизнью и карьерой ради сохранения памятников истории и культуры. Данная историческая тема имеет очень большой потенциал для духовно-нравственного воспитания людей, независимо от их возраста, национальности и мировоззрения.

Следует отметить, что экспозиция как средство музейной педагогики, будет способствует формированию нравственного сознания и конкретизации содержания духовно-нравственных понятий через реальные впечатления посетителей при наличии комплекса условий [1, с. 13]. К ним можно отнести: учет потенциала музея (состав коллекций, уровень профессиональной подготовленности кадров, экспозиционные площади, научная концепция выставки, ее оборудование и художественное оформление, реклама); осуществление воздействия через образовательную, эмоционально-волевою и мыслительную деятельность посетителей; учет образовательного уровня аудитории, возрастных и индивидуально-личностных особенностей при проведении экскурсий и учебно-воспитательных мероприятий; наличие подготовленных музейных педагогов для организации социально-культурной работы в музеях.

Источники и литература

1. Дерябина, Ю. Г. Социально-культурная деятельность музея как фактор формирования духовно-нравственных качеств молодежи: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Ю. Г. Дерябина. – Тамбов, 2008. – 26 с.
2. Колесникова, И. А. Воспитание духовности и нравственности в эпоху глобальных перемен / И. А. Дерябина // Педагогика. – 2008. – № 9. – С. 25–33.

ВОЖДИ АМУРСКОГО ПОХОДА

Амурский поход 1649–1659 гг. возглавляли выходцы с Русского Севера: Е. П. Хабаров, О. С. Кузнец, А. Ф. Петриловский и другие. В статье даётся обобщённый портрет амурских землепроходцев, анализируются обусловленные объективными и субъективными факторами особенности этой экспедиции, причины сопровождавших её успехов и неудач, историческое значение Амурского похода.

Ключевые слова: Амурский поход, Амурское войско, русские землепроходцы.

LEADERS OF THE AMUR CAMPAIGN

Amur 1649-1659 campaign was spearheaded by people from Russian North: E.P. Khabarov, O.S. Kuznets, Petrilovsky and others. The article deals with the generalized description of Amur pathfinders, analyzed features of this the campaign, the reasons for its successes and failures, the historical value of the Amur campaign.

Keywords: Amur campaign, Amur army, Russian pathfinders.

Амурский поход середины XVII в., предпринятый с целью присоединения Приамурья к русскому государству, традиционно и заслуженно связывают с именем его инициатора и главного организатора – Ерофея Хабарова. Однако при этом зачастую забывают, что Амурский поход продолжался и после вынужденного отъезда Е. П. Хабарова с Амура. Прославленным Амурским войском последовательно руководили три человека: Ерофей Павлович Хабаров (в 1649–1653 гг.), Онуфрий Степанович Кузнец (в 1653–1658 гг.) и Артемий Филиппович Петриловский (в 1658–1659 гг.). В тени знаменитого лидера остаются и другие герои Амурского похода – Степан Васильевич Поляков, Дружина Васильевич Попов, Никифор Павлович Хабаров... При этом большинство ключевых фигур этой масштабной военно-политической операции являются выходцами с Русского Севера – своеобразной «кузницы кадров» для покорения Сибири. В начале XXI в. новый всплеск интереса к происходившему на Амуре вызвало появление работ московского исследователя Георгия Борисовича Красноштанова (1928–2018), которому на основе документов Российского государственного архива древних актов удалось выявить множество неизвестных фактов из истории Амурского похода и обнаружить немало сенсационных биографических сведений о его руководителях. С той или иной степенью точности удалось установить и малую родину перечисленных выше лиц. В рамках административных границ XVII в. они являлись уроженцами Устюжского, Усольского, Пинежского и Мезенского уездов, а согласно современному административно-территориальному делению – выходцами с территории Архангельской области.

Максимально точно удалось установить место рождения Е. П. Хабарова и его племянника А. Ф. Петриловского: это соответственно деревни Святица Устюжского уезда и Петрилово Усольского уезда. Впоследствии, уже проживая в Сибири, братья Ерофей и Никифор Хабаровы числились дворовладельцами в соседней с Петрилово деревне Ленивец Выставок [8, с. 20–22]. Следует также оговорить непривычное, но правильное ударение в их фамилии, которое падает на последний слог. Именно такое произношение принято и на малой родине братьев Хабаровых, и там, где они окончили свои дни; а путаница происходит от ударения в названии города Хабаровска.

Выявленные Г. Б. Красноштановым архивные сведения были подтверждены картографической сверкой и экспедиционными исследованиями на местности, окончательно установившими, что названные выше и ныне не существующие деревни находились на территории современного Котласского района Архангельской области. Локализовано и местонахождение бывшей усадьбы Хабаровых на так называемой Красной Горке вблизи современной деревни Курцево [5, с. 284–287].

С родиной других амурских землепроходцев ситуация менее ясна. О. С. Кузнец был выходцем из Мезенского уезда, предположительно из Кузнецовой слободы (ныне Мезенский район Архангельской области); Д. В. Попов – уроженцем Усольского уезда, предположительно уездного центра Сольвычегодска (Котласский район Архангельской области); а С. В. Поляков происходил из Пинежского уезда (Пинежский район Архангельской области) [3, с. 28–29; 9, с. 227, 230]. Даты

рождения вождей Амурского похода неизвестны, даты смерти удалось установить у О. С. Кузнеця и А. Ф. Петриловского, предположительный год смерти – у Е. П. Хабарова [9, с. 566, 678, 701].

Все они оказались в Сибири, а затем и на Амуре по традиционным для первой половины XVII в. причинам: набору людей для освоения новых территорий, сибирской «пушной лихорадке» и серии неурожайных лет на Русском Севере [10, с. 4; 7, с. 15]. Поскольку природно-климатические условия Севера и Сибири схожи, именно выходцам из северных уездов России было проще адаптироваться на новом месте. Помимо охотничьих и земледельческих навыков, они принесли с собой и другие знания: так, знакомый по родным местам с практикой соледобычи Е. П. Хабаров построил солеварню. Самостоятельные, независимые и вольнолюбивые переселенцы не раз вступали в конфликт с местной властью и немало от неё пострадали.

Е. П. Хабаров, С. В. Поляков, Д. В. Попов стали лидерами Амурского похода потому, что к его началу за счёт ведения пушного промысла являлись достаточно обеспеченными людьми [9, с. 203, 275, 475]. Амурский поход был полугосударственной, получастной экспедицией, осуществлявшейся в том числе за счёт найма рядовых участников организаторами по традиционному принципу промысловой артели. Это привело к тому, что наниматели заняли в Амурском войске руководящие посты, опираясь на лично обязанных им людей. С учётом выборности ряда командных должностей и принятия важнейших решений на общевойсковом «круге», такое положение дел не могло не подрывать дисциплину и приводило к конфликтам, самым ярким из которых стал мятеж С. В. Полякова против Е. П. Хабарова [15, с. 40–42].

А. Ф. Петриловский первоначально выдвинулся в руководящий состав за счёт родственных связей с Е. П. Хабаровым, но последующую карьеру сделал благодаря личным дарованиям. Другой их близкий родственник – Н. П. Хабаров – находился в Амурском войске недолго и значимой роли не сыграл [2, с. 26]. И только О. С. Кузнец, будучи ещё до похода служилым казаком, поднялся «наверх» исключительно по военной линии. Он же стал единственным из рассматриваемых исторических деятелей, погибшим в ходе экспедиции.

Благодаря участию в Амурском походе и многие рядовые участники, и руководители – прежние «промышленные люди» – радикально изменили свой социальный статус, превратившись в «служилых людей», то есть лиц, находящихся на государственной службе. Фактически они пополнили сложившееся во многом на северной демографической базе сибирское служилое казачество. Для Д. В. Попова, С. В. Полякова и А. Ф. Петриловского Амурский поход стал стартовой точкой достаточно успешной служебной карьеры: первый завершил её острожным приказчиком, второй – драгунским капитаном, а третий – казачьим атаманом [4, с. 40; 6, с. 41; 13, с. 13–14]. Е. П. Хабаров, Д. В. Попов и С. В. Поляков были пожалованы чином «детей боярских» [9, с. 469; 10, с. 117; 13, с. 13].

Обладая безусловным умом, определённым образованием (все, кроме Н. П. Хабарова, были грамотны), крепким здоровьем, физической силой и выносливостью, все они в большей или меньшей степени являлись людьми смелыми, решительными, упорными, энергичными, волевыми, грубыми и жестокими. Обладая иными качествами, трудно было покорять новые земли. Однако на Амуре русские проявили по отношению к местным племенам чрезмерное насилие. Многочисленные грабежи и убийства, сопровождавшие Амурский поход, неминуемо вызвали серьёзное сопротивление со стороны аборигенного населения.

О происходившем на Амуре бесстрастно свидетельствуют «отписки» (официальные донесения) Е. П. Хабарова, которые просто пестрят жуткими для наших дней откровениями: «аманатов пытал и жог», «языков имали, а иных рубили», «многих людей побивали»; или же, более развёрнуто: «Иплыли семь дней от Шингалу дючерами. Все улусы большие, юрт по семидесят и по осмидесят. И тут всё живут дючеры. <...> И мы их в пень рубили, а жён их и детей имали...» [9, с. 286–288].

Хотя официально Амурское войско создавалось для «ясачного сбора и для прииску новых землиц» [12, с. 68], обладавшие предпринимательской жилкой лидеры Амурского похода видели в нём прежде всего источник личной наживы. Лишь впоследствии, втянувшись в вооружённую борьбу с внешними врагами за новую территорию и новых налогоплательщиков, они осознали первостепенность государственного значения экспедиции. Но к тому времени землепроходцы уже оттолкнули от себя значительную часть коренных жителей, вместо возможной опоры обретая в них тайных, а зачастую и явных недругов, к тому же получивших военную помощь со стороны сильного южного соседа – маньчжуров.

В результате Амурскому войску довелось столкнуться с самым серьёзным противником из всех, встреченных русскими при покорении Сибири. На протяжении семи лет малочисленное

войско оказывало врагу достойное сопротивление, нанеся ему ряд серьёзных поражений, прославив себя в боях при Ачанском и Усть-Комарском острожках, и было разбито только интернациональным маньчжурско-китайско-корейским войском при поддержке ополчения приамурских племён [11, с. 72–75; 14, с. 143–146]. Это свидетельствует как о мужестве рядовых русских воинов, так и об эффективном руководстве, особенно со стороны проявивших несомненный военный талант Е. П. Хабарова и О. С. Кузнеця.

«Даурской земли приказные» (так официально называлась их должность), они являлись самостоятельными руководителями огромного региона, демонстрируя незаурядные дарования организаторов, администраторов и полководцев. При этом оба отлично осознавали слабость своих сил, указывая на необходимость вооружённого подкрепления для защиты и освоения нового края [9, с. 216, 539]. Однако медлительность московской бюрократии и войны с европейскими соседями России не позволили вовремя выделить необходимые ресурсы. Показательно, что находившиеся на Амуре «служилые люди» даже не имели возможность получать «государево жалованье» и годами несли службу за свой счёт.

Такая ситуация неизбежно приводила к обеспечению войска за счёт местного населения, снова и снова подвергавшегося грабёжам и погромам. В результате Амурский поход принял черты классической колониальной экспедиции, а его руководители, особенно Е. П. Хабаров, сформировали выраженный тип землепроходца-завоевателя, своего рода «русского конкистадора», мало отличавшегося от покорителей Америки Э. Кортеса и Ф. Писарро. Но даже при наличии объективных оснований такой деятельности, хищнические методы Е. П. Хабарова, применявшиеся с самого начала похода, заслуживают только отрицательной оценки.

В итоге Амурский поход окончился неудачей. Однако в ходе этой экспедиции русские впервые прошли верхнее течение Амура, совершили немало географических и этнографических открытий, принесли определённый доход государству за счёт взимания ясака, провели первую «пробу сил» в борьбе с могучим соседом – завоёванным маньчжурами Китаем. При всех отрицательных сторонах похода результаты деятельности покорителей Приамурья в целом способствовали закреплению позиций России на Дальнем Востоке и оформлению первого варианта русско-китайской границы.

В 1689 г. по условиям Нерчинского трактата присоединённые в ходе Амурского похода земли были официально отторгнуты у России Китаем, и возвращены только по Айгунскому договору, подписанному в 1858 г. [1, с. 34, 46, 61] Наследником Амурского войска XVII в. стало образованное в XIX в. Амурское казачье войско. Дальневосточная граница нашей страны и ныне проходит по Амуру, а это значит, что понесённые жертвы были не напрасны, и деятельность вождей Амурского похода отнюдь не являлась бессмысленной.

В историю свои имена эти люди вписали прочно. Себя они не щадили, будучи не раз ранены в схватках с врагами, а многочисленные вины сполна искупили выдающимися достижениями. Поэтому, кроме упоминаний их имён на страницах научных трудов, следует обратить самое пристальное внимание на необходимость материального увековечения памяти столь выдающихся деятелей на малой родине землепроходцев.

Конечно же, помимо руководителей, среди участников Амурского похода числилось немало других уроженцев Русского Севера, происхождение которых легко устанавливается по топонимическим прозвищам и фамилиям [10, с. 135–139]. Всего в этой экспедиции одновременно участвовали более 700 человек, хотя очень немногие прошли её с первого до последнего дня. Значительная часть уцелевших «амурцев» навсегда осела в Сибири, ставшей родиной для их потомков. Поэтому перед современными историками и краеведами лежит широкое поле исследовательской деятельности по выявлению родственных связей населения Русского Севера, Сибири и Дальнего Востока, по восстановлению биографий других героев Амурского похода и в целом грандиозной эпопеи покорения Сибири.

Источники и литература

1. Алексеев, А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки, до конца XIX века. / А. И. Алексеев. – Москва: Наука, 1982. – 288 с.
2. Гладких, С. А. В тени знаменитого брата (Никифор Павлович Хабаров) // Великий Устюг. Проблемы региональных исследований: материалы межрегиональной научно-практической конференции / [редакционная коллегия: Андреева А. Б. и др.]. – Великий Устюг: [б. и.], 2018.
3. Гладких, С. А. Герой Амурского похода Онуфрий Степанович Кузнец // Поморские чтения: сборник материалов I межрегиональных научных Поморских чтений, г. Мезень, 5 февраля 2017 г.

/ [сост.: А. Г. Едовин, И. М. Гостев]. – Архангельск: Архангельский краеведческий музей, 2017. – С. 27–38.

4. Гладких, С. А. Казачий атаман Артемий Петриловский - герой освоения Сибири в XVII веке / С. А. Гладких // Защитники Отечества: материалы научных конференций: XXXIII и XXXIV общественно-научных чтений по военно-исторической тематике, Архангельск, 2014, 2015 гг. – Архангельск: [б. и.], 2016. – Вып. 14. – С. 32–41.

5. Гладких, С. А. Малая родина Ерофея Хабарова / С. А. Гладких // XVII век в истории и культуре Русского Севера: к 400-летию отражения осады польско-литовских интервентов защитниками Каргопольской крепости: материалы XII Каргопольской научной конференции / [редкол.: И. В. Онучина и др.]. - Каргополь: Каргопольский гос. историко-архитектурный и художественный музей, 2012. – С. 282–288.

6. Гурулёв, С. А. Первые иркутяне / С. А. Гурулев. – Иркутск: ИОГАУК АЭМ «Тальцы», 2011. – 410 с.

7. Жеребцов, И. Л. Роль климатических изменений в процессе заселения Европейского Севера / И. Л. Жеребцов // Историческая демография. – 2010. – № 1. – С. 4–19.

8. Красноштанов, Г. Б. В поисках родины Ерофея Хабарова / Г. Б. Красноштанов // Двинская земля: материалы шестых межрегиональных общественно-научных историко-краеведческих Стефановских чтений, посвященных 85-летию Котласского района, 10-летию движения краеведов «Северное трехречье», 21-22 марта 2009 года / [Анисимова О. Н. и др.; редкол.: Н. В. Шептяков (отв. ред. и сост.) и др.]. – Котлас, 2010. – Вып. 6. – С. 12–27.

9. Красноштанов, Г. Б. Ерофей Павлович Хабаров: документальное повествование / Г. Б. Красноштанов. – Хабаровск: РИОТИП, 2008. – 751 с.

10. Леонтьева, Г. А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. – Москва: Просвещение, 1991. – 143 с.

11. Махинов, А. Н. Ачанское сражение на нижнем Амуре в 1652 году / А. Н. Махинов, В. Г. Шведов // Военно-исторический журнал. – 2013. – № 1. – С. 72–75.

12. Наказ якутского воеводы Димитрия Францбекова опытовщику Ерофею Хабарову, о походе в Даурскую землю // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. В 4 томах. Т. 4. 1645–1676. – Санкт-Петербург: Типография II-го отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1842. – С. 67–77.

13. Полевой, Б. П. Изветная челобитная С. В. Полякова 1653 г. и ее значение для археологов Приамурья / Б. П. Полевой // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). – Владивосток: ИИАЭНДВ ДВО РАН, 1995. – Т. 2. – С. 7–54.

14. Симбирцева, Т. М. Участие корейских отрядов в военных столкновениях Китая с Россией на Амуре в 1654 и 1658 гг. – первая встреча русских и корейцев / Т. М. Симбирцева // Вестник Центра корейского языка и культуры: (сборник статей) / Санкт-Петербургский государственный университет. Восточный факультет. – Санкт-Петербург, 2003. – Вып. 5–6. – С. 118–150.

15. Челобитная С. В. Полякова и его спутников о поведении Я. П. Хабарова на Амуре в 1650–1653 гг. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). – Владивосток: ИИАЭНДВ ДВО РАН, 1995. – Т. 2. – С. 7–30.

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ КРАЕВЕДЧЕСКОГО КУРСА ПО ЛИТЕРАТУРЕ ДРЕВНЕГО ПСКОВА В ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ ШКОЛЬНИКОВ НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИИ КНЯЗЯ ДОВМОНТА

В статье рассматривается значение изучения в школе православной духовной литературы.

Ключевые слова: Православное краеведение, жития святых, культурная среда.

EDUCATIONAL OPPORTUNITIES REGIONAL COURSE ON THE LITERATURE OF ANCIENT PSKOV IN THE SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION OF SCHOOL CHILDREN ON THE EXAMPLE OF STUDYING THE BIOGRAPHY OF PRINCE DOVMONT

The article reviews the significance of spiritual orthodox literature study in school.

Key words: Orthodox local lore, Lives of the Saints, cultural environment.

Краеведение во все времена было важнейшей частицей нашей истории, оберегало людей от потери исторической памяти, разрушающей индивидуальную человеческую личность.

Современная система образования отводит краеведению роль важнейшего образовательного компонента, способствующего развитию общества и личности. Использование всех видов краеведческой работы оказывает благотворное влияние на развитие кругозора учащихся, на формирование чувства патриотизма, любви к родному краю, его природе, истории и искусству.

Разработанная «Программа занятий по литературе древнего Пскова» и методические разработки к ней являются частью программы по мировой художественной культуре. Она может быть использована в качестве регионального компонента или как самостоятельный учебный или факультативный курс в школах всех типов. Программа предназначена для преподавания в VIII–IX классах. Её целью является: духовно-нравственное и эстетическое развитие подростка силой воздействия и средствами различных видов искусства и приобщение учащегося через искусство к огромному эмоционально-нравственному опыту человечества; введение личности обучаемого в мир художественной культуры, формирование в нем готовности и способности к самостоятельному духовному освоению подлинных художественных ценностей; оказание помощи в его всестороннем развитии способности и стремлении воспринимать художественную культуру в течение всей жизни. С этой целью учителю необходимо дать учащимся по изучаемому предмету сумму знаний, способствующих раскрытию перед ними наиболее важных закономерностей сложного процесса развития культуры древнего Пскова, усвоению особенностей образного языка искусства [2].

Программа по литературе древнего Пскова способствует дальнейшему введению растущего человека в традиционную культурную среду, помогает ощутить себя преемником великой русской культуры, осмыслить собственную национальную принадлежность, обнаружить в себе высокие этические и эстетические идеалы, заложенные благодаря этой национальной принадлежности, осознать свой сыновний долг перед Отечеством.

Программа курса предусматривает значительное расширение материала по сравнению с общеобразовательными программами по литературе, истории и МХК. Это оправдано, т.к. весь смысл изучения курса по истории культуры древнего Пскова, на наш взгляд, в том и состоит, чтобы дать учащимся синтезированное, обобщенное представление об историко-культурном процессе в целом.

Эффективность осуществления процесса формирования нравственных качеств личности воспитанников в ходе изучения культуры Псковского края обеспечивается ее использованием в контексте общей системы нравственного воспитания, в комплексе разнообразных педагогических средств и методов.

В учебном курсе «Литература древнего Пскова» изучаются литературные произведения различных видов: от летописей и фольклора до житий Псковских святых. Учащиеся знакомятся с летописными произведениями об исторических деятелях, связанных с Псковским краем: княгиней Ольгой, Александром Невским [3] и другими.

В курсе предусмотрено и изучение житий Псковских святых. Жития, составляющие едва ли не

самую обширную часть христианской литературы, со своими закономерностями развития, эволюцией структурных и содержательных параметров, являются предметом духовно-исторического и литературно-филологического рассмотрения на учебных занятиях.

Изучение русской святости всегда было актуальным. И в наше время изучением житийной литературы занимается отдельное направление в филологии, называемое агиографией. Следует отметить, что агиографическая литература для средневекового русского человека была не просто актуальным видом чтения, но культурной и религиозной составляющей его жизни.

В старину чтение Житий святых являлось одним из излюбленных занятий всех слоев русского народа. При этом читателя интересовали не только исторические факты из жизни христианских подвижников, но и глубокий назидательный и морально-нравственный смысл этих произведений. Сегодня Жития святых все больше теряют свою значимость в глазах читателя, но вряд ли можно считать это нормальным.

Ведь жития святых по сути – это биографии духовных и светских лиц, прославленных к почитанию христианской Церковью или отдельными её общинами. Христианская Церковь с первых дней своего существования тщательно собирала сведения о жизни и деятельности ее подвижников и сообщала их своим чадам в качестве назидательного примера. Многие монахи и даже миряне занимались переписыванием житий, люди побогаче заказывали для себя житийные сборники. С XVI в., в связи с ростом национального самосознания, появляются сборники чисто русских житий.

Поэтому необходимо делать всё возможное для духовного просвещения. Агиографическая литература – верный помощник в этом деле. Ведь даже пятиминутное чтение Жития настраивает человека на благое времяпрепровождение, укрепляет в вере.

Изучая, пусть даже сокращенно, жития святых с учащимися в общеобразовательной школе, в рамках краеведческого курса, мы поможем им больше узнать о своей вере. Это может уберечь многих от суеверий, ложных слухов и сомнительных обычаев, которые быстро распространяются в окружающей нас действительности.

Необходимость и целесообразность данного спецкурса, кроме его краеведческой и общекультурной направленности, обусловлена тем общеизвестным и печальным обстоятельством, что большинство сегодняшних школьников обладает минимальным опытом чтения. В настоящее время, в век компьютера и видеотехнологий, чтение перестает быть увлекательным и желанным занятием, уроки русского языка и литературы – не из числа самых любимых у детей. Речь многих подростков бедна, загрязнена, невыразительна; лексика родного языка очень часто звучит как иностранная. Поэтому мы убеждены в том, что сегодня все учителя, независимо от преподаваемого ими предмета, должны иметь единую общую позицию по отношению к родному языку и к языкам вообще, как к средству общения в различных сферах человеческой деятельности.

Компьютерные и видео-технологии, научно обоснованное тестирование знаний, ролевые игры и т. п., бесспорно, отвечают запросам современных школьников и в большой степени решают задачи обновления учебных технологий. Но и отказываться от чтения как эффективного средства развития речи и всестороннего воспитания в высшей степени неразумно.

Так, например, одно из занятий курса посвящено теме «Сказание о благоверном князе Довмонте и о храбрости его». Цели занятия: знакомство обучающихся со «Сказанием о Довмонте» и особенностями произведения; развитие умений обучающихся, развивающихся в процессе выразительного чтения; формирование умения высказывать свое суждение о человеке, в руках которого находится власть.

Повесть о Довмонте имеет длительную литературную историю. Она дошла до нас в нескольких редакциях XIV–XVII вв., а составлена была во второй четверти XIV в. Тематика произведения – воинская повесть. В ней рассказывается о нескольких сражениях псковичей во главе с князем Довмонтом с врагами. Воинская тема заставила автора обратиться к опыту летописания, но все же повесть не обычная летописная статья. Она создавалась как самостоятельное литературное произведение и, открывая псковскую летопись, с одной стороны, как бы являлась ее предисловием, а с другой – существовала обособленно.

В ходе чтения «Повести» и беседы по прочитанному материалу составляется хронология жизни князя Довмонта и карта – схема его походов и сражений.

В Повести практически нет спокойных эпизодов, тридцатитрехлетнее княжение Довмонта не дает ему буквально ни минуты покоя. Вся повесть наполнена движением и звоном мечей. За одним сражением буквально сразу же следует другое. Динамичность и чувство чести (эпиграф

занятия «Чести моей никому не отдам» – девиз на мече князя Довмонта) – составляющие ритма жизни князя Довмонта.

В произведении нашли свое отражение феодально-рыцарские представления о княжеском достоинстве и, одновременно с этим, чисто псковские взгляды на роль князя в жизни общества. Отвечая на вопрос: «Какова же, на Ваш взгляд, эта роль и каковы обязанности князя, по мнению псковичей?», учащиеся делают вывод о том, что положение псковских князей было особым, так как они фактически были отстранены от вопросов внутреннего управления Псковом. Их обязанности заключались в военной защите земель. Князь был, прежде всего, предводителем псковского войска. Возможность псковичей свободно выбирать и изгонять своих князей объясняли сдержанное отношение их к своим князьям как в жизни, так и в литературе. И в повести о Довмонте мы видим, что «благой» князь – в первую очередь воин и защитник Пскова. Он изображается только в военных ситуациях и, хотя с именем князя Довмонта связано строительство и церковей и Довмонтовой стены, в повести об этом не упоминается.

Говоря о главных достоинствах князя Довмонта, по мнению средневековых псковичей, учащиеся отмечают его мужество, бесстрашность, горячность в бою, готовность пожертвовать своей жизнью за честь и славу города Пскова.

Литературным источником и образцом для написания «Повести о Довмонте» было «Житие Александра Невского», поэтому интересно сравнить боевые призывы к дружине князя Довмонта и князя Александра Невского из этих произведений. В обращении к дружине Александр Невский, цитируя псалом Давида, призывает дружину надеяться на Бога, быть твердой, ибо «не в силах бог, но в правде». Тем самым он как бы подчеркивает идею священности княжеских дел. Обращение же князя Довмонта к дружине логично и просто. Он напоминает псковичам об их славе: «Слышал если мужество ваше во всех странах», говорит и о тяжести сражения: «се же, братие, предлежит нам живот и смерть». Требование преданности сопровождается напоминанием об их общей доле: «Братия мужи псковичи, кто стар, то отец, а кто млад, то брат». Его призыв суров и мужествен, он рассчитан прежде всего на свои силы: никогда победа не достигается только одним чудом. Молитвы князя Довмонта более просты и смиренны [4].

Интересно сравнить также и ритуалы благословения двух князей на бой. В повести о Довмонте мы видим новый элемент благословения с помощью меча. Князь Довмонт, войдя в храм, кладет свой меч перед алтарем, совершает молитву, а затем игумен Сидор опоясывает его мечом и благословляет на битву. Мы видим, что, несмотря на почти полное следование повести о Довмонте «Житию Александра Невского», автор повести учитывает реальные псковские исторические, а, следовательно, и литературные традиции.

Полученный нами опыт показывает, что результатом такой работы, кроме развития всех сторон личности учащихся (мировоззрения, чувств, эмоций, эстетических взглядов, фантазии, ассоциативного мышления, памяти, культуры умственного труда, творческой самостоятельности и инициативы), является:

- пробуждение у учащихся интереса к чтению древнерусской литературы;
- привитие навыков вдумчивого прочтения литературного материала, предотвращение неверного толкования и поверхностного взгляда на сюжет литературного произведения;
- осознание учащимися важности точного, выразительного, наполненного смыслом языка, как в литературе, так и в повседневной жизни человека;
- обогащение словарного запаса подростков, развитие грамматических навыков, обострение языковой интуиции, развитие монологической и диалогической речи;
- готовность учащихся к дальнейшему творческому исследованию предлагаемых им в дальнейшем текстов для чтения [1].

Изучение древнерусской литературы и ознакомление учащихся с древнерусским языком, на наш взгляд, является важнейшей составляющей при овладении языком как средством общения в современном мире, стремящемся к глобализации, и одновременно – непременное условие успешного развития духовно богатой личности. Спецкурс по литературе древнего Пскова и призван способствовать решению вышеозначенные задачи.

Источники и литература

1. Васильев, Г. Н. Из опыта работы по изучению литературы древнего Пскова / Г. Н. Васильев. – Текст : электронный // Ярослав Мудрый. Проблемы изучения, сохранения и интерпретации историко-культурного наследия : сборник материалов Всероссийских научно-практических конференций, Ярославль, 2008-2013 / Управление культуры мэрии г. Ярославля, МУК

«Централизованная система детских библиотек г. Ярославля», Центральная детская библиотека имени Ярослава Мудрого. – Ярославль, 2013. – 1 CD-ROM.

2. Васильев, Г. Н. Место краеведческого спецкурса «Литература Древнего Пскова» в развитии речи школьников / Г. Н. Васильев // Всероссийский съезд учителей русского языка и литературы, Москва, 4–6 июля 2012 г. : труды и материалы / под общей редакцией М. Л. Ремнёвой. – Москва, 2012. – С. 221–222.

3. Васильев, Г. Н. «Повесть о житии Александра Невского». Занятие по краеведческому курсу «Литература и музыка древнего Пскова» / Г. Н. Васильев // Духовно-нравственное воспитание. – 2010. – № 4. – С. 81–86.

4. Сказание о Довмонте / Воинские повести Древней Руси / сост. Н. В. Поньрко. – Ленинград : Лениздат, 1985. – С. 128–135.

ВОСПИТАНИЕ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ В ДУХЕ ГЕРОИЗМА КАК НРАВСТВЕННОЙ ОСНОВЫ ПОСТУПКА

В данной статье мы рассматриваем такие понятия, как герой и героизм. В процессе воспитания перед педагогом встает ряд задач, и главная задача – воспитать высоконравственную личность. Актуальность данной темы связана с тем, что в наше время важно воспитать в ребенке чувство патриотизма, гордости за свою Родину и ее героев. Объектом исследования являются младшие школьники, предметом – поступки, влияющие на нравственное воспитание обучающихся.

Ключевые слова: герой, героизм, подвиг, дети, нравственное воспитание, мотивы поступка.

EDUCATION OF THE YOUNGER GENERATION IN THE SPIRIT OF HEROISM, AS THE MORAL BASIS OF THE ACT

In this article we consider such concepts as heroism and heroism. In the process of education, the teacher faces a number of tasks, and the main task is to educate a highly moral person. The relevance of this topic is due to the fact that in our time it is important to educate the child a sense of patriotism, pride in their Homeland and its heroes. The object of the study are younger students, the subject – actions that affect the moral education of students.

Key words: heroism, heroism, feat, children, moral education, motives of action.

Воспитательная функция педагога направлена на развитие тех способностей младших школьников, которые необходимы для успешного обучения, для успешного продвижения к цели, поставленной ими и родителями. Задача воспитания видится в том, чтобы наполнить эти жизненные цели духовными ценностями и нравственным содержанием. Младшие школьники, взрослея, вступают в мир жестоких противоречий, соблазнов и борьбы. В этой обстановке нравственные критерии станут для них основой сознательного выбора в принятии определенных позитивных решений. Такое знание «не может быть усвоено, оно должно быть построено. Построено так, как строится живой образ, живое слово, живое движение, живое, а не мертвое, механическое действие» [1, с. 223].

Современная система образования и воспитания призвана, прежде всего, прививать учащимся чувства любви к Родине. Такие понятия как «Отчизна», «Родина» для детей ассоциируется с тем местом, где он живет, родным домом, городом, краем. От того, насколько хорошо ребенок знает и любит историю своего родного города, края, зависит и глубина патриотического чувства.

В наше время очень важно воспитывать у детей чувство патриотизма, гордости за свою Родину и ее героев. Проблема понятий героя и героизма может быть рассмотрена с различных точек зрения [2, с. 44].

Опыт работы с детьми показал, что школьники не всегда верно понимают оценку героизма. Стараясь показать свою готовность к героическим поступкам, они способны на лихачества, безрассудные действия. В любом поступке прослеживаются основные элементы: цель, мотив достижения цели, само действие, требующее реализации морально-волевых качеств, самооценка и общественное мнение.

«Цель» – это то, во имя чего совершен поступок: во имя долга, во имя славы, во имя собственных интересов и т.д. С целью тесно связан мотив, являющийся побудительной силой, движущей действия человека. Высокие, благородные мотивы предполагают использование достойных средств для достижения цели, корыстные и низменные мотивы влекут за собой иные средства (предатели используют любые средства, чтобы сохранить собственную жизнь). Действия предполагают определенные личностные качества, которые могут быть как положительными (долг, гуманность, самостоятельность, ответственность) так и отрицательными (угодничество, человеконенавистничество и т.д.) [3, с. 66].

В нравственном поступке, общественная оценка и самооценка совпадают. Нравственный поступок имеет несколько степеней общественного значения, это могут быть:

- полезный, хороший поступок. Мы говорим, что человек поступил честно, благородно, гуманно, помог слабому, выручил товарища из беды. Такое поведение человека определяется общественными, личностными качествами, которыми должен обладать каждый человек: честностью, гуманностью, правдивостью, скромностью и т. д;

- поступок, потребовавший от человека действий в интересах общества, общесоциальный, волевой, требующий физических качеств личности, таких, как сила воли, упорство, решительность, самообладание, отвага и т. д;

- поступок, который требует от человека самопожертвования, самоотречения, поступок, совершаемый во имя общества. В данном случае мы говорим о подвиге. Подвиг требует от человека мужества, смелости, стойкости, самопожертвования, самоотверженности. Именно это служит критерием подвига [4, с. 135].

Приоритетным оценочным смыслом патриотизма является когнитивный аспект восприятия и оценки данного стимула. Стимулом для совершения подвига являются пример любви к родине и родному краю, гордость за свое отечество, любовь к близким людям, обществу, уважение и почитание старших.

Героические подвиги и поступки по идейной направленности совпадают. Значимость героического поступка позволяет классифицировать его как подвиг. Героический поступок – это однократное действие, подвиг же может слагаться из совокупности героических поступков.

Подвиг является проявлением героизма, концентрирующего в себе все ценное, социальное и нравственное, что есть в человеческой личности: целеустремленность, идейность, активность, высокую работу интеллекта, любовь к людям и т.д.

Социально-экономические и политические преобразования являются двигателем нравственного прогресса общества. Обществу необходимы люди героического характера, следовательно, героизм и герои – объективное требование социальной жизни. Героизм существует в разных формах:

- *военный героизм*, требующий от человека предельной отдачи нравственных и физических сил во имя общества, связан с защитой Родины и в интересах народа;

- *трудовой героизм*, связанный с новаторством, борьбой за научно-технический прогресс. В труде человек утверждает себя как личность, развивается умственно и физически, закаливает волю и характер, формируя героические качества;

- *гражданский героизм*, требующий от человека высоких морально-волевых качеств в условиях обычной жизни. Ребенок должен усвоить, что гражданственность – это причастность ко всему, что делается в стране, пронизывающая все формы героизма, требующего мужества духа, смелости, самоотверженности в быту, открытого утверждения истины. В жизни возникают и непредвиденные стихийные бедствия, которые требуют от человека мгновенных решений, проявления нравственно-волевых качеств [5, с. 147].

Люди, совершающие героические поступки и подвиги, обладают широким диапазоном нравственных и волевых качеств личности, таких как:

- отношение к Родине – патриотизм, верность, преданность делу, чувство долга и ответственность, добросовестность, сознательность;

- отношение к жизни – жизнелюбие, оптимизм;

- отношение к людям – гуманизм, благородство, великодушие, отзывчивость, справедливость, обязательность;

- отношение и к людям, и к делу – честность, чувство долга и ответственность, принципиальность;

- отношение к себе – вера в свои силы, уверенность в себе, чувство собственного достоинства, честь, самостоятельность;

- волевые качества – сила воли, упорство, выносливость, твердость духа, целеустремленность, стойкость, решительность, выдержка, дисциплинированность, собранность, организованность [6, с. 178].

Таким образом, героизм – это исключительная форма нравственного человеческого поведения, направленного на достижение интересов общества и требующая от личности проявления высоких морально - волевых качеств в героическом поступке и подвиге.

Большое воспитательное значение имеет вопрос о качествах, которые составляют нравственную структуру личности. Чтобы систематизировать представления учащихся о нравственных качествах, понятия о которых дети усваивают в процессе анализа поступков нравственного поведения, мы должны предложить выше сказанную группировку.

От урока к уроку, от беседы к беседе, в результате систематизации ребенок накапливает запас нравственных представлений и подводится к мысли о том, что нравственную структуру личности составляют именно такие важные качества и что каждому человеку необходимо их иметь.

Немаловажный принцип, который необходимо соблюдать в работе с детьми – это работа в коллективе. Коллектив, как ведущий фактор, способствует нравственному формированию эффективной системы воспитательного процесса. Необходимо использовать те условия организационно – педагогической деятельности, которые важны, для формирования нравственного воспитания личности, такие как структурирование нравственных ценностей, нравственного понимания личности.

Источники и литература

1. Акулич, М. М. Патриотизм в системе нравственных ценностей россиян / М. М. Акулич, Н. М. Дмитриева // Безопасность Евразии. – 2004. – № 2. – С. 395–411.
2. Воскресни, Русь! О патриотизме, достоинстве русского человека и православном понимании войны / [ред.-сост. А. Добросоцких]. – Москва : Даниловский благовестник, 2001. – 128 с.
3. Герасимов, В. Л. «Могучий источник патриотизма, любви к Отечеству и родному краю...» / В. Л. Герасимов // Военно-исторический журнал. – 2004. – № 5. – С. 66–67.
4. Манина, Л. И. Отечественная социально-философская мысль и педагогическая мысль о патриотизме и патриотическом воспитании / Л. И. Манина // Образование и общество. – 2009. – № 5. – С. 109–114.
5. Микрюков, В. Военно-патриотическое воспитание в школе / В. Микрюков. – Москва : ВАКО, 2012. – 404 с.
6. Устьякин, В. Е. Патриотическое и нравственно-эстетическое воспитание учащихся при изучении предметов гуманитарного цикла : специальность 13.00.01 «Общая педагогика» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Устьякин Владимир Николаевич ; Институт общего образования. – Москва, 1996. – 23 с.

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПАРТНЕР ШКОЛЫ В РЕАЛИЗАЦИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО СТАНДАРТА ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

Автором рассматриваются проблема реализации регионального компонента в курсе «История России. Всеобщая история», вопросы социального партнерства школ и музеев, опыт работы Белозерского музея.

Ключевые слова: школа, музей, историко-культурный стандарт, социальное партнерство.

LOCAL HISTORY MUSEUM AS A SOCIAL PARTNER OF THE SCHOOL IN THE IMPLEMENTATION OF THE HISTORICAL AND CULTURAL STANDARD OF SCHOOL EDUCATION (FROM EXPERIENCE)

The author considers the problem of implementation of the regional component in the course «History of Russia. Universal history», issues of social partnership of schools and museums, experience of the Belozersky Museum.

Key words: school, Museum, historical and cultural standard, social partnership.

В настоящее время на фоне процессов глобализации растет интерес к самобытной истории и культуре народов. Особое внимание уделяется малой родине [13, с. 485]. Данные тенденции нашли отражение в изменении требований государства и общества к деятельности учреждений образования и культуры.

Одной из задач, обозначенных в Основах государственной культурной политики, является «систематизация, расширение и развитие существующего опыта использования объектов культурного наследия, предметов музейного и архивного фондов, научного и информационного потенциала российских музеев и музеев-заповедников в образовательном процессе» [10].

Современные концепции исторического образования обращают внимание на многоуровневое изучение истории российского государства, отдельных регионов России и мира [6, с. 3–5]. Историко-культурный стандарт школьного образования требует формирования для каждого региона России перечня «сквозных» исторических сюжетов, в основании которых должен быть баланс между историей государства, общества и отдельных людей, а также между политической, социальной и культурной историей, между историей национальной, мировой и локальной. Стандарт предлагает отводить особое место личности в истории, причем «не только через изучение биографий выдающихся людей, но и через постижение перипетий «рядовых граждан», сквозь судьбы которых могут быть показаны социальные и политические процессы». Предполагается рассмотрение истории повседневности и проблем духовной и культурной жизни России [5, с. 4]. Федеральный государственный образовательный стандарт значительное место в образовательных программах отводит изучению историко-культурного наследия своей области, республики, края (региональный компонент) [11, с. 3, 5].

При этом существует проблема недостаточного внимания к региональному компоненту на уроках истории в школах, связанная с:

- нехваткой времени из-за растущего с каждым годом объема изучаемого исторического материала и неизменным количеством уроков;
- недостаточным уровнем специальных краеведческих знаний у значительной части преподавателей истории;
- слабо развитым методическим сопровождением.

Один из вариантов решения сложившейся проблемы видится в развитии социальных партнерств школ и учреждений, работающих с историко-культурным наследием региона, в частности, с краеведческими музеями.

Сегодня представление о краеведческом музее как о месте хранения и представления публике предметов старины является ошибочным. Следуя требованиям государства и общества, а также мировым тенденциям, краеведческие музеи расширяют свою роль в качестве института социализации и инкультурации личности. Современные музеи создают комплексные программы для разных целевых аудиторий (образовательные, коммуникационные, семейные, развлекательные и так далее) [3, с. 200]. Музейной педагогике как сфере научного знания уделяется значительное внимание в современных исследованиях. Доказано, что образовательная среда музея вызывает у детей чувство сопричастности к прошлому. Важной особенностью

образования в музейном пространстве является возможность формирования системы ценностей, через эмоционально-оценочные знания об историческом прошлом и культуре.

Свидетельством интегративных процессов в деятельности школ и музеев является начавшаяся в 2018 г. реализация федерального проекта «Живые уроки», направленного на развитие образовательного туризма для детей и молодежи [4]. Вологодская область является его участником. На территории региона располагается множество городов и поселений с богатым историко-культурным наследием.

Белозерский край представляет собой наслоение исторических эпох, свидетельствующих о процессе культурно-исторического развития человека, начиная с эпохи каменного века. Город Белоозеро (Белозерск) – один из древнейших русских городов. Он сыграл важную роль в политическом становлении и экономическом развитии Древнерусского государства. Это один из древнейших центров распространения христианства и культуры на Русском Севере. Город и территория края играли важную роль в истории Московской Руси. Некоторое снижение экономического значения края в эпоху Российской империи компенсировалось притягательностью его истории и плеядой выдающихся деятелей науки, искусства, дипломатии, духовных и светских деятелей, достигшими признания на российском и международном уровне. В Белоозерске находится более 50 объектов культурного наследия (памятника истории и культуры), состоящих под государственной охраной. Из них 7 объектов федерального значения, древнейшие из которых относятся к XV в. С 1990 г. город входит в список исторических населенных мест РСФСР. С 1994 г. – в список исторических поселений Вологодской области [12]. С 2010 г. – в перечень исторических поселений Российской Федерации [7].

Историко-культурное наследие Белозерья – это огромный образовательно-воспитательный ресурс, ведущую роль в освоении которого сегодня, безусловно, играет Белозерский областной краеведческий музей. Обратимся к опыту работы со школьными группами.

Для обучающихся школ сотрудниками исторического отдела музея проводятся занятия в рамках дополнительной общеобразовательной общеразвивающей программы «Музей и дети», направленной на знакомство с историей Белозерского края и закрепление знаний, полученных на уроках истории и окружающего мира. При разработке учебно-тематического плана занятий использовались основные общеобразовательные программы раздела «История России» курса

«История России. Всеобщая история», курса «Окружающий мир», реализуемые в школах города Белоозерска [8; 9]. Занятия проводятся в рамках внеурочной деятельности. Выстроенные связи между школьными уроками и музейными занятиями способствуют комплексному и всестороннему изучению истории России на общероссийском, региональном и местном уровнях. Использование краеведческого материала позволяет показать сопричастность Белозерского края событиям общероссийского значения, повышает эффективность закрепления, обобщения и систематизации знаний раздела «История России» курса «История России. Всеобщая история» (среднее и старшее звено школы) и курса «Окружающий мир» (младшее звено). В качестве примера рассмотрим тематическое планирование для 6 класса [2]:

1. Древние люди и их стоянки на территории современной России, Вологодской области, Белозерского района. История заселения территории родного края в древности.

2. Становление Древнерусского государства. Предпосылки и особенности складывания государства Русь. Формирование княжеской власти (князь и дружина, полюдье). «Призвание варягов на Русь». Князь Олег. Образование государства. Белоозеро у истоков русской государственности.

3. Политическая раздробленность на Руси. Причины, особенности и последствия политической раздробленности на Руси. Формирование системы земель – самостоятельных государств. Владимиро-Суздальское княжество. Белозерское княжество.

4. Объединение русских земель вокруг Москвы. Княжества Северо-Восточной Руси. Борьба за великое княжение Владимирское. Противостояние Твери и Москвы. Усиление Московского княжества. Иван Калита. Дмитрий Донской. Куликовская битва. Закрепление первенствующего положения московских князей. Вхождение Белоозера в состав Московского княжества.

5. Формирование единого Русского государства. Политика Ивана III. Ликвидация зависимости от Орды. Строительство Белозерского кремля.

Занятия предполагают использование активных (взаимодействие по типу «экскурсовод – экскурсанты») и интерактивных («экскурсовод – экскурсанты; экскурсант – экскурсант») методов обучения [1, с. 6].

Главным отличием музейного занятия от школьного урока является знакомство не только с

воспроизведениями предметов прошлого, но и с реальными артефактами. Дополнение процесса восприятия специфическим освещением, аудио и видео сопровождением, приемами интерактива и анимации приводит к качественно иному усвоению информации, способствует развитию способности извлекать сведения из первоисточника, формированию понятийного аппарата через наблюдение предметов материального мира. Процесс познания совмещается с положительными эмоциями. Участники занятий взаимодействуют с археологическими материалами, реконструкциями оружия, предметов быта, костюмов, воспроизведениями исторических документов, художественных произведений. Экскурсовод и аниматоры с помощью интерактивных комплексов демонстрируют и дают детям возможность самостоятельно исполнить те или иные операции.

В качестве примера формы работы вне стен экспозиции можно назвать квест-игру «Сокровищница московской казны. Она представляет соединение квеста, обзорной экскурсии по городу и двум музейным объектам. Участники находятся в роли активных исследователей, экскурсовод выполняет роль координатора. Игра предполагает взаимодействие членов группы друг с другом, групповое выполнение заданий экскурсовода. В основном данная форма работы применяется с туристическими группами.

Помимо программы «Музей и дети» исторический отдел проводит различные мероприятия, посвященные юбилейным датам, музейным проектам и акциям. Здесь важную роль играют партнерские отношения музея с другими учреждениями культуры. Например, совместно с молодежной группой народного театра «Свеча» Белозерского дома культуры были подготовлены и проведены театрализованный урок истории «Ветры поля Куликова» (2015 г.), поэтическая экскурсия «Горящая строка С. Орлова...» (2016 г.). Актеры театра «Свеча» и участники молодежного общественного объединения «Новый формат» участвовали в проведении театрализованной экскурсии «Город над озером Белым» (в рамках акции «Ночь музеев», 2019 г.). Воздействуя на сферу эмоционально-чувственного восприятия, театрализация позволяет задействовать большее количество каналов восприятия информации. В сценариях таких мероприятий помимо исторических и музейных материалов значительное место занимают произведения литературы, изобразительных и музыкальных искусств.

В условиях современного общества значительную часть знаний подростки получают при работе с электронными гаджетами. В 2016 и 2018 гг. сотрудниками исторического отдела проводился районный историко-краеведческий интернет-квест «Белоозеро-Белозерск». В течение нескольких недель командам-участницам предлагались тематические блоки заданий. Поиск ответов требовал обращения к различным видам источников по истории края. Участие приняли команды из школ города и района, Белозерского индустриально-педагогического колледжа.

Область пересечения сфер уставной деятельности школ и краеведческих музеев динамично расширяется под воздействием запросов общества и государства. Образовательная деятельность школы в сочетании с особенностями образовательной среды музея способствуют формированию у детей целостного отношения к историко-культурному наследию. Наличие прочных социальных партнерств между учреждениями образования и культуры становится важным условием успешного выполнения поставленных перед ними задач по образованию и духовно-нравственному воспитанию подрастающих поколений.

Источники и литература

1. Активные методы обучения истории в школе и вузе : учебно- методическое пособие / сост. О. В. Ильина. – Вологда : ВГПУ, 2013. – 80 с.
2. Ардальонов, Д. А. Музей и дети : дополнительная общеобразовательная общеразвивающая программа / Д. А. Ардальонов. – Белозерск, 2018.
3. Донцова, А. И. Музей в образовательном пространстве студентов СГСПУ / А. И. Донцова // VII Кирилло-Новоезерские чтения : сборник материалов межрегиональной конференции / под редакцией Т. А. Москаленко, С. А. Удальцовой. – Белозерск, 2017. – С. 200–204.
4. Живые уроки : сайт. – URL: <http://www.zhivye-uroki.ru/about/> (дата обращения: 28.11.2019). – Текст. Изображение : электронные.
5. Историко-культурный стандарт школьного образования. // URL: <http://idc.ulstu.ru/ipk/His061014001.pdf> (дата обращения: 28.11.2019). – Текст : электронный.
6. Концепция нового учебно-методического комплекса по Отечественной истории. – Текст : электронный // ИСТОРИЯ. РФ : сайт. – URL: [https://histrf.ru/biblioteka/b/kontsiepsiia-novogho-](https://histrf.ru/biblioteka/b/kontsiepsiia-novogho)

uchiebno-mietodichieskogho-kompleksa-po-otiechiestviennoi-istorii-1 (дата обращения: 28.11.2019).

7. Министерство культуры Российской Федерации : сайт. – URL: <https://www.mkrf.ru/> (дата обращения: 28.11.2019). – Текст. Изображение : электронные.

8. Муниципальное общеобразовательное учреждение «Средняя школа № 1 имени Героя Советского Союза И. П. Малоземова» г. Белозерска Вологодской области : сайт. – URL: <http://www.s03001.edu35.ru> (дата обращения: 28.11.2019). – Текст. Изображение : электронные.

9. Муниципальное общеобразовательное учреждений «Средняя школа № 2 имени С. С. Орлова» г. Белозерск Вологодская область : официальный сайт. – URL: <http://www.s03002.edu35.ru> (дата обращения: 28.11.2019). – Текст. Изображение : электронные.

10. Об утверждении основ государственной культурной политики : Указ Президента РФ № 808 от 24 декабря 2014 г. – Текст : электронный // Президент России : официальные сетевые ресурсы : [сайт]. – 2019. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/39208/page/1> (дата обращения: 28.11.2019).

11. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования : приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. № 1897. – Текст : электронный // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : [сайт]. – URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minobrnauki-rf-ot-17122010-n-1897/> (дата обращения: 28.11.2019).

12. Официальный портал Правительства Вологодской области : сайт. – URL: <http://vologda-oblast.ru/> (дата обращения: 28.11.2019). – Текст. Изображение : электронные.

13. Перова, Е. Ю. Отечественное краеведение и музееведение в XX – XXI вв. / Е. Ю. Перова // VII Кирилло-Новозерские чтения : сборник материалов межрегиональной конференции / под редакцией Т. А. Москаленко, С. А. Удальцовой. – Белозерск, 2017. – С. 479–486.

ПРОБЛЕМА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО И ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В статье освещается проблема нравственно-патриотического воспитания молодежи в целом, а также проблема формирования системы ценностей в процессе духовно-нравственного и патриотического воспитания сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: молодежь, ценности, духовно-нравственное развитие, патриотическое воспитание.

THE PROBLEM OF SPIRITUAL-MORAL AND PATRIOTIC EDUCATION OF EMPLOYEES OF THE CRIMINAL EXECUTIVE SYSTEM

The article covers the problem of moral and patriotic education of young people in general, and the problem of the formation of a system of values in the process of spiritual, moral and patriotic education of the staff of the penitentiary system.

Keywords: youth, values, spiritual and moral development, patriotic education.

В современном обществе происходит активизация процесса духовно-нравственного воспитания во всех образовательных структурах, в том числе в Федеральной службе исполнения наказаний, что способствует дальнейшему формированию системы нравственных ценностей, повышению ее роли в жизни личности и общества. Это помогает противостоять процессу профессионально-нравственной деформации сознания сотрудника. Сегодня сотрудник уголовно-исполнительной системы (в дальнейшем – УИС) без таких качеств, как честность, чувство долга, добросовестность, гуманность, толерантность, бескорыстие – просто не состоится как профессионал и как личность, так как перечисленные выше качества образуют нравственный фундамент, на основе которого должна строиться его дальнейшая профессиональная деятельность.

Сотрудник УИС не остается в стороне от активной общественной жизни, в которой разворачиваются противоречивые процессы. С одной стороны, в современной жизни российского общества продолжается реализация принципов гуманизма и патриотизма, что проявляется во всех сферах социальной жизни, в том числе и в уголовно-исполнительной политике. Процесс демократизации общества, утверждения принципа свободы вероисповедания – должны способствовать социальному, политическому, духовно-нравственному развитию личности и общества, давать возможность для самореализации и творческого развития каждого. С другой стороны, еще достаточно низкий уровень культуры в современном российском обществе и высокий уровень преступности являются результатом так называемого духовного кризиса 90-х гг. XX в. Кроме преступлений в экономической сфере, среди которых особое внимание общества приковано к преступлениям коррупционной направленности, также совершаются преступления на межнациональной почве, но еще большую опасность представляют преступления экстремистской и террористической направленности [2, с. 117–120]. Решение всех перечисленных проблем, в том числе проблемы противодействия распространению экстремизма и терроризма легло на плечи сотрудников УИС.

Министр иностранных дел России Сергей Лавров в одном из интервью отметил, что «ИГИЛ (запрещенная в РФ организация экстремистской направленности), стремится расширить свои границы, стать квазигосударством, основанном на бесчеловечных качествах и постулатах». Недавно показанный по одному из центральных каналов российского телевидения фильм А. Замыслова «Арифметика террора» поднял вопросы о том, кто и как сегодня финансирует террористические организации, помогает создавать базы по подготовке боевиков-террористов. Автор фильма приходит к выводу, что терроризм на сегодняшний день «превращается в бизнес, демонстрацию услуг по завоеванию мира». «ИГИЛ» использует всевозможные легальные и нелегальные методы для расширения своего влияния (продажа нефти на захваченных территориях, запуск информационной войны, демонстрация казней в целях устрашения и др.). Сотни тысяч человек (в том числе молодежь) бегут от войны в обеспеченные страны Западной Европы, пытаясь там найти временное прибежище. Террористы хотят решить еще одну проблему

– переманить молодежь на свою сторону, для этого разрабатывают различные способы вербовки молодых людей. Данная проблема не чужда и российскому обществу, т.к. неоднократные попытки уже были со стороны террористов «ИГИЛ» завербовать молодых людей – граждан Российской Федерации (и случай с Варварой Карауловой – не единичный).

Философы и ученые отмечают, что современные возможности всемирной коммуникации, глобального рынка, угрозы терроризма и риски локальных войн приводят к необходимости создания «императива планетарной этики и общечеловеческой культуры, ответственной за судьбу человечества и мира на Земле» [8, с. 4]. Современный императив имеет моральный смысл, т.к. несет в себе требование морального и правового ограничения в мире произвола, выходящего за пределы частных свобод и разумности совершаемых поступков, как со стороны отдельных индивидов, так и со стороны политики государств. Если раньше в историческом развитии этика приобретала формы религиозной этики, либо политической, то в современном мире она стала этикой долга и моральной воли, а также этикой дискурса и личной ответственности. В последнее время выделяются нормативный и ценностный подходы в рассмотрении роли этики [8, с. 4–5].

Так, по-прежнему актуально звучит кантовский деонтологический моральный императив («Поступай только согласно такой максиме, относительно которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом») и кантовские философские вопросы («Что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться? Что такое человек?»), заставляя заново к ним обращаться и рефлексировать.

Для более эффективной работы в сфере нравственного и патриотического воспитания молодежи Правительство РФ разрабатывает правовую и методическую базу. Так, Постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. N 1493 утверждена Государственная Программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 гг.» [1], в которой главным направлением является патриотическое воспитание детей и молодежи. В рамках Программы предусмотрено развитие таких направлений, как:

- совершенствование форм и методов работы по патриотическому воспитанию граждан (например, проведение всероссийских акций «Мы – граждане России!», организация фотовыставок на тему «В России – моя судьба» и др.);
- военно-патриотическое воспитание детей и молодежи, развитие практики шефства воинских частей над образовательными организациями;
- развитие волонтерского движения;
- информационное обеспечение патриотического воспитания граждан (содействие развитию патриотической тематики телепрограмм, периодической печати, литературы и т.д.).

Также развивается направление по противодействию попыткам фальсификации истории, так как молодому поколению необходимо интересоваться историей и культурой своей страны и больше знать о событиях, которые стали основой для государственных праздников и памятных дат. В последние годы в России создаются центры военно-патриотического воспитания и военно-спортивные лагеря. Доля молодежи, участвующей в мероприятиях по патриотическому воспитанию, проводимых в рамках региональных программ, составляет в настоящее время около 21,6 % общего количества молодых граждан в стране [8].

Таким образом, власти и общественность сегодня активно пытаются решить проблему духовно-нравственного и патриотического воспитания молодежи в нашей стране.

Для сотрудников УИС (в рядах которых сегодня много представителей молодежи) наряду с нормами и ценностями общей морали разработана профессиональная этика, которая представляет собой совокупность норм и правил, которыми должен руководствоваться сотрудник в своей деятельности. Успешно выполнять свои функции сотрудники правоохранительных органов могут только тогда, когда они осознают социальную роль своей деятельности и обладают высоким чувством долга, не допускающим компромиссов, сделок с совестью; не поддающимся каким-либо влияниям и подчиняющимся только закону и справедливости. Но чтобы поступать таким образом, недостаточно знать законы; необходимы еще высокие нравственные личностные качества.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года [7] основной акцент делается не только на повышение уровня профессионального образования работников, овладение новейшими психологическими и педагогическими методиками и технологиями воздействия на поведение граждан в условиях их изоляции от общества. Большое внимание уделяется антикоррупционной направленности деятельности сотрудников УИС. Для выполнения данных требований необходимо повышать не только

профессиональные знания и умения, но и духовно-нравственные качества сотрудников УИС.

На решение данных задач ориентирует еще один важный документ – «Кодекс этики и служебного поведения сотрудников и федеральных государственных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы» [6] (далее – Кодекс). Данный документ утвердил совокупность профессионально-этических норм служебного поведения сотрудника УИС. Кодекс основывается на фундаментальных общечеловеческих и профессионально-нравственных ценностях, требованиях гражданского и служебного долга. Соблюдение основных положений Кодекса дает право сотруднику УИС на уважение, доверие и поддержку в служебной и повседневной деятельности со стороны коллег, граждан и общества в целом.

Кодекс способствует формированию позитивного имиджа, компетентного стиля поведения сотрудника. Исходя из данного документа, все сотрудники УИС (при этом особое внимание должно уделяться молодому поколению) обязаны придерживаться следующих духовно-нравственных и профессиональных принципов: законности, объективности, гуманизма, коллективизма, нейтральности по отношению к политическим партиям и движениям; а также способствовать сохранению и преумножению служебных традиций [5, с. 56-60].

Таким образом, для дальнейшего развития и укрепления всей уголовно-исполнительной системы российского общества являются наиболее значимыми следующие моменты: продолжать политику в области духовно-нравственного и патриотического воспитания молодых кадров, усилить ответственность педагогов за формирование высоких духовных и профессиональных качеств личности обучающегося.

Источники и литература

1. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы». – Текст : электронный // Молодежь Костромской области : [сайт]. – URL: <http://kdm44.ru/pages/patriotpr-2016-2020.html> (дата обращения: 20.03.2019).

2. Назарова, М. Г. К проблеме толерантности: понятие, сущность и пути решения / М. Г. Назарова // Государственная политика в сфере межнациональных и межрелигиозных отношений в регионе: современные вызовы и приоритеты : материалы Международной научно-практической конференции / под общей ред. В. В. Калмыкова, Е. А. Плеханова. – Владимир, 2015.

3. Назарова, М. Г. Проблема нравственного формирования личности в современной культурно-образовательной среде / М. Г. Назарова // Организация образовательного процесса в вузах: современное состояние, проблемы и перспективы : сборник материалов научно-методической конференции. – Рязань, 2017. – С. 187–195.

4. Назарова, М. Г. Эстетическая культура личности: сущность и содержание в контексте современной науки / М. Г. Назарова // Эстетика и эстетическое образование в процессе трансформации современной культуры : материалы международной научной конференции. – Владимир, 2018. – С. 235–242.

5. Назарова, М. Г. Проблема духовно-нравственного становления личности сотрудника уголовно-исполнительной системы / М. Г. Назарова, В. Л. Некишев // Вестник Владимирского юридического института. – 2018. – № 1 (46). – С. 56–60.

6. Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников и федеральных государственных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы : приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 11 января 2012 № 5. – Текст : электронный // ГАРАНТ. РУ : информационно-правовой портал. – URL: [http:// base.garant.ru/70150194/](http://base.garant.ru/70150194/) (дата обращения: 15.06.2019).

7. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 № 1772-р. – Текст : электронный // Федеральная служба исполнения наказаний : [сайт]. – URL: http://fsin.su/document/index.php?ELEMENT_ID=6663 (дата обращения: 20.03.2019).

8. Тетюев, Л. И. Как возможна философская этика? / Л. И. Тетюев, В. Н. Белов // Проблемы этики: историко-философский и профессиональный контекст : доклады Международной научно-практической конференции, г. Саратов, 17 декабря. – Саратов, 2015. – С. 106–107.

9. Горовцева, М. Утверждена программа патриотического воспитания россиян на период 2016-2020 годов / М. Горовцева. – Текст : электронный // ГАРАНТ. РУ : информационно-правовой портал. – URL: <http://www.garant.ru/news/688590/#ixzz42RLAQ4ek> (дата обращения 20.03.2019).

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ В ШКОЛЕ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматривается проблема формирования мировоззрения обучающихся в историческом контексте. Проанализированы истоки духовного образования в Сибири. Подчеркнута роль Киево-Могилянской академии в распространении знаний и духовного опыта в провинциях Российской империи эпохи Петра I, подчеркнута актуальность данной проблематики для сегодняшнего процесса воспитания.

Ключевые слова: культура, воспитание, Иоанн Максимович, духовное образование, Сибирь, образовательный проект «Истоки».

SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION IN SCHOOL: HISTORY, MODERNITY, PROSPECTS

The article considers the problem of forming the worldview of schoolchildren in a historical context. The sources of spiritual education in Siberia are analyzed. The role of the Kiev-Mohyla Academy in the dissemination of knowledge and spiritual experience in the provinces of the Russian Empire of the era of Peter I was emphasized, the relevance of this issue to the current educational process was emphasized.

Key words: culture, education, John Maksimovich, spiritual education, Siberia, the educational project «Istoki».

Проблема нравственного воспитания в школе всегда стояла остро и была актуальна, ведь благосостояние общества зависит не только от материального достатка, но и от уровня духовного развития и нравственного совершенствования людей. Поэтому особенно важны внутренняя культура, воспитание, формирование ценностного мира у подрастающего поколения, основу которого как раз и составляет нравственность сознания и поведения.

Обратимся к истокам духовного образования в Сибири, которое всегда привлекало внимание не только историков, церковных деятелей, но и филологов-медиевистов. Ибо духовная школа – один из важнейших институтов церкви, всегда играла основополагающую роль в жизни и истории России. Петровские реформы, направленные на модернизацию страны стали вектором развития духовного образования, вызовом Новому времени и новому человеку. Для ответа на цивилизационные вызовы требовались подготовленные кадры. И тут особая роль как носителям духовных и культурных знаний отводилась выпускникам Киево-Могилянской академии, устроенной по образцу католических учебных заведений. Изначально она строилась по европейскому образцу и ее главной целью, по мнению П. Пекарского, было противостояние римско-католической пропаганде [4]. Умение спорить, убеждать противника в словесной полемике было важнейшей стороной в образовании слушателей Академии. Эта научно-богословская традиция оказалась востребована в русском обществе конца XVII–нач. XVIII вв. и вылилась, с одной стороны, в создание подобного направления в Московской славяно-греко-латинской академии (1685), а с другой – в насыщение кадрами украинской образованности географически удаленных от центра епархий.

Именно эти духовные пастыри, выпускники Академии, не только принесли с собой на сибирскую землю новые знания, новые традиции, новую культуру, но и были способны окормлять её. Ревнителями образования и духовного воспитания можно назвать тобольских митрополитов Филофея Лещинского и Иоанна Максимовича. Достойного внимания в становлении и развитии духовного образования заслуживает судьба митрополита Тобольского Иоанна Максимовича – последнего царского святого. Убеждения и взгляды которого оказались более чем прогрессивны для своего времени. Конкретные повороты в судьбе позволили ему их успешно реализовать. Так, будучи утвержденным грамотой Петра I в 1697 г. Черниговским архиепископом, Иоанн Максимович в 1701 создает в Чернигове Коллегиум, который впоследствии послужил образцом духовных семинарий в епархиях Русской православной церкви [1, с. 582]. Все остальные духовные школы под покровительством малороссийских и великороссийских иерархов появились позднее.

Коллегиа в Чернигове отличалась своеобразным демократизмом. Здесь обучались дети духовенства, дворян, казаков и мещан. Учащиеся не только получали подготовку для продолжения образования, но и приобретали способность к самостоятельной деятельности.

Предметом особой гордости училища была библиотека, которая для того времени считалась одной из лучших в России по подбору редких и старинных книг. Продолжением просветительской деятельности Иоанна Максимовича в бытность его митрополитом Сибирским, которым он стал в 1711 г., была славяно-латинская школа, основанная ещё его предшественником митрополитом Филофеем Лещинским в 1703 г. Следует признать, что Иоанн Максимович ощущал в себе талант учителя, наставника и подвижника православия. К главнейшим достоинствам митрополита можно отнести такие качества как оказание материальной помощи учащимся, проявление постоянной заботы об учителях, факты о которых сохранялись в памяти последующих поколений.

Следует обратить внимание на личность митрополита Тобольского святителя Иоанна Максимовича (1651/3–1715) – биография которого вписана не только в историю церковной жизни, но и в историю русской дипломатии, русской культуры и русского просвещения. К тому же, будучи переводчиком и стихотворцем, он способствовал становлению переводческой школы в русской литературе и формированию русского образования. Отпрыск небогатого дворянского рода из Черниговской губернии Иоанн Максимович получил достойное образование в Киево-Могилянской академии. Именно Академия сформировала стойкий характер будущего митрополита Тобольского. Биография Иоанна Максимовича достаточно хорошо известна, за исключением сведений о его детстве и отрочестве. Фигура Максимовича по различным причинам периодически привлекала внимание церковных биографов, создавших своеобразную историко-биографическую эпопею, способствующую появлению идеализированного и по-своему этикетного описания событий жизни Иоанна и характеристике его творческой литературной и переводческой деятельности [3; 6].

Биография Иоанна Максимовича, как нам представляется, вбирает в себя различные интенции времени, а обострение внимания к церковному деятелю в различные периоды имеет свои историко-культурные закономерности.

В Тобольский период жизни Иоанн Максимович продолжает отстаивать прежние приоритеты, направленные на образование и укрепление православия. Та закалка защиты православных ценностей, которую митрополит получил в бытность свою на Украине, оказалась востребована в многоконфессиональном сибирском контексте.

Обобщая и анализируя процессы, происходившие в сфере духовного образования в XVII–XVIII вв. в Тобольской епархии, можно сказать, что в этот период происходит зарождение и становление духовного образования, которое открывало перед выпускниками широкие перспективы и оказывало влияние на общую культурную ситуацию в губернии. Позже произошло отделение духовной школы от светской, оформление ее новых целей, задач, измененного сословного характера.

Как уже ранее было отмечено, при формировании моральных убеждений, своего рода постулатов, важную роль играют нравственные знания, не только полученные от знакомства с произведениями искусства, литературы, но и приобретенные в личном общении. В эпоху развития информационных технологий, когда выросло поколение, именуемое «цифровым», особенную тревогу вызывает именно качество общения. Живую, эмоциональную беседу, наполненную переживаниями, чувствами, давно заменили смс-сообщения с «суконным» языком, интернет, одним словом, виртуальная жизнь. Уходят из жизни важные, нравственные компоненты: со-чувствие, со-переживание, со-участие, а это в свою очередь ведёт к эмоциональному истощению. Своевременным и актуальным стал образовательный проект «Истоки», получивший признание во многих регионах страны, в том числе и в Ханты-Мансийском округе.

Важным в данном проекте являются универсалии культуры с её вечными ценностями: патриотизм, духовность, нравственность, которые «обеспечивают устойчивость цивилизации и преемственность культуры». Руководствуясь различными подходами в толковании духовно-нравственных ценностей, авторам удалось представить различные варианты понимания основ православной культуры, что очень важно при подаче материала обучающимся из разноконфессиональных семей. Несомненной удачей курса «Истоки» стали не только межпредметные связи (перекличка идёт с историей, литературой, искусством, технологией), но и с воспитательной программой, сопровождающая работу с родителями, социумом и позволяющая учащимся осознать себя гражданами своей страны.

Думается, что учителю, работающему по программе «Истоки», легче развить эмоциональный интеллект обучающегося, а стало быть, помочь ему сформировать свой ценностный мир. А это

возможно, опираясь на гуманитарные знания.

Так, соблюдая преемственность, сохраняя культурное и духовное наследие, учитывая опыт поколений, учитель может оказать помощь ученику в формировании культурного ландшафта.

Источники и литература

1. Доброклонский, А. П. Руководство по истории Русской Церкви / А. П. Доброклонский. – Москва : Изд-во Крутицкого подворья, 2009. – 935 с.
2. Камкин, А. В. Программа «Истоки» : опыт и перспективы / А. В. Камкин // Педагогика. – 2008. – № 9. – С. 93–99.
3. Николаев, С. И. Максимович Иоанн / С. И. Николаев // Словарь русских писателей XVIII века / отв. ред. А. М. Панченко. – Санкт-Петербург, 1999. – Вып. 2. – С. 266–267.
4. Пекарский, П. Наука и литература в России при Петре Великом. В 2 томах. Том 1. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия / П. Пекарский. – Санкт-Петербург : Тип. Товарищества «Общественная польза», 1862. – 578 с.
5. Чернышов, А. В. Религия и церковь в Тюменском крае : опыт библиографии. В 3 частях. Часть 1 / А. В. Чернышов. – Тюмень, Мандрика, 2004. – 271 с.
6. Фомин, С. В. Последний царский святой. – Санкт-Петербург : Общество святителя Василия Великого, 2003. – 704 с.

СЕКЦИЯ 3
«РОЛЬ МУЗЕЕВ В СОХРАНЕНИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ»

Теребова Л. В.

Кирилло-Белозерский историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник (г. Кириллов)

КНЯЗЬЯ ВОРОТЫНСКИЕ И КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Статья посвящена роли Кирилло-Белозерского монастыря в судьбах представителей княжеского рода Воротынских и храму-усыпальнице, возведённому в Кирилловой обители над их захоронениями.

Ключевые слова: Кирилло-Белозерский монастырь, Воротынские, ссылка, церковь Владимира, вклады.

PRINCES VOROTYNSKY AND THE KIRILLO-BELOZERSKY MONASTERY

This article is about the role of the Kirillo-Belozersky Monastery in the fates of representatives of the princely family of the Vorotynskys and the church built as their family burial vault in the Kirillo-Belozersky Monastery.

Key words: Kirillo-Belozersky Monastery, Vorotynskys, exile, Church of Saint Vladimir, donations.

К северной стене Успенского собора – главного храма Кирилло-Белозерского монастыря, примыкает церковь равноапостольного князя Владимира (Рис. 1). Она была возведена в 1554 г. над захоронением Владимира Ивановича Воротынского и стала усыпальницей представителей этой фамилии. Судьба рода Воротынских была тесно связана с историей Кирилло-Белозерского монастыря.

Рис. 1. Церковь святого равноапостольного князя Владимира (1554).
Фото 2017 г.

Воротынские – древний княжеский род, происходивший из черниговской ветви династии Рюриковичей, потомки князя Михаила Всеволодовича Черниговского. У Михаила было пять сыновей и две дочери. От потомков третьего сына Симеона пошёл род Воротынских – правнук Симеона князь Фёдор Львович (по другим данным Юрьевич) в XV в. получил в удел город Воротынск, расположенный в 15 км от Калуги, и впервые стал именоваться князем Воротынским. Эти верхнеокские земли, с середины XIII в. являвшиеся наследственным владением потомков Михаила Всеволодовича, располагались на окраинах русского государства и были предметом территориальных споров между Русью и Литвой, которой они принадлежали в конце XIV–XV вв. В 1480-е гг., после стояния на Угре, сыновья Фёдора Львовича Воротынского начали переходить на службу к московскому князю Ивану III. Сначала отказались от Литовского подданства Михаил Фёдорович с сыном Иваном, а в 1493 г. – Дмитрий и Семён Фёдоровичи [4, с. 728-729].

Братья Михаила Фёдоровича не имели сыновей, и в 1499 г. Иван Михайлович остался единственным представителем рода Воротынских. На службе в Московском государстве И. М. Воротынский зарекомендовал себя как победоносный воевода. Он участвовал во многих военных походах и за военные заслуги получил от князя Василия III высокое и почётное положение царского слуги, позволявшее ему сохранить остатки былой независимости. Иван Михайлович был женат дважды: первым браком на Анастасии Ивановне Захарьиной, умершей в 1522 г., а вторым – на Анне Васильевне Шестуновой-Ярославской. От первой жены он имел трех сыновей: Владимира, Михаила, Александра, впоследствии показавших себя доблестными и

верными защитниками Московского государства.

Иван Михайлович первым из Воротынских побывал в Белозерье. В 1521–1525 гг. он находился вместе с семьёй в Кирилло-Белозерском монастыре в ссылке, куда был отправлен за поражение и тактические неудачи, допущенные во время отражения похода на Москву крымского хана Мухаммед-Гирея I. В 1534 г. И. М. Воротынский был обвинён в заговоре с князем С. Ф. Бельским и окольным И. В. Ляцким, бежавшими к королю Сигизмунду, и вновь отправлен в ссылку в Кириллову обитель. Во время второй ссылки Иван Михайлович умер, но похоронен был в Троице-Сергиевом монастыре. Во вкладных и кормовых книгах Троицкой обители имеется немало упоминаний о денежных вкладах представителей этого рода [5, с. 48], а согласно Кормовой книге Троице-Сергиева монастыря 1674 г. на 11 июня был назначен «корм по роду Воротынских» [7, с. 220]. В 1534 г., как и во время ссылки 1520-х гг., И. М. Воротынский был сослан на Белоозеро вместе со своими сыновьями, которые после смерти отца получили свободу, им возвратили статус служилых князей и родовые земли.

В начале лета 1553 г. Кирилло-Белозерский монастырь посетил старший сын И. М. Воротынского Владимир Иванович, он сопровождал царя Ивана Грозного во время паломнической поездки по монастырям известной под названием Кирилловский езд. Осенью того же года Владимир Воротынский умер и был похоронен на территории Кирилло-Белозерской обители.

В марте 1562 г. в Кириллов монастырь был отправлен попавший в опалу средний сын И. М. Воротынского – Михаил, который жил в ссылке, как ранее его отец, вместе с женой и детьми. Согласно тексту «Летописи Кирилло-Белозерского монастыря», составленной архимандритом Иаковом, «...они здесь жили пышно, не как заключённые. Из царской казны им отпускались иностранные вина <...>, лимоны – сотнями, винные ягоды и изюм – пудами, сливы – ведрами, гвоздика, перец, осетры, лососи, севрюги, левашы для сладких левашников. Княгиня ходила в бурской и венецейской тафье» [10, с. 304]. Михаил Воротынский с семьёй провёл в ссылке четыре года, затем был прощён, вновь участвовал в военных походах, но «опять был по извету своего раба обвинён в колдовстве и замучен на огне <...>. Его едва живого <...> отправили в ссылку на Белоозеро, но он, не доехав, скончался в 1573 г. в Кашине» [10, с. 304].

В XVI–XVII вв. многие представители рода Воротынских делали вклады в Кирилло-Белозерский монастырь. В монастырской казне среди многочисленных грамот хранились дарственные вдовы Владимира Ивановича Воротынского княгини Марии Ивановны «на село Тереботунь з деревнями, что в Бежецком Верху» и «на половину села Хотенова з деревнями». Из вкладной книги монастыря можно узнать о назначении первого вклада: «Лета 7062 князя Владимира Ивановича сожительница княгиня Мария дала вотчину свою сельцо Теребатунь в Бежецком Верху. И за то вотчинное даяние и по приказу построена над князем Владимиром Ивановичем церковь каменная великого князя Владимира Киевского». Владимир Иванович Воротынский, скончавшийся 27 сентября 1553 г., был захоронен у северной стены Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря. В 1554 г. согласно вкладной грамоте его супруги над могилой князя была возведена церковь, посвящённая его патрональному святому – равноапостольному князю Владимиру.

В середине XVI в. возведение в монастырях храмов над могилами светских феодалов было не принято на Руси и строительство церкви над могилой В.И. Воротынского вызвало раздражение Ивана IV: «А во се над Воротынским церковь есть поставили – ино над Воротынским церковь, а над чудотворцем нет, Воротынской в церкви, а чудотворец за церковию! А на Страшном Спасове судилище Воротынской да Шереметев выше станут: потому Воротынской церковь, а Шереметев законом, что их Кириллова крепче. Слышах брата от вас некоего глаголюща, яко добре се сотворила княгиня Воротынскаго, аз же гдаголю, яко недобре: по сему первое, яко гордыни есть и величания образ, еже подобно царстей власти церковию и гробницею и покровом посчитатся» [11, с. 246–247]. Грозный царь особо отметил тот факт, что церковь над могилой светского феодала построили в обители в то время, когда над могилой основателя монастыря чудотворца Кирилла была лишь деревянная сень.

Тем не менее, церковь стоит и поныне. Это небольшой бесстолпный храм с системой ступенчато повышающихся арок. Он вплотную примыкает к Успенскому собору и, по сути, является его приделом. В наружном декоре церковь Владимира в миниатюре воспроизводила формы Успенского собора – те же ярусы кокошников, те же пояса узорчатой кладки [9, с. 19]. Описание первоначального облика храма и его убранства сохранилось в Описи строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря за 1601 г.: «Крест железный. А верх обит железом

немецким. Закомары покрыты тёмсом. Перед церковью у сторонних дверей от Святых ворот паперть камена крыта тёмсом» [11, с. 98]. Убранство храма не отличалось особым богатством. В четырёхрядном иконостасе размещались четыре иконы местного ряда, девять – деисусного, четырнадцать – праздничного и одиннадцать – пророческого ряда. Местные иконы украшали шитые пеленами: «Образ местный Спас Вседержитель <...> У него пелена отлас червчат, шита золотом, и серебром, и шелки <...> образ ветх, местной, благоверны велики князь Владимир и чада его <...> на золоте. Пелена отлас червчат, середник бархат черн, крест бархат золотной. Старец Леонид сказал, что он ту пелену делал из царской дачи <...> Пречистые Богородицы Одегитрия на золоте. Пелена бархат золотной по лазоревой земле, середник отлас шелк жолт, а на ней вышит образ Кирилла чудотворца, венец шит золотом, около венца сажено жемчугом да окло чудотворцова образа шит трепарь золотом, строе строение». Большинство икон, а также царские врата были написаны на золоте, но уже монастырская опись 1601 г. отмечает ветхость образов местного и пророческого рядов. На некоторых иконах имелись серебряные басманные позолоченные оклады. Храм освещали «4 свечи поставные подписаны красками, свечники жестяные, а подсвечники деревянные», два медных паникадила о двенадцати и о трёх «шандатех». В алтаре располагался престол, облачённый в одежду из красной тафты, Евангелие в окладе с серебряными накладками, за престолом – деревянный крест с Распятием, праздниками и пророками. В алтаре также хранился крест с семнадцатью серебряными золочёными дробницами с изображением святых, украшенный жемчугом, восемь икон, медные кадило и кумганец и большой слюдяной фонарь [11, с. 98–101]. Первоначальное убранство церкви и её завершение не сохранились: в 1631 г. над барабаном была сооружена новая луковичная главка, крытая деревянным лемехом, в XVIII в. храм был перекрыт четырехскатной кровлей, оконные проёмы расширены. В начале XIX в. поновили интерьер: новые иконы, написанные маслом кирилловским иконописцем Иваном Копытовым, в 1827 г. вмонтировали в позолоченный иконостас работы вологодского резчика Ивана Сиротина [12, с. 63–64].

Возведённая над погребением Владимира Ивановича церковь Владимира стала местом захоронения ещё семи представителей рода Воротынских. Согласно монастырским описям к концу первой четверти XVII в. «в церкви же Владимира Святого положено <...> два покрова червчатые, сукно багрянец на четырёх гробницах Воротынских». На тот момент в Кирилло-Белозерском монастыре рядом с Владимиром Ивановичем был похоронен его младший брат Александр, умерший в 1564 г., а в 1606 г. в церковь Владимира перенесли останки среднего брата – Михаила Ивановича и его сына Логина (Дмитрия) Михайловича. В 1627 г. умер и был захоронен рядом с отцом и братом второй сын Михаила Ивановича – Иван. Позднее в церкви Владимира появились могилы Алексея Ивановича, Ивана Алексеевича и Михаила Ивановича II. В Описи Кирилло-Белозерского монастыря за 1773 г. указано расположение всех восьми погребений и дано описание плит, сообщающих о захоронении князей. Плиты к этому времени были вмонтированы в северную, южную и западную стены храма: «В оной же церкви на правой стороне в двух рядах по три каменные вместе деланные гробницы. В первом ряду близь западной стены первые три гробницы <...>. Над оными тремя гробницами на западной стене по алебастри резная подпись такова: «От полденной стороны преставися благоверный князь Владимир Иванович Воротынской лета 7062 сентября 27 дни, преставися благоверный князь Александр Иванович Воротынской, во иноцех Арсений, лета 7072 февраля в 6 день, и принесены ис Кашина в Кириллов монастырь князь Михайло // и сын его князь Логин лето 7114 генваря в 21 день, преставися благоверный князь Михайло Иванович князь Воротынский лето 7081 июня в 12 день погребен быст в Кашине граде, преставися благоверный князь Логин Михайлович Воротынской лета 7092 июля в 27 день, лета 7135 генваря в 8 день преставися раб Божий благоверный князь Иван Михайлович Воротынский во иноцех схимник Иона» (Рис. 2).

Рис. 2. Резная плита из церкви Владимира с надписями о захоронениях Владимира Ивановича, Александра Ивановича, Михаила Ивановича и Логина Михайловича Воротынских. Фото 2019 г.

Во втором ряду вторые три гробницы <...>. Из них на одной с полночной стороны гробнице во главах резная подпись такова: «Лета 7108 месяца июня в 20 день на память святого священно мученика Мефодии епископа Патарского преставися раб Божий благоверный князь Алексей Иванович Воротынской», а на протчих двоих гробницах в том же ряду никаковой подписи не имеется. В оной же церкви на левой стороне при полночной стене две каменные ж гробницы. Первая, что при углу близь церковных дверей <...>. Над оною гробницею на западной стене на доске резная подпись такова: «Лета 7187 июля в 24 день на память святых страсотерпец князей русских обою братии по плоти Бориса и Глеба преставися раб Божий боярин князь Алексей Воротынской. Вторая гробница на той же левой стороне <...>. На ней во главах резная подпись такова: «Лета 7186 сентября в 22 день на память святого священно мученика Фоки епископа синопийскаго да святого пророка Ионы в день // субботный в первый час дни преставися раб Божий благоверный князи Михайло Иванович Воротынской». Оные гробницы сверху покрыты семь гробниц красными, а осмая черным суконными самыми ветхими пеленами <...>» [1, с. 388–389]. Захоронения князей Воротынских и настенные плиты, украшенные растительным орнаментом, сохранились до настоящего времени. Помимо земельных вкладов представители рода Воротынских и их служилые люди вносили в монастырь драгоценную утварь, книги, священнические облачения, делали денежные пожертвования. В монастырских описях первой половины XVII столетия упоминаются священнические облачения из атласа и бархата, украшенные золотым шитьём, жемчугом и кружевами, вложенные княгиней Марией Ивановной Воротынской, книга, поступившая в дар от Александра Ивановича, крест, икона, пелена и священнические облачения от Ивана Михайловича. Из Кормовых книг известно о денежных вкладах: Михаил Иванович вложил 400 рублей и «шубу на соболях» на помин души своего брата Владимира, Александр Иванович – 50 рублей «по жене Ирине». Позднее по самому А.И. Воротынскому Иван IV «дал 515 рублей и шубу соболью». В 1627 г. вложено 270 рублей и шесть лошадей «по Ивану Михайловичу Воротынскому» [8, с. 348]. В 1642 г. на помин души скончавшегося в том же году Алексея Ивановича Воротынского его вдова Марфа Ивановна и сын Иван «дали ... в дом Успению Пречистыя Богородицы» большое серебряное блюдо [12, с. 63–64]. В 1663 г. Иван Алексеевич Воротынский «по своим родителям» дал ризы и покров, также известно о вложенных «по Алексею Ивановичу Воротынскому» 400 рублям и двух образах Богородицы в окладах [8, с. 348]. В декабре 1677 г. Иван Алексеевич «на поминовение души своего сына Михаила» вложил высокую серебряную кружку [12, с. 63–64]. В 1678–1679 гг. вторая жена Ивана Алексеевича княгиня Анастасия Львовна пожертвовала в обитель два золотых креста и образ Богородицы [12, с. 63]. К 1773 г. в малой ризнице соборного храма упоминаются четыре блюда, стакан, чаша, ложка и две кружки, поступившие от представителей рода Воротынских [1, с. л. 29 об.–39 об.]. В настоящее время в собрании музея хранится лишь три предмета, которые исследователи связывают с именами представителей рода Воротынских – это блюдо (1642), кружка (1640–1670-е) и икона «Бороматерь Фёдоровская» в окладе [12, с. 63–64].

Церковь Владимира, также, как и весь центральный соборный комплекс монастыря, в состав которого она входит, требовала реставрации и была закрыта для экскурсионного показа в 1960-е гг. Реставрация комплекса началась в 2010 г. В ходе работ было выполнено устройство дренажа по периметру соборного комплекса, проведена реставрация фасадов, кровли, выполнено устройство электроподогреваемых полов и другие работы. В церкви Владимира была разобрана иконостасная рама XIX в. и воссоздана первоначальная алтарная кирпичная преграда (Рис. 3) [6].

Рис. 3. Интерьер церкви Владимира после проведения реставрационных работ. Фото 2017 г.

Параллельно с реставрацией соборного комплекса ООО «Научно-производственный центр «Древности» из Вологды под руководством И. В. Папина осуществляло археологические исследования. Впервые изучение некрополя церкви Владимира проводилось в 1971–1972 гг. Археологи А. Н. Кирпичников и И. Н. Хлопин обследовали захоронение Алексея Ивановича Воротынского и определили границы погребений других членов этой старинной фамилии. Археологические исследования 2010 г. ставили целью более детально изучить некрополь Воротынских и провести исследования вокруг церкви в местах расположения дренажной системы. В ходе работ были повторно вскрыты все восемь погребений князей. В трёх из них обнаружили фрагменты одежды, украшенные золотным шитьём, выполненным в технике двойного тамбура, вероятно, остатки декоративной отделки мужских рубашек. Аналогичным образом были украшены рубашки бояр Романовых из некрополя в московском Новоспасском монастыре, князей Пожарских из некрополя Спасо-Ефимьева монастыря в Суздале и другие [2].

Фрагменты костяков князей Воротынских были отправлены в Лабораторию антропологической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН для изучения, проведения реконструкции лиц и ДНК-анализа умерших. По результатам исследований сотрудники лаборатории создали скульптурные бюсты шести представителей этого княжеского рода (кости лицевой части черепов Михаила Ивановича I (ум.1573) и его праправнука Михаила Ивановича II (ум. 1677), сохранились недостаточно хорошо). В подготовленном по результатам изучения заключении имеются интересные детали. Например, стало известно, что костяк из погребения 3 (Воротынский Михаил Иванович I), принадлежал физически здоровому мужчине старше 50 лет, скелет которого практически не имеет старческих изменений. Скелет из погребения 7 (Воротынский Иван Алексеевич) принадлежал мужчине 30–40 лет, который обладал большой физической силой и часто ездил на лошади [3]. В декабре 2012 г., после проведения исследований, останки были возвращены в склепы. Скульптурные изображения князей Воротынских в настоящее время хранятся в собрании Кирилло-Белозерского музея-заповедника.

Тесная связь знаменитого княжеского рода Воротынских с Кирилловской землёй имеет большое значение не только для города Кириллова, но и для всей Вологодской области. Предпринимаются шаги по увековечиванию памяти князя М. И. Воротынского, налаживаются контакты с городами, история которых связана с представителями рода.

Источники и литература

1. Опись Кирилло-Белозерского монастыря 1773 года // ГАВО. – Ф. 496. – Оп. 1. – Ед. хр. 2953. – Книга 2. Ч. 1.
2. ОПИ КБИАХМ. ДПА. Оп.2. Ед. хр. 1074 //Отчёт об археологических исследованиях в Успенском соборе Кирилло-Белозерского монастыря в Вологодской области в 2010 году / И. В. Папин. – Вологда: Древности Севера.
3. ОПИ КБИАХМ. ДПА. Оп.2. Ед. хр. 1115 // Отчёт по теме «Исследование антропологических материалов некрополя Кирилло-Белозерского монастыря, полученных в ходе археологических раскопок в 2010 г.» / А. В. Рассказова. – Москва.
4. Большая Российская энциклопедия. [В 30 томах]. Т. 5 / отв. ред. С. Л. Кравец. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 2006. – 782 с.
5. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / отв. ред. Б. А. Рыбаков. – Москва: Наука, 1987. – 439 с.
6. Вороничева, О. В. Центральный комплекс Успенского собора 1497 года ансамбля с тремя придельными церквями Владимира, Епифания, Кирилла Белозерского и папертями / О. В. Вороничева. – Текст: электронный // ФГБУК Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник: сайт. – URL: <http://www.kirmuseum.ru/issue/article.php?ID=130702> (дата обращения: 22.08.2019).
7. Кириченко, Л. А. Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г.: (исследование и публикация) / Л. А. Кириченко, Л. А. Николаева. – Москва: Индрик, 2008. – 520 с.
8. Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI-XVII веках: публикация: Синодичное предисловие, Книга Кормовая, Синодик Кормовой / подгот. текстов и исслед. Т. И. Шабловой. – Санкт-Петербург: Реноме, 2012. – 402 с.
9. Кочетков, И. А. «Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри. Архитектурные памятники» / И. А. Кочетков, О. Я. Лелекова, С. С. Подъяпольский. – Москва: Теза, 1994. – 128 с.
10. Летопись событий Кирилло-Белозерского Успенского монастыря. 1397–1893 гг. / публ.

Г. О. Ивановой, А. В. Смирновой // Кириллов: краеведческий альманах. – Вологда: Русь, 1997. – Вып. 2. – С. 273–347.

11. Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года: комментированное издание / сост.: З. В. Дмитриева, М. Н. Шаромазов. – Санкт-Петербург: Петербург. Востоковедение, 1998. – 380 с.

12. Успенский собор Кирилло-Белозерского монастыря : альбом-путеводитель / [авт. текста: Е. Щурина ; под общ. ред. И. А. Смирнова. – Кириллов: Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник : Вологжанин, 2013. – 71 с.

ПСАЛТЫРЬ В ЦЕРКОВНО-МОНАСТЫРСКОЙ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЕ РУССКОГО СЕВЕРА ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В статье предпринимается попытка анализа функционирования текста псалтири в церковно-монастырской книжной культуре Русского Севера позднего средневековья. На основе архивных и опубликованных источников выявляются основные разновидности текста Псалтири в церковных и монастырских библиотеках, анализируется ее использование в богослужебной практике, общественном и частном чтении, образовании. Автор уделяет внимание распространению старопечатных текстов Псалтири в книжной традиции региона.

Ключевые слова. Псалтирь, рукописные и старопечатные книги, монастырские библиотеки, описи монастырского имущества.

PSALTER IN THE CHURCH AND MONASTERY BOOK CULTURE OF THE RUSSIAN NORTH IN THE LATE MIDDLE AGES

The article attempts to analyze the functioning of the Psalter texts in the church and monastery book culture of the Russian North in the late Middle Ages. On the basis of archival and published sources, the main varieties of the Psalms' texts in church and monastery libraries are identified, their use in liturgical practice, public and private reading, and education is analyzed. The author pays attention to the spread of early printed Psalms' texts in the book tradition of the region.

Keywords: Psalter, manuscripts and early printed books, monastery libraries, inventories of monastery property.

В современной исторической и культурологической науке значительное внимание уделяется изучению различных аспектов средневековой книжной культуры. На сегодняшний день накоплен значительный опыт в анализе библиотек как отдельных монастырей и приходских церквей, так и целых регионов. Одним из первых в исторической науке началось изучение книжной культуры Русского Севера. Этот регион, характеризующийся значительной сетью православных монастырей, большим количеством приходов и развитой традицией книгописания, привлекает внимание исследователей уже со второй половины XIX в.

Расцвет изучения книжной культуры региона пришелся на последние три десятилетия, которые ознаменовались активным введением в научный оборот источников, расширением спектра рассматриваемых проблем. В последние годы фокус исследовательского интереса смещается от крупных книжных собраний к библиотекам средних и малых монастырей, предпринимаются попытки статистического и количественного анализа книжных фондов региона.

Одним из возможных направлений дальнейшего анализа истории книжной культуры Русского Севера в период позднего средневековья может быть анализ бытования отдельных текстов или комплексов текстов в церковно-монастырской книжной культуре. Прежде всего, такой подход может быть применен к текстам, играющим особую роль в литургической, мемориальной и повседневной четьей практике.

В данной статье предпринимается попытка анализа бытования Псалтири в монастырях и приходских церквях Европейского Севера России XVI–XVII вв. Основным источником такого анализа служат описи монастырского имущества и делопроизводственная документация.

Псалтирь занимала особое место в структуре книжной культуры средневековья, она совмещала в себе богослужебный и четий функционал, была обязательным элементом любой монастырской или церковной библиотеки. По этой причине внимание к Псалтири в исторической и археографической литературе достаточно велико. Однако преобладающим направлением исследования древнерусской Псалтири остается филологическое и лингвистическое. Здесь необходимо отметить работы А. А. Алексева [2], А. В. Вознесенского [5], О. П. Лихачевой [10]. Активно исследуются палеографические особенности отдельных рукописей [11], иллюстрирование рукописных Псалтирей [4], использование ее в богослужебной практике.

Будучи одной из канонических книг Ветхого Завета, Псалтирь обязательно входила в кодексы Библии. Однако полные библейские тексты имели крайне редкое распространение на Руси в

целом и на Европейском Севере в частности. Как правило, их можно встретить только в крупнейших книжных собраниях региона (Соловецкий, Кирилло-Белозерский, Спасо-Прилуцкий монастыри), при этом речь идет обычно о печатных изданиях (Острог 1584 г. и Москва 1663 г.). Ввиду крайней редкости и ценности эти издания вряд ли могли находиться в повседневном обороте, по этой причине мы не будем уделять им особого внимания в рамках данной статьи.

Важной особенностью Псалтири является ее активное богослужбное использование. Можно утверждать, что совершение православного богослужения (полного круга) без использования Псалтири невозможно. По этой причине мы видим Псалтирь уже на самых ранних стадиях формирования монастырских книжных собраний. Описи имущества упоминают Псалтири, происходящие из личных библиотек основателей монастырей. Так в описи Корнильево-Комельского монастыря 1657 г. находим: «Псалтырь в полдесть следованием, писмяная, письмо чудотворца Корнилия, з жуки» [8, с. 155]. Следует обратить внимание на тот факт, что это единственная книга, связанная с преподобным. «Псалмы на харатье в полдесть» упоминаются в описи имущества Кирилло-Белозерского монастыря среди 12 книг, принадлежавших преподобному Кириллу Белозерскому [7, с. 123]. При этом необходимо отметить, что в исторической литературе высказывались сомнения по поводу принадлежности этой пергаменной рукописи преподобному Кириллу. При этом наличие в личной библиотеке основателя монастыря Псалтири видится вполне вероятным и логичным. В духовной грамоте Дионисия Глушицкого (предположительная датировка 1436 г.) среди книг, оставшихся в монастыре после его кончины находим две Псалтири [1, с. 252]. Таким образом, можно сделать вывод, что Псалтирь входила в состав монастырских книжных собраний уже на ранней стадии их формирования.

Православная аскетическая традиция предполагает активное использование Псалтири в практике келейного чтения. Данная практика требовала раздачи книг монахам в кельи. К сожалению, далеко не все описи имущества дают нам указания на такую практику, что вполне логично, так как функционал описи состоял в фиксации состава книжного собрания, а не методов его использования. Однако в отдельных случаях мы находим указания на раздачу Псалтирей монашествующим. В описи имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г. находим упоминание о 108 Псалтирях, предназначенных для раздачи в кельи [7, с. 125].

Значительная часть Псалтирей в монастырских собраниях происходила из личных библиотек монашествующих, священнослужителей, архиереев, светских лиц. Их появление в монастырских библиотеках происходило двумя путями. Первый из них – дарение книг или их вклады на помин души, второй – передача «выморочного имущества» после смерти монаха общежительного монастыря в общую библиотеку. Первый путь часто обозначается в описях термином «дал» или «данья» с указанием данных о вкладчике. Так, например, упоминаются две Псалтири (простая и следованная) при описании книжного вклада дьяка Сидора Скворцова в Спасо-Прилуцкий монастырь [9, с. 64].

«Выморочное имущество» отмечается формулировкой «да осталось после...». В качестве примера приведем опись имущества Спасо-Прилуцкого монастыря за 1593 г., где читаем: «Да осталось после старца Стахея книг: книга Псалтирь следованьем в четверть. Книга Псалтирь печатная в десть» [9, с. 37]. Часто такие комплексы, составлявшие ранее личные келейные библиотеки монахов, описываются отдельно от основной массы книжного фонда [9, с. 44].

Общеизвестно, что текст Псалтири в русской средневековой традиции выполнял и еще одну важнейшую функцию – пособие для первоначального обучения чтению. Важно отметить, что в этом контексте применение Псалтири находит аналогии и в европейской традиции своего времени. Так, Б. Буоно отмечает широкое распространение текстов Псалтыри и различных сокращенных «детских» вариаций на него как основного пособия для обучения латинскому и итальянскому языкам в XVI в. [3].

Однако главной функцией Псалтири в монастырской библиотеке все же оставалась богослужбная. Наиболее распространённым вариантом Псалтири в средневековой книжности является простая. Такой вариант предполагает последовательное воспроизведение псалмов и библейских песней с богослужбными «приложениями» различного состава. Количество и состав приложений значительно колеблется в разных рукописях и печатных изданиях. Особую (меньшую по количеству) группу Псалтырей составляют «Следованные псалтыри» и как они чаще упоминаются в источниках «Псалтыри с воследованием». Такой тип текста предполагает наличие текста Псалтири, разделенного на 20 кафизм, с указанием тропарей и молитв, читаемых после кафизм, Часослова и Месяцеслова. Рукописные и старопечатные варианты Следованной

Псалтыри могли отличаться по составу текстов, так, например, издание Московского печатного двора 1648 г., достаточно распространённое в северных монастырях, имело в своем составе толкования отдельных псалмов [6].

В рукописной традиции Следованные Псалтири могли иметь дополнения, например, в описи имущества Павло-Обнорского монастыря за 1654 г. находим упоминание о Следованной Псалтири с Апостолом [9, с. 273]. Появление подобного типа конволютов не прослеживается систематически, как правило соединение различных текстов носило локальный характер.

Значительно меньшее распространение имела Толковая Псалтирь. Во многом это обусловлено очень поздним ее печатным изданием (впервые издана в Киеве в 1697 г.). Однако некоторые монастырские библиотеки имели ее рукописные тексты уже в конце XVI в.

Некоторые разновидности компоновки текста Псалтири встречаются крайне редко. Так нами обнаружено единичное упоминание «цветков», то есть выдержек или избранных мест из псалмов Давидовых в книжном собрании Спасо-Каменного монастыря [9, с. 122].

Псалтирь, безусловно, входила в число самых издаваемых и востребованных на рынке книг. Описи имущества упоминают тексты, изданные в Москве, Киеве, Вильно. Проблема состоит в том, что описи XVII в. практически никогда не указывают дат выхода изданий, ограничиваясь общими формулировками «печатать московская», «печатать киевская». По этой причине идентификация отдельных изданий становится возможной только в том случае, когда описание книги передает ее характерные особенности или книга издавалась редко (например, Библия или отдельные агиографические тексты). Как вариант возможно применение для этой цели поздних описей XVIII–XIX вв., где датировки встречаются гораздо чаще, но при этом следует учитывать наличие достаточно большого количества ошибок в подобных поздних датировках.

Подводя итоги, следует отметить, что рукописные и старопечатные тексты Псалтири составляли значительный пласт церковно-монастырской книжной культуры средневековья, играли важнейшую роль в богослужебной практике, обязательно присутствовали в кругу келейного чтения монашества. Исследования по теме целесообразно продолжить в статистическом русле с целью определения общего количества экземпляров Псалтири, бытовавших в регионе.

Источники и литература

1. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. [В 3 томах]. Т. 3 / [сост. И. А. Голубцов]. – Москва: АН СССР, 1964. – 686 с.
2. Алексеев, А. А. Текстология Славянской Библии / А. А. Алексеев. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1999. – 254 с.
3. Буоно, Б. Книги для начального изучения итальянского в XVI в.: Псалтырь, «Бабуино» и «Катехизис христианского вероучения» / Б. Буоно // Гуманитарные ведомости ТГПУ имени Л. Н. Толстого. – 2016. – № 3. – С. 84–98.
4. Вздорнов, Г. И. Искусство книги в Древней Руси: рукописные книги Северо-Восточной Руси XII – начала XV вв. / Г. И. Вздорнов. – Москва: Искусство, 1980. – 551 с.
5. Вознесенский, А. В. История славянской печатной Псалтири: Московская традиция XVI – XVII веков: простая Псалтырь: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / А. В. Вознесенский. – Санкт-Петербург. – 2008. – 55 с.
6. Зернова, А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках: сводный каталог / А. С. Зернова; под ред. Н. П. Киселева. – Москва: [б. и.], 1958. – 150 с.
7. Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года: комментированное издание / сост.: З. В. Дмитриева, М. Н. Шаромазов. – Санкт-Петербург: Петербург. Востоковедение, 1998. – 380 с.
8. Отписная книга Введенского Корнильево-Комельского монастыря переписи В. Г. Данилова-Домнина, составленная при передаче монастыря игумену Рафаилу и келарю Александру 2 декабря 1657 г. / (публикация Ю. С. Васильева) // Городок на Московской дороге: историко-краеведческий сборник / [отв. ред. А. В. Быков]. – Вологда: Ардвисура, 1994. – С. 130–169.
9. Переписные книги вологодских монастырей XVI – XVIII вв.: исследование и тексты / отв. ред. М. С. Черкасова – Вологда: Древности Севера, 2011. – 495 с.
10. Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: материалы всесоюзной конференции [14–16 февр. 1979 г.] / ред.: М. В. Кукушкина, С. О. Шмидт. – Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1981. – С. 222 – 241.
11. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР, XI–XIII вв. / АН СССР, Отделение истории, Археографическая комиссия. – Москва: Наука, 1984. – 405 с.

ОДИН ИЗ ВКЛАДОВ БОЯР ВОРОТЫНСКИХ В КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Статья посвящена иконе в золотом окладе из собрания Кирилло-Белозерского музея-заповедника как возможному вкладу боярыни Анастасии Львовны Воротынской.

Ключевые слова: Кирилло-Белозерский монастырь, Воротынская, вклады, икона в золотом окладе.

ONE OF THE CONTRIBUTIONS OF THE VOROTYNSKY BOYARS TO THE KIRILLO-BELOZERSKY MONASTERY

The article is about the icon with a gold setting from the collection of the Kirillo-Belozersky Museum-Reserve that was probably donated by the boyar Anastasia Lvovna Vorotynskaya.

Keywords: Kirillo-Belozersky Monastery, Vorotynskaya, donations, icon with gold setting.

В собрании Кирилло-Белозерского музея-заповедника хранится замечательный памятник – икона Богородица Умиление в золотом окладе. Появление иконы в музейном собрании необычно. В 1932 г. она была обнаружена сотрудниками музея в тайнике – под полом верхнего этажа церкви архангела Гавриила, ризницы Кирилло-Белозерского монастыря.

Это небольшая икона аналойного размера (36,7×30,5×4,2). Оклад ее состоит из фона с изящным черневым рисунком вьющейся лозы, полей, жемчужного очелья, нитей крупного жемчуга, пропущенных по контуру, двух килевидных дробниц с именуемой надписью и семи овальных дробниц с черневыми изображениями святых в рост на гладком фоне. На боковых полях – Иоанн Предтеча, Алексей-человек Божий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Василий Великий и Николай Чудотворец. На нижнем поле, в горизонтальной овальной дробнице изображены три русских святителя – Петр, Алексей и Иона.

Рис. 1. Икона Богоматерь Умиление. Конец XVI – начало XVII в.

Иконография Богоматери отличается многообразием типов. Одним из наиболее распространенных изводов, имеющих значительное число вариантов изображений, является Богородица Умиление. Особенности иконографии памятника близки к варианту изображения Богородицы Умиление Яхромской.

Очевидно, эта икона была внесена в монастырь в качестве дорогого и очень ценного подношения знатных и, по всей видимости, близких к царствующему двору, особ. Монастырские учетные документы сообщают нам о многочисленных пожертвованиях икон, имевших серебряное убранство. Редко случались вклады более дорогие, сочетавшие серебряный оклад с золотыми венцами и цатами. Иногда дарили слитки драгоценного металла, жемчуг и самоцветы.

Примером такого вклада служит пожертвование хлебного дворца стряпчего Александра Федоровича Боркова, внесшего в 1641 г. в монастырь золотой крест, золота фунт 10 золотников на 189 рублей и разного жемчуга на 20 рублей [8, с. 164]. Очевидно, подобные вклады предназначались на убранство определенного образа, и, вероятно, обоюдно оговорились в монастыре. Исключительным случаем были вклады икон аналойного размера, имевших полностью золотой комплект оклада. К сожалению, и такие единичные вклады не всегда отражались при монастырском учете. В XVI в., а особенно в XVII в. желающих облагодетельствовать обитель было столь большое количество, что составители различных документов нередко допускали неточности в записях подношений, потоком лившихся в монастырские ризницы и церкви. Показателен случай, произошедший с Иваном Ивановичем Хабаровым (в иночестве Иоасаф), который вложил немало денежных средств на украшение храмов обители. Обнаружив ошибки во вкладных книгах, боярин просил братию позаботиться об их исправлении: «Не забвения ради учените наши дши, исправите по наших душах все по сей грамоте...» [7, с. 47].

Ранние переписные, вкладные и кормовые книги XVII века не указывают на наличие подобного «золотого» вклада в монастыре, за исключением Описи 1668 г. [20, с. 54]. Она называет стоящую в киоте в церкви преподобного Кирилла икону с похожим богатым убором вкладом Федора Ивановича Шереметева, ближнего боярина царя Михаила Федоровича Романова. Венец, цата, коруна, оклад на свету и полях ее были выполнены из золота. Самоцветы и разные драгоценные привесы дополняли убранство. Однако изображения, представленные на памятнике, были иными: Богородица Одигитрия с предстоящими святыми на полях Василием Великим и Андреем Критским и Владычными праздниками, выполненными чернью на пяти золотых дробницах.

В числе древних реликвий из монастырской ризницы Опись 1718 г. [9, л. 35 об.–36 об.] называет икону, стилистическое описание которой совпадает с представленным памятником. Этот образ Богородицы Умиления находился в Успенском соборе, в киоте против правого клироса. Убор иконы был полностью выполнен из золота, украшен драгоценными камнями, различными привесами, имел на полях семь золотых дробниц с резными черневыми образами святых. На этот же исторический документ ссылается архимандрит Варлаам [13, с. 19–20] при составлении описаний монастырских древностей. Он, дополняя опись, перечисляет всех святых, изображенных на дробницах: «...семь накладных золотых дробниц, на коих наведены чернью изображения святых, именно: внизу на одной дробнице трех святителей: Петра, Алексея и Ионы, и на боках, по одному на дробнице; Николая Мирликийского, Григория Богослова, Иоанна Предтечи, Алексея, Человека Божия, Иоанна Златоустаго и Василия В.». Варлаам также указывает на отсутствующую в документе информацию о технических параметрах иконы: «Дска мерою вышины 8 $\frac{1}{4}$ верш, ширины 7 верш». Это примерно 36,67×31 см, что вполне совпадает с размерами рассматриваемой иконы (36,7×30,5) из музейного собрания.

Сопоставление современного состояния оклада иконы с его ранними описаниями позволяет выявить весь объем утрат, имевших место в течение трех столетий. Первое подробное описание иконы было составлено в 1718 г. [9, л. 35 об.–36 об.]. Согласно ему, убранство иконы дополняли венцы, цата, различные привесы, усыпанные драгоценными и полудрагоценными камнями. Опись 1732–1733 гг. фиксирует уже первые утраты богатого убранства иконы. В их числе – панагии, кресты, камни. Известно, с этого образа Богородицы Яхромской, находившейся в Успенском соборе за малым клиросом, 9 июня 1828 г. была похищена золотая цата. Далее в описях XIX в. икона без остальных привес числилась в ризнице [4, л. 99 об.–102; 5, л. 103 об.–105; 13, с. 19–20], а к 1932 г. на ней не было уже венца с городчатой коруной, ожерелья.

Ближайший аналог оформления фона и дробниц можно увидеть на золотом окладе иконы «Богородица Владимирская» начала XVII в. из собрания Оружейной палаты [19, с. 39, 216]. Подобные мотивы узоров с полей и средника иконы встречаются на других изделиях конца XVI – начала XVII столетия. Показательны в этом случае памятники работы московских серебряников из собрания Церковно-археологического музея Свято-Троицкого Ипатьевского монастыря и Костромского музея-заповедника. Большая их часть – пожертвования бояр Годуновых в Ипатьевский монастырь. В их числе – венцы с оклада иконы «Троица Ветхозаветная» конца XVI в. [21, с. 64–65, Кат. 42–45] и оклад напрестольного Евангелия, вклад 1605 г. [21, с. 49, Кат. 32]. Характерные для этого периода элементы декора широко представлены и на других памятниках эпохи: окладе двухсторонней иконы «Богородица Владимирская», выполненной в московских мастерских Оружейной палаты во второй половине XVI в. [19, с. 70–71, Кат. 51]; венцах

новгородских икон с образами пророка Ионы из иконостаса Рождественского собора Антониева монастыря [14, с. 551, Кат. 355] и преподобного Варлаама Хутынского из Успенской церкви Колмова монастыря [14, с. 556, Кат. 362] конца XVI – начала XVII в.; кадилах 1599 и 1603 гг. [15, с. 50, Кат. 31, 32] и ладаннице XVII в. [15, с. 75, Кат. 54] из собрания Владимиро-Суздальского музея-заповедника; сольвычегодских окладах трехъярусного киота 1620 г. и иконы «Богоматерь Владимирская» конца XVI – начала XVII в. [16, с. 60, Ил. 45, 526, Ил. 558], ладанницы 1606 г. [16, с. 167, Ил. 23]. Точный аналог крупной восьмилепестковой цветочной розетки с решетчатой сердцевинной воспроизведен на горизонтальных полях серебряного оклада иконы «Троица Ветхозаветная, с благоверными князьями Всеволодом и Ольгой», ставшей вкладом 1597 г. Стефана Васильевича Годунова в Ипатьевский монастырь по брату Георгию [21, с. 69, Кат. 50]. Мастерами-чеканщиками (возможно, одним мастером) детально повторены особенности изображения формы цветка-подсолнуха с незначительным отличием в воспроизведении сердцевинной. На кирилловской иконе, в отличие от костромского памятника с плотной штриховкой сердцевинной, решетка выполнена свободно с канфареными вкраплениями в образовавшихся ячейках сетки. Аналогичная по форме розетка чеканена на сольвычегодской водосвятной чаше 1633 г. [16, с. 537, Ил. 281].

Датирующим элементом памятника является горизонтальная дробница, размещенная на нижнем поле иконы с изображениями московских святителей Петра, Алексея и Ионы, день памяти которых был установлен патриархом Иовом 5 октября (18 октября) 1596 г., следовательно, оклад иконы возник не ранее этой даты. На полях иконы представлены еще шесть дробниц с резными изображениями святых, очевидно, небесных покровителей семьи вкладчика. Варлаам, убедительно, ссылкой на Описание 1718 г. называет вкладчиком иконы, точнее вкладчицей, княгиню Анастасию Львовну Воротынскую. В Описи 1855 г. эта информация указана в поздних пометах на полях страниц [5, л. 103 об]. Однако внимательное прочтение ее заставляет задуматься над столь кажущимся очевидным фактом. Конец описания памятника выполнен другим почерком, а сведения о вкладе отнесены, вероятно, к ткани (червчатому камачу): «Киот того образа деревянной резной золочен, на верху коруна. На коруне образы пресвятые Богородицы. Святого Иоанна Воинственника, мученика Уара писаны на красках. На верху крест прописан чернилом. У того же образа камка рудожелтая. Налой вновь надстороен. У того ж налая кумач червчатой даяние боярыни княгини Настасии Львовны Воротынской» [9, л. 35 об.–36 об.]. Составители следующей Описи 1732–1733 гг., отмечая утраты с драгоценного убора иконы, упоминают умершего в 1718 г. ризничного иеромонаха Илью Золотицкого (что в некоторой степени объясняет смену почерков в предыдущем описании памятника). Они копируют завершение его описания («у того ж налая кумач червчат даяние боярыни княгини Настасии Львовны Воротынской» [10, л. 28 об]). Так что является вкладом княгини – икона или только покров на аналой? Вкладные книги сообщают о многочисленных пожертвованиях семьи Воротынских. В перечне вкладов Анастасии Львовны постоянно упоминаются изделия из ценных тканей, в том числе комплекты облачений, и отсутствуют сведения об образе в золотом окладе [8, л. 81 об.–91].

Могла ли княгиня вложить в монастырь столь дорогой вклад? Варлаам эти детали в учетных книгах (Описи 1718 г.) нисколько не смутили. Он уверенно относит икону к вкладу Воротынской, очевидно, полагая, что такое пожертвование соответствует высокому статусу представителей этого знатного рода, ближайших родственников царя. Такая уверенность могла быть связана и с тем, что нередко знатные патроны монастыря, привнося в него в дар иконы, продолжали о них заботиться на протяжении долгого времени, как, например, это делала Ефросинья Старицкая [7, с. 31, 30, 236].

Княгиня Анастасия Львовна Воротынская (†1698), урожденная Измайлова, вторая жена Ивана Алексеевича Воротынского, двоюродного брата царя Алексея Михайловича¹. Как Воротынские, так и Измайловы (ее отец – Лев Тимофеевич) имели родовые поместья под Москвой, Тверью, Владимиром, Муромом, что в некоторой степени объясняет появление в их доме образа Богоматери со столь редкой иконографией. Икону она могла вложить в монастырь, будучи уже женой князя Воротынского, то есть после 1674 и до 1698 г. Очевидно, в качестве пожертвования

¹ Князь Иван Алексеевич (?–24 июля 1679), последний представитель рода Воротынских, стольник, участник дипломатических переговоров 1660–1670 гг. и русско-польской войны 1654–1667 гг. Его единственный сын – Михаил скончался 22 сентября 1677 г. [11, с. 65]. По другим данным род Воротынских по мужской линии пресекся с кончиной его внука, Ивана Михайловича (?–1680) [12, с. 729].

она выбрала образ ранний, уже находившийся в их доме. В изготовлении оклада мог принимать участие мастер из их имения. Известно, что Воротынские имели своих золотарей, имена некоторых из них не упоминаются в словарях мастеров золотого и серебряного дела. Таким примером служит оклад напрестольного Евангелия, вклада 1688 г. боярыни Анастасии Львовны в память о муже Иване Алексеевиче Воротынском во Владимирскую церковь села Куркина их подмосковной вотчины. Имя мастера, изготовившего это изделие, Лариона Семенова [23], стало известно благодаря подписи, оставленной самим золотарем на оборотной стороне центральной дробницы оклада.

Однако, несмотря на такие убедительные доводы касательно принадлежности вклада, возникают сомнения, вызванные не только приведенными сведениями в описных книгах, но и отдельными деталями на окладе иконы. Программа изображений святых на дробницах полей оклада неслучайна. Она, очевидно, связана с недавно свершившимся историческим фактом – установлением дня памяти трем русским святителям Московским (1596) по подобию празднования трем вселенским святителям Василию Великому, Григорию Богослову и Иоанну Златоусту. Изображения этих святых вырезаны на дробницах иконы. Их выбор мог быть определен принципом представления тезоименных святых с именами представителей знатного рода. Соотнесение имен святых и представителей фамилии Воротынских не имеет общих оснований. В то же время наличие изображений, например, Иоанна Предтечи, святителей Иоанна Златоуста, Василия Великого, может указывать на небесных покровителей царя Ивана Грозного, великих князей Ивана III, Василия III. Стилистическая близость памятника с рядом вкладных предметов из драгоценного металла в Ипатьевский монастырь Годуновыми может свидетельствовать о близком или едином центре их изготовления. Известно также, что боярыня 18 марта 1689 года получила дар патриарха Адриана¹ – образ Богородицы Владимирской в драгоценном окладе – за земли, которые она уступила Церкви. Возможно, подобный обмен был далеко не единственным, и одну из таких полученных икон она могла затем пожертвовать в монастырь, что в некоторой степени объясняет некоторые возникшие несоответствия и в то же время ее заботу об этом образе в кирилловском Успенском соборе.

Источники и литература

1. Государственный архив Вологодской области. Ф. 496. Оп. 1. Ед. хр. 2953.
2. Государственный архив Вологодской области. Ф. 496. Оп. 1. Ед. хр. 2969.
3. Государственный архив Вологодской области. Ф. 496. Оп. 1. Ед. хр. 2992.
4. Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. ОПИ. Ф.1. Оп.1. Ед. хр. 23.
5. Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. ОПИ. Ф.1. Оп.1. Ед. хр. 26.
6. Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. ДПА. Оп. 2. Ед. хр. 22.
7. Российская национальная библиотека, Отдел рукописей. 78/1317.
8. Российская национальная библиотека, Отдел рукописей. 87/1325.
9. Российская национальная библиотека, Отдел рукописей. 97/1334 а.
10. Российская национальная библиотека, Отдел рукописей. 97/1334 б.
11. Баталин, А. М. Город Воротынск и князья Воротынские в истории России / А. М. Баталин. – Калуга: Золотая аллея, 1995. – 71 с.
12. Большая Российская энциклопедия. В 30 томах. Т. 5. / [научно-ред. совет; председатель Ю. С. Осипов [и др]]. – Москва: «Большая Российская Энциклопедия, 2006. – 767 с.
13. Варлаам Описание историко-археологическое древностей и редких вещей, находящихся в Кирилло-Белозерском монастыре / сост. архимандритом Варлаамом // Чтения в Императорском

¹ Митрополит Адриан был возведён на Патриарший престол 4 августа 1690 г. «Настасья Львовна Воротынская село Куркино с дер. в 1689 г. променяла в дом Пречистыя Богородицы и Московских чудотворцев патриарху Адриану и того же года марта в 18 день святейший патриарх намолил послать в благословение домовых дел со стряпчим с Андреем Григорьевым к боярыне к вдове княгине Настасье Львовне Воротынской образ Пречистыя Богородица Владимирская оклад и венец и слова чеканные оплечно гладкие, что она княгиня Настасья Львовна поступилась в дом Пречистыя Богородицы и святейшему Патриарху в Московском уезде, в Горетов Стане село Куркино да деревню Барашково с пашнею и санными покосами и крестьянскими дворами» [22, с. 17-23].

Благодарю Т. Г. Рунову, предоставившую материалы из данного источника.

обществе истории и древностей Российских при Московском университете / под ред. Е. В. Барсова. Москва: Университетская типография, 1859. – Кн. 3, отд. 1. – С. 1–104.

14. Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XVI–XVII веков / ред. – сост. И. А. Стерлигова. – Москва: Северный паломник, 2008. – 912 с.

15. Золотая кладовая / авт. – сост. С. П. Гордеев. – Владимир: Аркаим, 2009. – 127 с.

16. Игошев, В. В. Драгоценная церковная утварь XVI–XVII веков. Великий Новгород. Ярославль. Сольвычегодск / В. В. Игошев. – Москва: ИНДРИК, 2009. – 727 с.

17. Под покровом пресвятой Богородицы. Чудотворные иконы Божией Матери / сост. А. М. Яций. – Москва: Паломник, 2006. – 570 с.

18. Русское золото XIV – начала XX века из фондов Государственных музеев Московского Кремля: альбом / авт.–сост. С. Я. Коварская, И. Д. Костина. Е. В. Шакурова. – Москва: Советская Россия, 1987. – 237 с.

19. Русское серебро XIV – начала XX века из фондов Государственных музеев Московского Кремля: альбом / авт.–сост. С. Я. Коварская, И. Д. Костина. Е. В. Шакурова. – Москва: Советская Россия, 1984. – 249 с.

20. Савваитов, П. И. Церкви и ризница Кирилло-Белозерского монастыря (по описным книгам 1668 г.) / П. И. Савваитов // Записки отделения Русской и славянской археологии Императорского археологического общества. Т. 2 / ред. В. Ламанский. – Санкт-Петербург: Типография И. Огризко, 1861. – С. 126–343.

21. Сокровища Костромы: из собрания Церковно-археологического музея Свято-Троицкого Ипатьевского мужского монастыря и Костромского музея-заповедника / [автор-сост. епископ Иоанн (Павлихин)]. – Москва: ИП Верхов С. И., 2013. – 263 с.

22. Холмогоровы, В. и Г. Исторические материалы о церквях и сёлах XVI–XVIII в. – М., 1866. – Т. 3.

23. Шакурова, Е. В. К вопросу об атрибуции оклада напрестольного евангелия последней четверти XVII века / Е. В. Шакурова // Декоративно-прикладное искусство / [Редкол.: А. С. Насибова (отв. ред.) и др.]. – Москва: Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 1993. – С. 39–52.

ЖЕЛЕЗО И МУЖЕСТВО: ВЫСТАВОЧНЫЙ ПРОЕКТ 2018 Г. СЕРГИЕВО-ПОСАДСКОГО МУЗЕЯ ЗАПОВЕДНИКА К 400-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ДЕУЛИНСКОГО ПЕРЕМИРИЯ. ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Статья посвящена подготовке и проведению выставки, приуроченной к юбилею Деулинского перемирия и рассказывающей о военной славе Троицкой обители.

Ключевые слова: выставочный проект, Деулинское перемирие, Смутное время.

IRON AND BRAVERY: EXHIBITION PROJECT 2018 OF THE SERGIEV POSAD MUSEUM RESERVE FOR THE 400TH ANNIVERSARY OF THE DEULIN ARMISTICE. PROBLEMS AND SOLUTIONS

The article is devoted to the preparation and holding of an exhibition dedicated to the anniversary of the Deulin armistice and telling about the military glory of the Trinity monastery.

Keywords: exhibition project, Deulin armistice, time of Troubles.

С 10 октября по 12 декабря в выставочном зале музейного комплекса «Конный двор» работала выставка «Железо и мужество». Работа над проектом осуществлялась большим коллективом сотрудников под руководством заместителя генерального директора по научной работе Светланы Викторовны Николаевой¹.

Выставка посвящена тяжелейшему периоду в истории нашей страны и приурочена к 400 летнему юбилею Деулинского перемирия, положившему конец Смутному времени.

Главная цель проекта – рассказать о военной славе Троицкой обители с помощью мемориальных предметов, исторических реликвий и памятников оружейного искусства. Предметы происходят в основном из двух монастырских собраний – ризницы и оружейной палаты. Если собрание ризницы сохранилось в достаточной цельности и полноте, то лаврский арсенал по большей части либо утрачен, либо рассеян по разным собраниям. Лишь малая часть когда-то мощного арсенала ныне находится в различных российских музеях.

Изучение эпохи Смутного времени – одно из главных направлений исследовательской работы музея [10; 11; 12; 13]. Благодаря этому были не только найдены новые данные по теме, но и выявлены необходимые предметы в разных коллекциях. Огромный объем интереснейшей, но неопубликованной информации стал отправной точкой в создании проекта. Накопленные сведения касались в основном Оружейной палаты Троице-Сергиевой лавры. В соединении с военной темой выставки они вывели забытый всеми арсенал на передний план научной концепции проекта.

Оружейная палата Троице-Сергиевой лавры была самым крупным монастырским арсеналом. Здесь хранилось парадное и боевое русское, западноевропейское и восточное оружие XV-XVIII веков. В середине XVII в. знаменитый путешественник Павел Алеппский, которому келарь монастыря с гордостью представлял оборонную мощь обители, писал, что видел здесь пушки «без счета, ружья большие и малые без числа, множество луков, стрел, мечей, пистолетов, копей, кольчуг и железных броней <...>» и др. [9, с. 433].

Все это оружие предназначалось в основном для главной воинской силы Троицы – монастырских слуг. Конные слуги происходили из детей боярских (младших представителей дворянских служилых родов). Их количество менялось на протяжении XVII в. от нескольких

¹ Выражаю глубокую признательность всем сотрудникам СПМЗ, работавшим над проектом. Особая благодарность Светлане Викторовне за поддержку идеи проекта и помощь в его реализации. Кроме того, хотелось бы отметить вклад в работу над выставкой сотрудников исторического отдела - Нины Холодковой, археологического – Виталия Щербакова и Дарьи Черевко. Большую помощь в работе над выставкой оказала второй куратор выставки Татьяна Енина, которой также выражаю большую признательность за помощь в работе над организационными вопросами проекта. Также считаю необходимым поблагодарить сотрудников отдела учета во главе с главным хранителем Галиной Барановой и заведующую отделом учета Аллу Варушкину, а также реставраторов музея, и особенно Екатерину Ромашкину, сотрудников ризницы – Евгению Суворову, Галину Черкашину, Татьяну Кузнецову и коллег издательского отдела СПМЗ - Константина Морозова и Ольгу Ромашкину, а также всех сотрудников хозяйственной части музея во главе с Ларисой Мичуриной.

десятков до нескольких сотен [1, с. 3, 1012]. Именно они служили в военное время не только для обороны крепости, но и посылались на театр военных действий, а также сопровождали выезды троицких властей [9, с. 373].

Первое и самое крупное изъятие оружия из Лавры произошло в 1756 г. по указу Елизаветы Петровны [7, с. 318–319], а в 1779 г. было разобрано и здание оружейной палаты [7]. С этого момента от коллекции отчлняются крупные части, некоторые из них передаются в существующие до сих пор собрания.

Нам удалось найти и идентифицировать оставшиеся в разных собраниях коллекции Троицкого арсенала, небольшая часть которого сохранилась и в нашем музее. Предметы вооружения и военного снаряжения, происходящие из Троице-Сергиевой лавры, ныне украшают коллекции Оружейной палаты Кремля, Музея артиллерии (ВИМАИиВС), Государственного Эрмитажа. Кроме того, предметы, относящиеся к арсеналу Лавры, в разные годы передавались из Оружейной палаты Кремля в музеи г. Владимира, Музей революции [8, л. 48], а из собрания СПМЗ в Государственный исторический музей [2, л. 12], музей «Новый Иерусалим» [4, л. 39], в музей Симонова монастыря [3, л. 15], Вологодский областной краеведческий музей [5, л. 111].

Крупнейшие музеи России поддержали наш проект и любезно согласились предоставить нам предметы, происходящие из лаврской оружейной палаты или идентичные упоминаемым в исторических документах и описях. Таким образом, на время экспонирования мы собрали такую коллекцию ценных памятников оружейного искусства, которые, по нашему мнению, призваны дать точное представление о составе арсенала Лавры и показать вооружение, которым были оснащены войска в начале XVII в., когда и писалась самая яркая страница военной истории Лавры.

Весь процесс подготовки выставки занял два года и включал в себя целый ряд направлений. Важнейшим из них было создание архитектурно-художественной концепции. Автором этой части проекта был приглашенный профессиональный дизайнер, друг музея – Андрей Викторович Бударин.

К началу рекламной кампании им был создан «фирменный» стиль выставки (Рис. 1). Это очень важный этап. Здесь в художественной форме должны быть выражены основные идеи проекта. Примененные в этой работе графические приемы, цветовые сочетания и шрифт изменять впоследствии нельзя. Все элементы художественного решения, выполненные художником с тонким чувством такта и понимания роли подлинного предмета, затем применялись во всех материалах выставки. На этом же этапе Андреем Викторовичем была создана и эмблема выставки, выбран шрифт, исполнены графические композиции и определено колористическое решение. Особо хочется подчеркнуть, что выбранный мастером, крайне редкий для музейных экспозиций контрастный цвет фонов для витрин двух противоположных по смыслу тем, оказался весьма удачным и точно отразил задуманную концепцию проекта. Автор концепции поставил перед командой задачу выстроить экспозицию с использованием, кроме эффектной цветовой палитры, графических композиций, поддерживающих драматургическую канву экспозиции.

Рис. 1. Логотип выставки «Железо и мужество»

Нужно отметить, что сложное содержания проекта, по замыслу автора, требовало образно-художественной интерпретации для каждой «истории» выставки. Такая форма подачи предметных комплексов сразу давала понять зрителю, в какой из тематических зон он находится. Первая большая тема - история собрания оружейной палаты Троице-Сергиевой лавры. Ни изображений, ни описаний ее внутреннего устройства не сохранилось. Неизвестно и то, как в ней хранилось или экспонировалось оружие. И чтобы дать посетителю возможность почувствовать атмосферу арсенала, какой она могла быть в XVIII–XIX вв., художник предложил использовать принципы экспонирования, принятые в это время.

Обычным экспозиционным приемом было размещение исторического оружия и амуниции на натуралистически исполненных манекенах, представленных в тех или иных позах и часто объединенных в сюжетные композиции. Кроме того, из исторических предметов составлялись сложные, чисто декоративные «узоры», где предмет играл второстепенную роль.

Эти приемы подачи предметов, архаические с точки зрения современного музейного экспозиционера, тем не менее, позволили без угрозы утомить зрителя, продемонстрировать большое количество однотипных экспонатов, а именно такая задача стояла перед нами.

Кроме этого нам представлялось необходимым отразить на выставке художественными приемами хрупкость и неустойчивость исторической ситуации, о которой идет речь на экспозиции, удерживая посетителя в эмоциональном напряжении. Мы стремились заставить его сопереживать нашим предкам, задавая себе такие вопросы как: «закончится ли война?», «наступит ли мир?», «погаснет ли адский огонь войны?», оставив черные угли на черной земле, вдовствующей без убитых на войне пахарей.

Из этих размышлений и родилась авторская художественная концепция проекта, в которой художник остановил свой выбор на следующих составляющих: контрастное колористическое решение, графическая напряженность и сложный ритм расстановки объемных элементов.

Вместе с тем, шла и работа по формированию конкретных экспозиционных комплексов. Андрей Викторович изготовил макет зала, где были показаны все элементы будущей экспозиции, что впоследствии позволило нам без лишнего напряжения определить место для каждого экспоната, потому что многие предметы должны были прибыть лишь за несколько дней до открытия.

Предоставленное нам помещение под экспозицию - большой прямоугольный зал с удовлетворительными пропорциями и антропометрическими размерами. Мы использовали все его возможности и постарались замаскировать недостатки. Мы разделили зал по длине на две почти равные по площади половины. Левая половина (условно) – тема войны; правая – тема мира. Колорит двух тем соответствующий – война – пламенеющий очень яркий оранжево-красный, мир – черный.

Часть экспозиции, посвященная войне, получилась более насыщенной, но и этого нам казалось мало. С одной стороны, стояла задача представить перенасыщенность предметами в духе арсеналов XIX в., а с другой, мы не хотели поступаться современными принципами демонстрации подлинников.

Для преодоления этого противоречия был применен следующий прием. Дизайнер предложил заполнить пространство между витринами с оружием репродукциями фрагментов литографированных рисунков и акварелей из альбома «Древностей...» Федора Григорьевича Солнцева и фототипий из альбома Московской Оружейной палаты 1885 г. Эти репродукции были выполнены в технике печати на ткани. Изображения были обработаны по заданию автора художественного решения выставки компьютерным дизайнером Ольгой Ромашкиной. В результате они приобрели качества необходимой условности и стилистическое единство. Ритмичное чередование этих панно и витрин, объектов единого информационного содержания, но различных по своим свойствам, создало задуманное автором ощущение предельной насыщенности экспозиции. При этом витрины с подлинными предметами оставались заполненными с большим запасом свободного пространства, необходимого для «прочтения» каждого предмета: они не были перегружены.

Необходимо сказать и о том, что в упомянутых выше изданиях, имеется много изображений предметов, происходящих из арсенала Лавры. Показав их на репродукциях, мы смогли дать намного больше фактических сведений об истории Троицкой Оружейной палаты. Также с их помощью были показаны приемы экспонирования троцкого оружия в Оружейной палате Кремля, когда оно выставлялось в ней крупными партиями. Одни из них был воплощен на практике - витрина с оружием, предоставленным для выставки Оружейной палатой, была

оформлена в соответствии с фототипией XIX в. Удачная веерообразная выкладка бердышей экспозиционерами XIX в. была нашим дизайнером усилена для придания плоскостному материалу напряжения. Все наконечники были «оторваны» от фонов на 5-6 см., создавая игру света и тени, давая возможность оценить предмет в трехмерном измерении. Этот прием сыграл и другую, крайне важную роль. Он подчеркнул различия между подлинными наконечниками и «новодельными» древками, сделанными специально к выставке хранителем Оружейной палаты А. Н. Чубинским¹.

В витринах, отведенных для темы «война», мы собрали на манекенах, по примеру старых арсеналов, подлинные предметы вооружения и военного оснащения. Экспонаты подбирались так, чтобы каждая «фигура» давала представление о типовом персонаже эпохи. Мы реконструировали типовое оснащение драгун, рейтар, гусар, монастырских слуг, крестьян, стрельцов. Выстроившиеся в линию вдоль всей стены, они казались готовым к бою строем ратников.

Эта форма подачи экспонатов и вспомогательного материала темы войны сделала эту часть очень насыщенной и зрелищной, призванной по мысли создателей выставки захватить и увлечь посетителя. Это нам удалось, что видно на видеосюжете с открытия выставки. Мальчик лет семи-восьми, просмотрев целый ряд витрин с оружием, настолько увлекся увиденным, что начал играть с воображаемой булавой. Такой эмоциональный отклик свидетельствует о бессознательной реакции ребенка, проникнувшегося авторским замыслом.

Осмотрев левую сторону, вслед за посетителем переходим в центр зала. Здесь была представлена тема знаменитой Троицкой обороны 1608-1610 гг. Предметы здесь огромные – до 2,5 метров длиной. Их мы разместили на горизонтальной поверхности в трех узких витринах, длиной около 3 метров. Витрины были соединены зигзагообразно и расставлены точно на диагонали зала. Это создавало эффект динамики, «нервности», необходимой, по нашему мнению, для раскрытия темы обороны монастыря.

В витрине, поставленной поперек зала, в зрительном центре, художник предложил поместить на пламенеющем фоне темы «война» (о котором еще будет сказано ниже) небольшую икону «Обитель Преподобного Сергия», окружив ее плотным строем стальных «чесноков, имеющих четыре острия, одно из которых при разбрасывании всегда направлено вверх. Колорит иконы холодный, зеленовато-оливковый, он контрастирует с беспокойным фоном, «кругом огонь, а в монастыре тишина». Икона демонстрируется на плоскости, как и монастырь, который лежит на «пылающей и кровоточащей земле – русской». Чтобы еще усилить впечатление от этой витрины мы расположили ряды чесноков перпендикулярно, «в обратной диагонали» относительно расстановки витрин. В этом комплексе витрин мы добивались создания образа неприступности монастыря, основанного преподобным Сергием и живущего его идеями: «сплоченный верой он не может быть взят».

По краям этой витрины с обителью, защищающейся пассивным оружием, торцами, образуя рваную диагональ, художник поставил две витрины, в которых мы разложили оружие, «ощетинившееся» остриями пик и бердышей на Лавру. В одной из них - западноевропейские алебарды, а во второй – бердыши русских изменников. Эти очень длинные предметы концами древок опирались на плоскость, тогда как их острые наконечники были приподняты на 7-10 см, что придало всей композиции агрессивность с эффектом ощущения нападения на Троицу.

На высоте одной трети длины древок этих предметов были поставлены стеклянные полки-подиумы, на которых мы разложили образцы восточного оружия, уникальные сабли шамширы из частного собрания Камила Хайдакова, который любезно нам их предоставил. Это сабли с булатными клинками и клинками из дамасской стали, инкрустированные золотом и серебром – типичное оружие полководцев эпохи Смутного времени. Такое оружие хранилось и в Лавре. Вывезенные в 1830 г. из Лавры, легендарные сабли Д. М. Пожарского и К. Минина, ныне украшающие экспозицию Оружейной палаты, для этого проекта нам предоставлены не были.

Размещение на военной выставке икон – отдельная и отнюдь не случайная тема. Она демонстрирует огромное значение религии в сознании человека эпохи средневековья. Кроме

¹ Хранитель большей части троцкого оружия, находящегося ныне в собрании Оружейной палаты Московского Кремля, Александр Николаевич Чубинский является автором нескольких публикаций по истории троцкого оружия, в частности, троцких пищалей и о русских бердышах [14; 15]. О бердышах, предоставленных на нашу выставку см. его каталожные описания в [16]. Выражаю благодарность А. Н. Чубинскому за оказание действенной помощи при монтаже предметов, принадлежащих ОП ГММК.

«Обители», на выставке демонстрировались еще две иконы, каждой из которых в драматургии выставки отведена своя роль. Самая знаменитая из трех – икона «Явление Богоматери Преподобному Сергию» 1588 г., написанная келарем монастыря Евстафием Головкиным на доске от гроба Преподобного Сергия. Эта почитаемая русским воинством святыня – самый известный памятник боевой славы, открывала выставку. Автор художественного решения предложил поставить ее при входе в зал в небольшой кубической витрине на возвышение, напоминающее аналой. На его передней плоскости была помещена икона, а на обратной стороне – серебряный ковчег, специально снятый для выставки. Это вклад фельдмаршала Бориса Петровича Шереметьева. Впервые в истории музея извлеченный из киота ковчег знакомит публику с исключительным по содержанию текстом. Расположение этой витрины при входе и способ подачи экспоната предлагали посетителю, войдя в зал, поклониться этой великой святыне.

Третья икона – большая Троица – была вмонтирована в нишу конструкции, напоминающей крепостную башню. Эта преувеличенного масштаба композиция, нарочито статичная, была размещена на оси симметрии зала. По своим качествам она – явление из другого мира, противостоящего агрессивному асимметричному окружению, «хаосу войны». «Башня» с иконой – смысловой центр выставки. Это и образное воплощение одного из «имен» Лавры – Дом Живоначальной Троицы, и всем понятный символ единения и согласия – призыв к прекращению смуты и братоубийства. Так была обыграна одна из самых сложных в воплощении в музейной экспозиции тем – тема «духовного восхождения». Три иконы, расположенные по длинной оси зала, образовали условную линию, выражавшую эту основную идею. Иконы, рассматриваемые в контексте истории монастыря показывают, как подвиги одного человека вдохновляют множество людей, делают их стойкими и открывают им духовное зрение на непостижимое. Эта линия повествования должна была подсказать зрителю ответ на вопрос, откуда же взялась такая стойкость, такое упорство, и что помогало укрепить дух обороняющихся.

По сторонам от Троицы мы разместили в двух больших вертикальных витринах особенно значимые и мемориальные предметы. Справа – экспонаты, по легенде принадлежавшие князю Д. М. Пожарскому. Это седло, уздечка и пороховница. Они демонстрировались очень свободно, чтобы подчеркнуть каждый предмет. В работе над этими витринами принимали участие сотрудники Оружейной палаты Кремля.

С витрины, посвященной памяти князя Дмитрия Пожарского, начинался осмотр противоположной войне правой стороны зала, в витринах которой были показаны комплексы, объединенные темой, условно названной «мир». Фон и оборудование этих витрин – черные, причем для отобранных нами предметов была выбрана ткань, имитирующая блестящий шелковый атлас. Здесь экспонировались предметы, в основном взятые из фондов монастырской ризницы, исключительного художественного уровня и большой материальной ценности. Черный цвет позволил нам максимально замаскировать весь крепеж, подвес и оборудование. Роскошные фелони, эффектно расшитые жемчугом и драгоценными камнями, – вклады знаменитых военачальников в Лавру – мягко выступали из мрака черных, но родственных им по фактуре шелковых фонов. А специально для проекта отреставрированные предметы прикладного искусства из золота и позолоченного серебра словно «парили» в космической темноте, позволяя зрителю насладиться их совершенной формой и декором.

В этой части экспозиции рассказывалось о конкретных людях – знаменитых военачальниках, судьба которых тесно связана с Троицким монастырем, под их предводительством троицкие ратники на протяжении XVII века сражались во всех войнах, которые вело русское государство. Их имена можно было увидеть на многих произведениях прикладного искусства, являющихся вкладыями в монастырь. Например, было показано уникальное поминальное блюдо, выставившееся на гробнице Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, погребенного в Лавре, и ряд других мемориальных предметов.

О рядовых воинах напоминали проколотые русские монеты – свидетельства принятого в допетровской Руси способа поощрения всех чинов войска.

Чтобы не разрывать пространство резким контрастом черного и пламенеющего цветов обеих противоположных стен, было учтено следующее. На обычном стекле наших довольно пожилых по возрасту витрин нет антибликов, в отличие от современного оборудования. Это обстоятельство сыграло свою роль в сохранении цельности выставочного пространства. Посетитель, подходя к черным витринам, видел в них отражения витрин противоположной стороны, воспринимая их как бы как «всполохи пламени». Этот эффект на подсознательном уровне эмоционально воздействуя на зрителя, удерживал его в напряжении, не давая забыть о

главной теме выставочного проекта – теме военной славы русского оружия.

Обойдя зал, наш зритель оказывался перед невысокой сценой шириной около 2 метров и пустой стеной, неудобной для экспонирования имевшихся в нашем распоряжении экспонатов. Поэтому было принято решение создать здесь свободное пространство для театрализованных и интерактивных мероприятий, оформив его следующим образом. На эту стену была помещена объемно-графическая композиция по примеру театрального задника. Фоном ей на всю ширину сцены послужил баннер с изображением древнерусских воинов. Художник выбрал из множества предложенных вариантов старинных иллюстраций с изображением русских воинов малоизвестное ныне изображение, взяв которое за основу, создал абсолютно современное панно, которое и стало узнаваемым брендом всей выставки. Оно использовалось на всех ее графических материалах: на обложке каталога, на уличных баннерах и афишах, пригласительном билете. В результате художественного переосмысления источника, получилось очень оригинальное изображение, потому что оно стало острее, напряженней и выразительней по сравнению с ним, сохраняя при этом графический стиль оформления выставки, так как оригинал был создан в XIX в. Эта композиция на сцене, в которой задействованы объемные предметы, графические изображения и яркие цветовые акценты была направлена в одну сторону, вправо, к выходу из зала. Получился эффект агрессивного «движения» в сомкнутом строю, сквозь который врагу ни за что не пробиться. В эту же сторону направлены дула орудий, установленные на передней стороне сцены. Экспонируемые на подиумах сложной формы, сконструированными мастером дизайна, древние пушки и ядра – стали дополнительным материалом по истории артиллерии монастыря.

Финальной точкой в композиции выставки на правом краю сцены перед входом в зал было предложено поставить объемный на всю высоту стены «пилон», который в верхней части украсила эмблема выставки – надпись древнерусской вязью, трактованная в современном стиле. Усилия дизайнера и всех сотрудников, не жалевших времени и сил, позволили создать интересный для зрителя проект, рассказывающий несколько значимых в истории края тем. Вот несколько отзывов о работе выставки, которые красноречиво свидетельствуют о ее успехе, и, главное, о том, что ее тематическое содержание, выраженное в оригинальных художественных формах, созданных замечательным мастером дизайна, оказалось понятным нашим посетителям. Благодаря предложенным Андреем Викторовичем приемам экспонирования, а также необычайной яркой стилистике оформления, выставочный проект оказался заметным явлением в культурной жизни города [6].

«Выставка потрясающая! Сделана со вкусом – благородно, красиво, стильно, достойно, просто наслаждение. Спасибо большое за труд».

«Выставка замечательная!!! Большое спасибо! Уверен, что выставка нужна для воспитания подрастающего поколения, для воспитания патриотизма. Знание истории Родины воспитывает чувство гордости за предков и помогает избежать исторических ошибок. Понять, что междоусобица – злейший враг для нашего государства. Заслуженный художник России, председатель Сергиево-Посадского отделения Союза художников России Харченко Иван Иванович, народный художник РФ Полотнов Валерий Павлович...».

«Спасибо! Выставка впечатляет и удивляет лаконизмом, и вместе с тем содержательностью и полнотой раскрытия темы! Горские Иван, Михаил. 25.11.2018»

«Выставка очень впечатлила! Узнал много нового. Довольно много экспонатов. Даже не подозревал, что наш Сергиев Посад хранит в себе столько всего интересного! 11.11.18. Фокша Захар», 11 лет [6].

Источники и литература

1. Арсений (иеромонах) Доклады, грамоты и другие акты о службах Троицкого Сергиева монастыря. – М., 1868. – 95 с.
2. Архив отдела учета Сергиево-Посадского музея-заповедника. – Оп. 2 Д. 39 Л. 12.
3. Архив отдела учета Сергиево-Посадского музея-заповедника. – Оп. 2 д. 7. Л.15.
4. Архив отдела учета Сергиево-Посадского музея-заповедника. – Оп. 2. Д. 260. Л.39.
5. Архив отдела учета Сергиево-Посадского музея-заповедника. – Оп. 2. Д.181. Л.111.
6. Книга отзывов по выставкам «От образца до изразца» (2016 и 2018) и выставке «Железо и мужество». К 400 летнему юбилею Деулинского перемирия. (2018): Личный архив ст. научн. сотрудника Археологического отдела СПМЗ В. В. Щербакова.
7. Новоселов, В. Р. Судьба арсенала Троице-Сергиевой лавры: мифы и документы. //Материалы

и исследования. Федеральное гос. бюджетное учреждение культуры «Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Московский Кремль». / Отв. ред. А. Л. Баталов. – Вып. XXI. – М. 2012. С. 318–319.

8. ОР ПГФ Музеев Московского Кремля. – Ф. 1. Оп. д/р. Д.7. Л. 48.

9. Павел Алеппский (архидиакон). Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. Перевод с арабского Г. Муркоса. – М., 2015.

10. Токарева, Т. Ю. «Реликвии» Смутного времени: рождение исторических легенд. / Т. Ю. Токарева // Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Историческое оружие в музейных и частных собраниях. – Вып. 1. – М., 2018. – С.307–320.

11. Токарева, Т. Ю. Артиллерия Троице-Сергиева монастыря в XVII-XVIII вв. / Т. Ю. Токарева. // История военного дела: исследования и источники. – 2015. – Специальный выпуск VI. Русский «бог войны» исследования и источники по истории отечественной артиллерии. – Ч.I. – С. 47–51. – Электронный ресурс – URL: <http://www.milhist.info/2015/11/09/tokareva/> (дата обращения 26.08.2019).

12. Токарева, Т. Ю. Источники по арсеналу Троице-Сергиева монастыря XVII-XVIII веков / Т. Ю. Токарева // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции 18–20 мая 2016 г. – СПб., 2016. – Ч. V. – С. 149–153.

13. Токарева, Т. Ю. К вопросу об атрибуции сабель Кузьмы Минина и Дмитрия Михайловича Пожарского из собрания Оружейной палаты Московского Кремля. / Т. Ю. Токарева, К. С. Хайдаков // Война и оружие: новые исследования и материалы. Труды Восьмой Международной научно-практической конференции 17–19 мая 2017 года. – СПб., 2017. – Ч. IV. – С. 291–313.

14. Чубинский, А. Н. О времени изготовления стволов, замков и лож «троицких пищалей» из собрания Оружейной палаты / А. Н. Чубинский // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 4. Четвертые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г. – М., 2015. – С. 614–615.

15. Чубинский, А. Н. О русских бердышах / А. Н. Чубинский // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Восьмой международной научно-практической конференции 17–19 мая 2017 года. – Ч. IV. – СПб, 2017. –С. 508–509.

16. Чубинский, А. Н. Оружие из арсенала Троице-Сергиева монастыря в собрании Московской Оружейной палаты / А. Н. Чубинский // Железо и мужество. К 400-летию Деулинского перемирия. Каталог выставки. – Сергиев Посад, 2018. – С. 35–37, 68–70.

ПАЛАТКИ НА КЛАДБИЩАХ XVI-XVII ВВ. ОБ ОДНОМ МАЛОИЗВЕСТНОМ ВИДЕ НАМОГИЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ

Статья посвящена малоизвестному типу намогильных сооружений XVI–XVII вв. – небольшим усыпальницам, которые в источниках упоминаются как «палатки». Возможно, палатки возникли под влиянием придельных церквей-усыпальниц. Однако они не были часовнями и служили только для обустройства погребения знатных лиц и совершения над ними поминальных служб.

Ключевые слова: некрополь, коммеморация, палатки, кладбище.

PALATKI IN CEMETERIES XVI-XVII CENTURIES. ABOUT ONE LITTLE-KNOWN TYPE OF TOMBSTONES

The article is devoted to the little-known type of gravestones of XVI–XVII cc., to the small tombs which are mentioned in the sources as *palatki* (tents). Perhaps the *palatki* appeared under the influence of side altars of churches-tombs. However, they were not chapels and served only for arrangement of burial of noble persons and committing over them funeral services.

Key words: necropolis, commemoration, *palatki*, cemetery.

Традиция погребения знатных людей и церковных владык в храмах перешла на Русь из Византии. Князей и епископов хоронили в городских соборах, бояр – в общегородских и ктиторских монастырях и храмах. С XVI в. аристократы предпочитали кладбища известных монастырей погребениям в вотчинных обителях и церквях. Близость к мощам прославленных чудотворцев и детально разработанный церемониал поминовения делали крупные монастыри привлекательнее родовых богомолий [26, с. 7-38].

Захоронения светских лиц в соборах в XV–XVI вв. совершались редко. Еще реже – возведение церквей-усыпальниц. Так, строительство придельной церкви св. Владимира над могилой князя В. И. Воротынского в Кирилло-Белозерском монастыре (1554 г.) вызвало гнев Ивана Грозного, который счел это проявлением гордыни. Правда, в сельской тиши вотчинники могли позволить себе погребение в созданном ими храме [16, с. 421–436].

С конца XV в. кладбища крупных монастырей покрываются белокаменными плитами («досками»), а спустя столетие там уже так тесно, что появляются надгробия с пометами «зането место» [8, с. 280–285]. На монастырских некрополях формируются семейные и родовые участки, ставшие основными структурными единицами кладбищ.

Л. А. Беляев установил, что эпитафии на русских надгробиях возникают в связи с традициями поминовения – необходимо было совершать «на гробах» заупокойную службу в день кончины и именин умершего [2, с. 261]. Поминальная практика XVI–XVII вв. вызывает также появление палаток – своеобразных усыпальниц.

Вообще, слово «палатка» означало любое небольшое каменное (кирпичное) сооружение. В источниках неоднократно упоминаются палатки, служившие для хозяйственных нужд. В архитектурном отношении они подражали палатам – были четырехугольными и сводчатыми, имели вход, одно или два окна, двускатные или четырехскатные крыши. В XVIII–XIX вв. палатки-усыпальницы перестраивались, на них сооружались главки с крестами, что придало им сходство с часовнями. Термин «палатка» в отношении мемориального сооружения в источниках XVI–XIX вв. преобладает. Только в Обиходнике Евфимия Туркова 1581/582 гг. на некрополе Иосифо-Волоколамского монастыря упомянута «усыпальница каменная» [10, с. 2]. Реже употреблялся термин «часовня» [18, с. 6]. Действительно, это были функционально разные здания: в одних служили заупокойные службы, в других – часы.

Вероятно, одной из первых была Серапионова палатка под гробом архиепископа Серапиона Новгородского († 1516 г.) в Троице-Сергиевом монастыре. Можно думать, что ее поставили после открытия святых мощей архиепископа в 1559 г. [12, с. 195-197]. Позднее эта палатка также стала усыпальницей митрополитов Феодосия и Иоасафа, а после перестроек XVIII в. – еще и архимандрита Дионисия. Каменная палатка, «где лежит Серапион архиепископ новгородский», упоминается в списке погребенных в монастыре 1634 г. (благодарю Н. В. Холодкову за это

указание). В 1651–1655 гг. «вследствие бывших <...> знамений от гроба» Максима Грека была поставлена палатка над его могилой. Впоследствии она неоднократно перестраивалась. В 1934 г. в ней была устроена чайная [25]. В 1938–1940 гг. при реставрации Духовской церкви это здание снесли. Во время археологических работ в 1996 г. обнаружен фундамент палатки, в пределах которой находились мощи святого Максима Грека [5, с. 27–33]. Строительству Михеевской церкви в 1743 г. также предшествовала палатка преподобного Михея чудотворца [12, с. 192].

К XVI в. относится палатка, обнаруженная Л. А. Беляевым при раскопках в Спасском «на усть-Угры» монастыре. Она пристроена к стене собора середины XVI в. Внутри находится высокий кирпичный прямоугольный постамент, более всего напоминающий возвышение для раки с мощами. Однако ни склепа, ни погребения под постаментом обнаружено не было. Л. А. Беляев предполагает, что палатка могла быть сооружена для перезахоронения князей Дмитрия или Семена Федоровичей Воротынских (возможных основателей монастыря), а вероятным инициатором строительства был князь Александр Иванович Воротынский, либо его брат – знаменитый воевода, князь Михаил Иванович [3, с. 58–68]. Оба, конечно, знали о церкви-усыпальнице над могилой брата Владимира, имели возможность ее видеть. Вероятно, из-за того, что Воротынский удел в 1562 г. взял себе Иван Грозный, перезахоронение не состоялось. Можно также предположить, что в палатке Спасского монастыря находились мощи подвижника, имя которого забылось, а мощи были утрачены.

На Ильинском погосте Шуйского уезда Владимирской губернии стояла палатка рода Собакиных (отца и братьев царицы Марфы Васильевны). Краевед В. А. Борисов в 1847 г. писал: «Теперь в ней можно приметить только то, что при входе в оную, прямо в стене, были в небольшом киотце (тябле) образа, а по бокам пустые впадины, где, вероятно, вделаны о погребенных тут телах надписи...» [7, с. 24]. Время сооружения этой палатки неизвестно, возможно, XVII в.

До наших дней сохранилась палатка именитых людей Строгановых в Сольвычегодске с плитами, содержащими даты от 1567 г. до 1671 г. Это четырехугольное сооружение в стиле классицизма, с прямоугольным входом и полукруглыми окнами, увенчанное крестом. Его пол целиком состоит из белокаменных плит с эпитафиями. Полагаю, что крест был установлен в XIX в., как и на другой палатке – касимовского царевича Якова Васильевича в Касимовском Казанском девичьем монастыре (перестроена в часовню в XIX в., не сохранилась). Палатка была почти квадратной, имела входную дверь и два окна. На фото видны декоративный портал и наличник, характерные для XVII в. [11]. В московском Златоустовском монастыре существовала еще одна палатка над погребением царевичей Касимовских, разобранный в середине XVIII в. [6, с. 161]. Палатки Касимовских царевичей относятся к XVII в.

В 1606 г. в московском Новоспасском монастыре, рядом с собором, бывшим усыпальницей Захарьиных-Юрьевых-Романовых, возможно, в особой деревянной церкви или в каменной палатке похоронили тела Александра, Василия и Михаила Никитичей Романовых. Их привезли из отдаленных мест, куда Романовы были сосланы Борисом Годуновым, и там умерли или были убиты. В первой четверти XVII в. над этими погребениями (или рядом с ними) построили каменную Знаменская церковь, также ставшую усыпальницей для Романовых и их родственников. К храму были пристроены две намогильных палатки, «но и те уже чрез толикое немалое время наполнены были телами» [27, с. 10]. В 1789–1795 гг. Знаменскую церковь перестроили, а над могилами четырех братьев Романовых (к опальным добавился в 1640 г. брат боярин И. Н. Романов) возвели «палатку Никитичей» с патрональными иконами и «неугасимыми лампадами» [21, с. 63; 4]. Таким образом, погребения братьев Никитичей либо «кочевали» из палатки в Знаменскую церковь и обратно, либо всегда находились в палатке рядом с церковью. А. Г. Авдеев и Г. Г. Донской полагают, что над захоронением трех братьев был создан «антигодуновский мемориал», обличающий царя Бориса [14, с. 339–348]. Эта гипотеза построена на списках с эпитафий из «палатки Никитичей», однако есть основания сомневаться в аутентичности этих текстов [4, с. 12–37].

Пример того, когда захоронения, совершенные в соборе (в соборной паперти) затем оказались в палатке известен с погребениями Годуновых в Троице-Сергиевом монастыре. В 1606 г. по велению царя Василия Шуйского в паперти монастырского Успенского собора погребли тела царя Бориса Годунова, его жены и сына. Позднее семейный некрополь пополнился могилой царевны-инокини Ксении (Ольги) Годуновой. В паперти над Годуновыми были установлены надгробницы с покровами, на стенах помещены иконы, перед надгробницами – поставные свечи. В XVIII в. западную паперть собора разобрали, а над погребениями Годуновых в 1780–1781 гг.

выстроили палатку. Захоронения этой усыпальницы были вскрыты и разграблены в 1930-е гг. [22, с. 3–4, 18–23; 24, с. 22–26].

В начале 1630-х гг. в Спасо-Евфимиевом монастыре создал родовую усыпальницу в палатке князь Д. М. Пожарский. В ее интерьере возвышались надгробницы, украшенные покрывами, горели свечи, стояли иконы. Палатка князей Пожарских и их родственников князей Хованских археологически исследована Л. А. Беляевым. Ученый отмечает, что примером для русской знати XVII в. при оформлении семейных захоронений стал Архангельский собор – главная династическая усыпальница Московского государства [1, с. 61–102].

К XVII в. относится палатка при Троицкой церкви в селе Ликурга Буйского района Костромской области (сохранилось 12 белокаменных надгробий XVII – начала XVIII вв. Готовцевых и Голенищевых-Кутузовых). Это сооружение с четырехскатной крышей, без креста [15]. Известно изображение и план палатки Матвеевых рядом с церковью Св. Николая в Столпах до ее перестройки А.Ф. Элькинским в 1821 г. Она имеет четырехскатную крышу, вход с восточной стороны и два окна с южной. Внутри располагались семь надгробий и три «доски» в стенах [17, с. 28–31]. Список подобных сооружений можно продолжить.

Термин «палатка» употреблялся также и по отношению к усыпальницам в подклетах. В Списке надгробий Троице-Сергиева монастыря 1630-х гг. упоминаются «полатки»-усыпальницы князей Одоевских и Трубецких под папертью Троицкого собора. Сложились они в первой четверти XVII в. [13, с. 97–98; 23, с. 96, 97; 9]. Такие же палатки-склепы известны и в других обителях.

При Петре I палатки, как и другие элементы старомосковского быта, были упразднены. Указом от 26 октября 1726 г. запрещалось ставить над могилами умерших «будки», а указано читать псалтырь в церквях и притворах [20, с. 3]. Однако палатки существовали и даже строились в XVIII в., например, палатка Годуновых в Троице-Сергиевом монастыре.

Подведем итоги. Очевидно, палатки как отдельные мемориальные сооружения появляются в XVI в. Первоначально, их строили на монастырских кладбищах. В XVII в. известны палатки на приходских городских кладбищах и на сельских погостах. Скорее всего, первые палатки (Серапионова, Максима Грека, палатка Спасского на «усть-Угры» монастыря) примыкали к стенам монастырских соборов подобно церкви-усыпальнице св. Никона Радонежского в Троице-Сергиевом монастыре и церкви-усыпальнице князя В.И. Воротынского в Кирилло-Белозерском монастыре. С. С. Подъяпольский полагал, что между последними двумя сооружениями есть генетическая связь [19, с. 314–316]. Возможно, что Серапионова палатка также строилась по образцу церкви-усыпальницы св. Никона, но так и не стала храмом, а приобрела вид особого мемориального сооружения. Позднее палатки отделяются от стен храмов, их строят на приходских и сельских кладбищах. Палатки XVI–XVII вв., скорее всего, не имели главок, не были увенчаны крестами. В них не совершалось никаких служб, кроме поминальных. Однако при гробах находились патрональные иконы, стояли свечи, на надгробницах лежали покрывы. В родовую усыпальницу могли переносить прах тех, кто ранее был погребен в других местах, о чем есть свидетельства источников XVII в. Палатки были отечественными вариантами богатых усыпальниц, местом поминовения и блаженного успения знатных и состоятельных людей Московского государства XVI–XVII вв.

Источники и литература

1. Беляев, Л. А. Родовая усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения / Л. А. Беляев. – Москва: ИА РАН, 2013. – 260 с.
2. Беляев, Л. А. Русское средневековое надгробие: Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. / Л. А. Беляев. – Москва: МОДУС-ГРАФФИТИ, 1996. – 563 с.
3. Беляев, Л. А. Спасский «на усть-Угры» монастырь в XVI веке: (археология, история, архитектура) / Л. А. Беляев // Реставрация и архитектурная археология: новые материалы и исследования / [редкол.: А. Л. Баталов и др.]. – Москва: Мейкер, 1995. – Вып. 2. – С. 55–73.
4. Беляев, Л. А. В поисках бояр Романовых: междисциплинарное исследование усыпальницы XVI–XVIII вв. в Знаменской церкви Новоспасского монастыря в Москве / Л. А. Беляев, М. Б. Медникова. – Москва: ИА РАН, 2018. – Вып. 1. – 207 с.
5. Беляев, С. А. Отчет о проведении в июне-июле 1996 года работ в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре по обретению святых мощей преподобного Максима Грека – С. А. Беляев. – Санкт-Петербург: Аксион Эстин, 2007. – 76 с.
6. Беляков, А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование / А. В. Беляков. – Рязань: Мир, 2011. – 510 с.

7. Усыпальница рода Собакиных / [сост. В. А. Борисов] // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете / под ред. Е. В. Барсова. – Москва: Университетская типография, 1847. – № 5. – С. 24.
8. Вишневский, В. И. Об одном типе надписей на надгробиях Троице-Сергиева монастыря / В. И. Вишневский // Русское средневековое надгробие XIII–XVII века: материалы к своду / сост. Л. А. Беляев. – Москва: Наука, 2006. – Вып. 1. – С. 280–285.
9. Вишневский, В. И. Могила князя Трубецкого в подклете Успенского собора / В. И. Вишневский. – Текст: электронный // Свято-Троицкая Сергиева Лавра: сайт. – URL: <http://www.stsl.ru/history/facts/all/mogila-knyazy-a-trubetskogo-v-podklete-troitskogo-sobora> (дата обращения 1.06.2019).
10. Выписка из «Обихода» Волоколамского Иосифова монастыря конца XVI века о дачах в него для поминовения по умершим / сообщ. Леонид, епископ Дмитровский // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете: повременное издание / под ред. Е. В. Барсова. – Москва: Университетская типография, 1863. – Кн. 4, ч. 5. – С. 1–8.
11. Выставка «Касимовский Казанский девичий монастырь: тайна гробницы царевича Иакова» 13.03.2018 г. [Электронный ресурс] URL: <http://kasmuzey.ru/all-news/events/680-vystavka-kasimovskij-kazanskij-devichij-monastyr-tajna-grobnitsy-tsarevicha-iaкова> (дата обращения 1.06.2019 г.).
12. Голубинский, Е. Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра: жизнеописание преподобного Сергия и путеводитель по Лавре / Е. Е. Голубинский. – Сергиев Посад: типография А. И. Снегиревой, 1892. – 387 с.
13. Горский, А. В. Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры, составленное по рукописным и печатным источникам профессором Московской духовной академии А. В. Горским в 1841 году, с приложениями архимандрита Леонида / А. В. Горский. – Москва: Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1879. – 204 с.
14. Донской, Г. Г. Прокламации в камне против Бориса Годунова / Г. Г. Донской // Вопросы эпиграфики / отв. ред. А. Г. Авдеев. – Москва: Русский Фонд Содействия образованию и науке, 2011. – Вып. V — С. 335–361.
15. Живой журнал deni spiri «Ликурга vs. Чмутово»: [сайт]. – URL: <https://ru-abandoned.livejournal.com/1485977.html> (дата обращения 1.06.2019 г.). – Текст: электронный.
16. Кавельмахер, В. В. К вопросу о времени и обстоятельствах постройки церкви Рождества Христова в Юркине / В. В. Кавельмахер // Памятники культуры. Письменность. Искусство. Археология: новые открытия: ежегодник / сост. Т. Б. Князевская. – Москва: Наука, 1996. – С. 421–436.
17. Кияновский, М. Гробница боярина Артамона Матвеева / М. Кияновский // Свечильник. Религиозное искусство в прошлом и настоящем. – 1913. – № 6-7. – С. 28–37.
18. Материалы для истории, археологии и статистики московских церквей, собранные из книг и дел преждебывших патриарших приказов В. И. и Г. И. Холмогоровыми, при руководстве И. Е. Забелина / В. И. Холмогоров, Г. И. Холмогоров. – Москва: Московская городская типография, 1891. – 546 с.
19. Подъяпольский, С. С. Каменное зодчество Кирилло-Белозерского монастыря в его отношении к строительству Троице-Сергиева монастыря / С. С. Подъяпольский // Древнерусское искусство. Художественные памятники Русского Севера / отв. ред. Г. В. Попов. – Москва: Наука, 1989. – С. 310–319.
20. Розанов, Н. П. О московских городских кладбищах / Н. П. Розанов. – Москва: Университетская типография, 1868. – 16 с.
21. Снегирев, И. М. Новоспасский ставропигиальный монастырь в Москве / И. М. Снегирев. – Москва: Мартынов, 1863. – [112] с.
22. Спирина, Л. М. Царская усыпальница рода Годуновых. Сергиев Посад, 2008.
23. Ткаченко, В. А. Некрополь Троице-Сергиевой лавры конца XIV–XVII в.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02 – В. А. Ткаченко. – Москва, 2006. – 171 с.
24. Токарева, Т. Ю. Загадки царской усыпальницы / Т. Ю. Токарева, Н. В. Холодкова // Подмосковный летописец: историко-краеведческий альманах. – 2018. – № 2 (56). – С. 22–30.
25. Холодкова, Н. В. Чайная на могиле Максима Грека / Н. В. Холодкова // Вперед. Муниципальная общественно-политическая газета Сергиево-Посадского района. – 2019. – 5 мая (№ 041).
26. Шокарев, С. Ю. Как формировались боярские усыпальницы Москвы: к постановке вопроса /

С. Ю. Шокарев // Российская генеалогия. – 2018. – № 3. – С. 7–38.

27. Ювеналий (Воейков И. Г.). Описание состоящего в Московском ставропигиальном Новоспаском монастыре храма Знамения Пресвятыя Богородицы / Тщанием и иждивением двора его императорского величества обер-камергера, сенатора и орденов: святого апостола Андрея Первозванного, святого равноапостольного князя Владимира большого креста I. степ. Полских, Беллаго Орла, Станислава, и святого Иоанна Иерусалимского большого креста кавалера, графа Николая Петровича Шереметева, на гробах знаменитых особ предков и родителей его воздвигнутого, с приобщением надгробных надписей, собранное 1803 года. – Москва: В губернской типографии у А. Решетникова, 1803. – XII, 56 с.

НЕКРОПОЛЬ РОСТОВСКОГО СПАСО-ЯКОВЛЕВСКОГО ДИМИТРИЕВА МОНАСТЫРЯ: СТРУКТУРА, СОСТАВ, МЕСТО РАСПОЛОЖЕНИЯ

На примере кладбища Спасо-Яковлевского монастыря города Ростова Великого рассматривается традиция монастырских захоронений второй половины XIX – начала XX вв. Произведена реконструкция его структуры и состава, выявлены имена около четырехсот лиц, похороненных на нем.

Ключевые слова: монастырь, некрополь, кладбище, погребение, поминовение, надгробия, Спасо-Яковлевский Димитриев монастырь.

NECROPOLIS OF SPASO-YAKOVLEVSKIY DIMITRIEV MONASTERY IN ROSTOV THE GREAT: STRUCTURE, CONFIGURATION AND LOCATION

Through the example of the cemetery of Spaso-Yakovlevskiy Dimitriev Monastery the paper considers the tradition of monastery burials in the latter half of the 19th century and in the early 20th century. The paper presents reconstruction of the structure and configuration of the necropolis and lists around 400 persons buried there.

Key words: monastery, necropolis, cemetery, burial, commemoration, tombstones, Spaso-Yakovlevskiy Dimitriev Monastery.

Прославленный обретением мощей святителя Димитрия Ростовского, Спасо-Яковлевский Димитриев монастырь со второй половины XVIII столетия стал знаменитейшей и богатейшей обителью Ярославской епархии – его известность достигла столицы империи и распространилась по России. В соответствии с возвышением статуса монастыря, возросло значение монастырского некрополя – он оказался наиболее престижным и представительным среди всех кладбищ города Ростова.

В советское время, после упразднения монастыря, его кладбище подверглось практически полному уничтожению. Из огромного числа надгробных памятников уцелели жалкие остатки. Места, где прежде располагались захоронения, не обозначены. Имена людей, похороненных в этом монастыре – забыты.

Многолетняя работа с архивными документами позволила установить имена погребенных, выявить их возраст, время жизни и социальное положение, а также и примерно определить места расположения их могил. Источниками послужили списки лиц, похороненных в монастыре, составленные в начале XX в. [7; 10], приходно-расходные книги «неокладных сумм» XIX – начала XX вв. и другие документы монастырского архива.

Первым известным захоронением в Яковлевском монастыре явилось датированное концом XIV в. погребение основателя обители ростовского епископа Иакова, который, по свидетельству жития, был «погребен в Ростове в сем монастыре Зачатия Пресвятыя Богородицы, в церкви сей за левым крылосом, яже бе тогда деревянная» [12, с. 4–5]. Последнее документально подтвержденное захоронение на территории обители было совершено в 1928 г. [2, л. 241, 243]. Таким образом, хронологические рамки существования монастырского некрополя практически совпадают со временем существования самого монастыря.

Захоронения располагались внутри монастырской ограды. Погребения локализовались около храмов – Спасского, Димитриевского и Зачатиевского с Яковлевским. Особо престижным были места для погребений на центральном монастырском дворе, рядом с Димитриевским и Зачатиевским соборами. В то же время, комплекс захоронений вокруг отдаленной Спасской церкви являлся наиболее многочисленным. Эта церковь – все, что отсталось от Спасо-Песоцкого монастыря, который в 1765 г., в ходе монастырской реформы, был присоединен к Яковлевскому, благодаря чему территория обители значительно увеличилась. На этой дополнительном пространстве и разместилась основная часть монастырского некрополя.

Известны единичные случаи захоронений внутри церквей. Предоставление в качестве места погребения одного из храмов зависело от особых заслуг покойного перед монастырем и порой специально оговаривалось в завещании. К примеру, архимандрит Иннокентий (Порецкий), возглавлявший обитель без малого три десятилетия, был захоронен в притворе Зачатиевского храма согласно собственному завещанию, а монахиня Вероника (Волчкова) удостоилась чести

быть похороненной в Воскресенском храме по тому, что эта церковь была устроена на пожертвованные ею средства. Впрочем, право погребения внутри монастырского храма можно было просто купить, правда, за очень большие деньги. До настоящего времени в паперти Зачатиевской церкви, справа от входа, находятся две мраморные гробницы, обозначающие место захоронения четы Полежаевых. В декабре 1876 г. вдова Вера Леонтьевна Полежаева заплатила монастырю несколько тысяч рублей за место для двух могил в паперти монастырского собора для ее скончавшегося супруга, Михаила Михайловича Полежаева, а также, для себя – на будущее время [5, л. 107 об.; 4, л. 84 об.].

Рис. 1. Спасо-Яковлевский Димитриев монастырь. 2019 г.

Монастырский некрополь имел сложную структуру. Особое значение в его системе имели погребения канонизированных ростовских иерархов – св. Иакова и св. Димитрия, мощи которых являлись святынями монастыря. Святитель Иаков, огласно «Житию», был похоронен за левым клиросом основанной им деревянной Зачатиевской церкви. Впоследствии над местом предполагаемого погребения святителя был устроен посвященный его памяти храм. Мощи св. Иакова покоятся под спудом [12, л. 4–5, 14]. Митрополит Димитрий, вопреки церковной традиции, предписывающей погребать епархиального архиерея в кафедральном соборе, по собственному завещанию был похоронен в Яковлевском монастыре, в юго-западном углу Зачатиевского храма: «Аще же владычествующих изволение повелит мя умерша погребсти по обычаю, то молю христоробивых погребателей, да погребут мя в монастыре святого Иакова епископа Ростовскаго, во угле церковном, идеже место назнаменовано, о сем челом бью» [6, с. 86; 12, с. 50–52].

Важное место в системе монастырского некрополя занимали настоятельские погребения. Согласно давнему монастырскому обычаю, архимандритов, игуменов и наместников Спасо-Яковлевского монастыря хоронили около старого монастырского собора – вокруг Зачатиевского храма и пристроенной к нему Яковлевской церкви. Не случайно в одном из монастырских изданий пространство близ алтаря Зачатиевского монастырского собора названо «местом архимандритов, прежде бывших» [8, с. 14].

Так, в паперти Зачатиевской церкви был похоронен архимандрит Иннокентий; рядом со входом в Яковлевскую церковь – архимандрит Павел; около алтаря Зачатиевского храма – архимандриты Август и Авраам, наместник Флавиан; с южной стороны церкви Зачатия – архимандриты Аполлинарий и Поликарп, игумен Неофит, наместник архимандрит Пахомий [10, л. 1–1 об.].

В литературе описан обряд погребения архимандрита Иннокентия – одного из самых известных яковлевских настоятелей. Он скончался на 75-м году жизни, 27 февраля 1847 г., ранним утром. По традиции, большой монастырский колокол ударил двенадцать раз, возвестив монастырю и городу о кончине настоятеля. Погребение Иннокентия было совершено через десять дней после кончины: три дня тело стояло в настоятельских покоях и еще неделю – в

Димитриевской церкви. Бесконечным был поток людей, приходивших проститься с ним. По свидетельству современника: «В течении же 10 дней читаемо было святое евангелие иеромонахами и иеродиаконами в облачении попеременно. Всякий день по три панихиды совершаемы были соборныя и множество было панихид от любящих детей духовных священно-архимандрита Иннокентия».

Хоронили архимандрита Иннокентия утром 8 марта 1847 г., в субботний день. Распорядителем погребальной церемонии явился благочинный ставропигиальных монастырей настоятель Московского Донского монастыря архимандрит Феофан (Александров). На погребении присутствовало до шестидесяти священников, двадцать диаконов, около сотни причетников. Жителей города, участвовавших в похоронах, было так много, что они не вмещались в просторные монастырские храмы. Крестным ходом, под погребальный звон монастырских колоколов, был совершен вынос тела настоятеля из Димитриевского храма в церковь св. Иакова, построенную во время его управления обителью. Там архимандрит Феофан отслужил литургию, после чего тело почившего было предано земле в паперти Зачатиевского собора. Место своего погребения архимандрит Иннокентий выбрал сам, завешав похоронить себя рядом с могилой иеромонаха Амфилохия – своего родного дяди и духовного отца, которого он глубоко почитал и искренне любил. И поныне их гробницы стоят рядом на паперти старого монастырского собора [12, с. 90; 8, с. 140–142].

Скончавшихся монахов и послушников Спасо-Яковлевского монастыря хоронили на монастырских кладбищах около трех церквей (Спасской, Димитриевской и Зачатиевской). В поздних монастырских метрических книгах (1907–1915 гг.) «братским кладбищем» названо место за алтарем Спасского храма [9, л. 5, 13].

В Спасо-Яковлевском монастыре хоронили монахинь и послушниц ростовского Рождественского девичьего монастыря, что объяснялось отсутствием собственного кладбища на совсем небольшой, тесной территории Рождественской обители.

В количественном отношении наиболее значительную часть монастырского некрополя составляли мирские погребения (в среднем, более 85% от числа известных захоронений). На кладбищах Спасо-Яковлевского монастыря встречались погребения представителей всех сословий – крестьянства, мещанства, купечества и дворянства. В основном, это были жители Ростова, в отдельных случаях – жители окрестных сел или других городов: Углича, Ярославля, Костромы, Вологды, Москвы [7, 10].

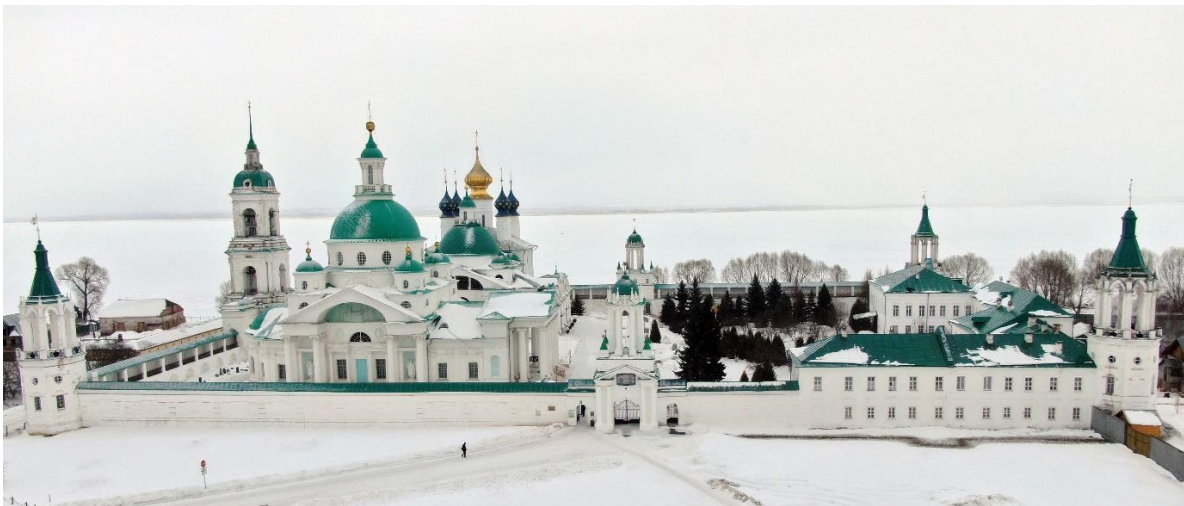

Рис. 2. Спасо-Яковлевский Димитриев монастырь. 2019 г.

Для всех лиц, исключая насельников Спасо-Яковлевского монастыря, места для погребения на территории обители предоставлялись за соответствующую плату, что являлось одной из статей дохода монастыря. Стоимость каждой могилы зависела от места ее расположения и в прошлом столетии варьировалась от одного рубля до полутысячи.

Максимальная для XIX в. оплата места захоронения, составившая 500 руб. была произведена в 1899 г. при погребении Дмитрия Андреевича Олсуфьева, могила которого находилась с южной стороны Зачатиевского храма [11, 48 об.].

Минимальный вклад за место для могилы – один рубль – был внесен ростовским мещанином

Алексеем Николаевичем Бубновым, в 1880 г. похоронившим около Спасской церкви внуку, Марию Метелкину [3, л. 65 об.]. Вообще, оплата мест младенческих и детских захоронений была сравнительно небольшой и в среднем составляла около трех рублей за место. Порой для младенцев или маленьких детей и вовсе не устраивали отдельных могил, а просто «подхоранивали» их в могилы близких родственников. Следует отметить довольно большое число детских, особенно – младенческих, погребений на монастырском кладбище, что объяснялось высокой детской смертностью в дореволюционной России.

По данным приходно-расходных книг, плата за места для могил на территории Спасо-Яковлевского монастыря (исключая младенческие погребения, оплачиваемые по отдельной таксе), во второй половине XIX в., в среднем, была следующей:

около Спасского храма: 1870-е годы – 15–20 руб.; 1880-е годы – ок. 10 руб.; 1890-е годы – ок. 20 руб.;

около Дмитриевского храма: с северной стороны – ок. 50 руб.; с южной и восточной сторон – 100–150 руб.;

около Зачатьевского храма: с южной и восточной сторон – до 200 руб.

В начале XX столетия стоимость места для могилы около Спасского храма находилась в пределах от 30 до 100 руб. Места для могил около Дмитриевского храма в это время стоили в среднем по 250 руб. Важно подчеркнуть, что стоимость мест для могил, так же как и оплата услуг, сопровождаемых обряд погребения, не были строго определены, и во многом зависели от состоятельности заказчика.

Различная стоимость мест для могил позволяет сделать вывод о степени престижности комплексов захоронений возле разных церквей. Дороже обходилась и, следовательно, выше ценилась возможность погребения на центральном монастырском дворе – с южной стороны Дмитриевского храма и около Зачатьевского с Яковлевским. Традиционно наиболее значительным являлось пространство около алтаря каждой из названных церквей. Кроме того, из-за близости к месту нахождения мощей св. Димитрия, в Спасо-Яковлевском монастыре особенно ценилось пространство с южной стороны Зачатьевского храма. Места для могил около Спасской церкви, расположенной на хозяйственном дворе монастыря, стоили значительно дешевле. Однако, как уже отмечалось, захоронений там было гораздо больше.

Места для могил оплачивались непосредственно перед погребением или приобретались заранее. В последнем случае выдавался документ, подтверждающий право на определенный участок земли монастырского кладбища – особой формы квитанция, заверенная монастырской печатью, а также подписями настоятелями или наместника и казначея. Нередко заблаговременно выкупались места для могил родственников, благодаря чему формировались фамильные комплексы погребений. Таковыми были захоронения Быковых, Густилых, Жуковых, Златоустовских, Крохиных, Мальгиных, Метелкиных и многих других [7, 10].

Уцелевшие остатки нескольких надгробий и старые фотографии позволяют судить, что на кладбищах Спасо-Яковлевского монастыря существовали надгробия трех типов, а именно: плиты; памятники, по форме напоминающие гробницы; а также невысокие колонны и каменные основания, увенчанные крестами. Материалом для надгробий служили известняк, гранит или мрамор. Надгробные памятники украшались эпитафиями. Многие могилы были обнесены узорными коваными решетками.

Итак, в связи с возвышением и расцветом Спасо-Яковлевского монастыря, начавшимся в середине XVIII столетия, существенно увеличивается число людей, желавших избрать местом своего упокоения именно эту обитель. Комплекс захоронений на территории Спасо-Яковлевского монастыря в XIX – начале XX вв., по своим масштабам был вполне сопоставим с городскими кладбищами Ростова, но престижность и значимость данного некрополя оставались непревзойденными.

К настоящему времени выявлены имена около четырехсот человек, чьи могилы сто-двести лет назад находились в ограде Спасо-Яковлевского Дмитриева монастыря [1, с. 78–112]. С большой долей уверенности можно утверждать, что в результате архивных изысканий осуществлена словесная реконструкция основной части монастырского некрополя на период XIX – начала XX столетий.

Источники и литература

1. Виденева, А. Е. Некрополь Ростовского Спасо-Яковлевского монастыря / А. Е. Виденева // СРМ. – Ростов, 1994. – Вып. 6. – С. 78–112.

2. Государственный музей-заповедник «Ростовский Кремль». А-173.
3. Государственный музей-заповедник «Ростовский Кремль». А-613.
4. Государственный музей-заповедник «Ростовский Кремль». А-902.
5. Государственный музей-заповедник «Ростовский Кремль». А-1035.
6. Духовная грамота св. Димитрия Ростовского // Житие св. Димитрия митрополита Ростовского. – Москва, 1896.
7. ОР НРБ. Ф. 775. Оп. 1. Д. 4539.
8. Последние дни и кончина архимандрита Спасо-Яковлевского Димитриева монастыря Иннокентия в описании его современника / публ. и пред. А. А. Титова. – Ярославль, 1900.
9. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 1320.
10. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 1327.
11. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 801.
12. Селецкий, Д. С. Описание Ростовского ставропигиального первоклассного Спасо-Яковлевского-Димитриева монастыря и приписного к нему Спасского, что на Песках / Д. С. Селецкий. – Санкт-Петербург, 1849.

Список сокращений

ГМЗРК – Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль» ОР НРБ – Отдел рукописей Национальной Российской библиотеки РГАДА – Российский государственный архив древних актов

СРМ – Сообщения Ростовского музея

ПАМЯТИ ВАЛЕНТИНА ПАВЛОВИЧА КУЗНЕЧЕНКОВА (1939–2020)

Валентин Кузнеченков родился в 1939 г. в городе Вельске Архангельской области. В 1965 г. окончил Вологодский педагогический институт по специальности «учитель истории, литературы и русского языка». После окончания института работал директором Азлецкой восьмилетней школы Харовского района. Более 35 лет Валентин Кузнеченков находился на профсоюзной работе, был награжден нагрудным знаком ВЦСПС «За активную работу в профсоюзах», двумя нагрудными знаками Федерации независимых профсоюзов России «За активную работу в профсоюзах».

Человек широчайшего кругозора и глубоких знаний, Валентин Павлович любил классическую музыку, хорошо разбирался в оперном вокале, мог часами рассказывать о солистах мировой сцены. Но его главным увлечением была отечественная история. С 2011 г. Валентин Павлович стал заниматься сбором данных о князьях Воротынских, фамильный склеп которых находится на территории Кирилло-Белозерского монастыря, ныне музея-заповедника. Среди них самый известный – князь Михаил Воротынский, который был крупнейшим полководцем и государственным деятелем России второй половины XVI века.

В. П. Кузнеченков в 2012 г. стал одним из инициаторов создания Совета по увековечиванию памяти князя Михаила Ивановича Воротынского. В Совет вошли представители высшей школы, сферы образования и культуры, церкви, общественных объединений, исследователи-краеведы.

Инициативным советом был принят план мероприятий по увековечиванию памяти князя Воротынского. Многие из намеченного было успешно реализовано при непосредственном участии и активной работе В. П. Кузнеченкова: в 2019 г. заслуженным художником России скульптором Александром Шебуниным был выполнен макет бюста князя Михаила Воротынского, в августе 2019 г. прошла Первая Всероссийская научно-практическая конференция «Воротынские чтения. Средневековая Россия: военный и духовный подвиг предков».

Обладая талантом организатора, имея профессиональные связи в преподавательской среде, Валентин Павлович лично сам вел огромную просветительскую работу в общеобразовательных школах, средних учебных заведениях, вузах: часто выступал перед школьниками и студентами с лекциями о становлении Российского государства, о роли князя Воротынского в истории России. Неоднократно выступал по областному радио. При активном содействии В. П. Кузнеченкова в Вологодской областной научной библиотеке имени И. В. Бабушкина ежегодно, начиная с 2013 г., проводились книжные выставки «Великие русские полководцы».

За личный вклад в сохранение историко-культурного наследия и патриотическое воспитание граждан Валентину Павловичу было вручено Благодарственное письмо губернатора Вологодской области.

26 января 2020 г. на 81-м году Валентин Павлович Кузнеченков ушел из жизни, но дело, которому он страстно служил, живет.

Остается и светлая память о Валентине Павловиче!

Научное издание

**ВОРОТЫНСКИЕ ЧТЕНИЯ.
СРЕДНЕВЕКОВАЯ РОССИЯ:
ВОЕННЫЙ И ДУХОВНЫЙ ПОДВИГ ПРЕДКОВ**

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
(Вологда-Кириллов, 5-7 сентября 2019 г.)

Выпуск 1

Электронное издание

Вологодская областная универсальная научная библиотека
г. Вологда, ул. М. Ульяновой, д.1; т/ф. 8(8172) 21-17-69; e-mail: adm@booksite.ru